

СЕРГЕЙ ЛУЦЕНКО

Письмена и зёрна

Стихотворения, поэмы, переводы

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2025

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2=411.2)6-5
Л 86

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

Л 86 Луценко Сергей.
Письмена и зёрна. Стихотворения, поэмы, переводы. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2025. – 304 с.

В новую книгу члена Союза писателей России Сергея Луценко «Письмена и зёрна» вошла лирико-философская и гражданская поэзия разных лет, публиковавшаяся в российских и зарубежных общественных, литературных и научных изданиях. В книге представлены поэмы, посвящённые личностям разных эпох, в то или иное время привлёкшим внимание автора. В книге также представлены переводы из немецкой, белорусской, черногорской, сербской, русинской, болгарской поэзии XIX–XX веков.

ISBN 978-5-4420-1225-5

© Луценко С.Е., 2025

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Небесные читал я письма
Сквозь латочку берёзовой коры:
Была червём изъедена она,
Но сквозь неё сияли мне миры;

Когда же к уху приложил её,
Восстало пенье древнего древней, –
И сжалось сердце бедное моё:
Века и бездны шли и шли за ней.

И радостно и грозно здесь и там
Струятся воды и стремится свет...
Вот-вот я приложу её к устам...
Что молвлю мирозданию в ответ?

* * *

И мхи, и бабочки, и звёзды,
И сны зверей, и тайны-гнезда,
И глубь земли, и неба высь
Во мне уютно улеглись;

Лежат – и потихоньку дышат,
И пульс тысячелетий слышат:
Они, храня мои пути,
Ждут знака – песней прорасти...

ЛЁГ Я В ТРАВЫ...

Лёг я в травы, несказанное храня.
Тень кузнечика упала на меня.

Наклонилась вслед за ней земная ось.
Не мгновенье, а столетье пронеслось.

Вдруг по-новому расправилось крыло.
Пригляделся – а под радугой светло.

На вершине белопламенного дня
Песня выпорхнула: близко ли родня?

А кузнечик подхватил – и не затих.
Эта радуга и песня – на двоих.

На двоих – а горячо-то как в груди!
Будет отсвет, будет отзвук, погоди...

* * *

Осенний день янтарный,
Медовый, одари, –
И песней лучезарной
Проклюнься изнутри!

Раскинь приветно тропки,
Продли блаженный миг...
Слова мои так робки,
Но Кто-то слышит их.

Мир, возведённый в степень!
Я век смотреть готов,
Как ходит солнца гребень
По золоту лесов...

Склоняюсь благодарно! –
И пусть вершит набег
Осенний день янтарный,
Огромный, словно век.

А было: брёл ночами,
Моля: «Взрасти! взрасти!..»
О, сколько за плечами!
И сколько – впереди?..

* * *

Руси великой и живой
Во мне слились потоки плавно:
Я волхв, о Русь, извечный твой –
И песнопевец православный.

Я посох древний свой беру,
Ещё беру немного хлеба, –
И возле Дуба, на юру
Творю помин Бориса, Глеба...

Во мне слились потоки все,
Дороги все сошлись упрямо:
Я песни числю по росе,
Веду их семо и овамо.

Вот, речью кликнута святой,
Садится на плечо Жар-птица;
На колеснице золотой
Илья-пророк навстречу мчится...

Я руку протяну свою,
Чтобы достать немного хлеба,
А достаю – а достаю
Обломки радуги и неба!

* * *

Ты вся – от схимы до разгула,
От моря и до моря – вся
К груди отчаянно прильнула –
Вошла – и нежа, и грозя.
Я весь – твоя беда и сила,
Твоя молитва и хула...
Ласкай – но не мертви, что было!
Сжигай – но не сгори дотла!

* * *

Тишина баюкает тропинку –
И тропинка дремлет между трав.
Зреет август, белую косынку
На макушку роще повязав.

Навалилось в полдень утомленье...
Иль в горячке лето обожгло?
Исцеленья жду – и утоленья,
Жить хочу – просторно и светло.

Проиграть могу ли эту битву?
Многое сегодня на кону...
Прочитаю милую молитву,
Не спугнув колдунью-тишину,

И пойду тянуть свою тропинку,
То помин справляя, то почин, –
И поправлю белую косынку,
Дотянувшись до родных вершин...

РОДИЧИ

И росы, и грозы, и ясные зори,
И чащи на страже, и горы в дозоре,
И вьюги, и соловьи –
Всё родичи это мои...

Назвать поимённо всех вряд ли возможно
(И радостно мне оттого, и тревожно),
Но знаю: лишь запою –
Подхватите песню мою.

Прильнёт ветерок и обнимет негрубо,
И бабочка нежно овеет мне губы...
А вдруг беда – предо мной
Вы встанете крепкой стеной.

Тяните же к сердцу родимые нити
И ласке и мужеству сердце учите:
Дорога не коротка,
А песне – века и века...

* * *

На гору тучка прилегла –
И в тот же миг
Уснула, ангельски светла,
Меж трав седых.

Она не ведает обид,
Свет зорь тая...
Мне кажется, что это спит
Душа моя.

Всё спит и спит меж круч и дней,
Дрожа чуть-чуть,
Пока не скажет Кто-то ей
Про дальний путь...

* * *

Я слышу перекличку именную...
Я где-то посредине и миную
Жерло неотвратимое – пока.
И медлит *да* сорваться с языка...
И отступали те, кто шёл вначале,
И те, кто сзади, вдруг опережали;
И вздох, и ропот явно слышал я –
И содрогалась вновь душа моя;
Она, тоскуя, отзывалась немо...
Но слышало все отголоски небо –
И слушало, зарницами слепя,
Как я искал кого-то и себя;
Как, смертную оспаривая участь,
Я шёл так редко радуясь – и мучась
Так часто, что срастаются уста.
Их рана не даёт сказать мне *да*...

* * *

На коре сосновой и берёзовой,
На коре осины и ольхи
Зорями, под звёздами, под грозами
Я писал сердечные стихи...

Оттого и стали не случайными
В них цветы, стрекозы, облака
И лесными, луговыми тайнами
Засветилась каждая строка.

Сколько было мне дано хорошего!
Только очень мало взято в толк...
Слова не страшусь неосторожного:
Неоплатен мой духовный долг.

Позовёт ещё ветла по имени
И берёза мудрый даст совет,
И заманят в чашу соловьи меня,
И кукушка напорочит лет...

Я пойду, целуя ветры встречные,
И привечу песни юных трав,
И слова горячие, сердечные
Прошепчу, к земле моей припав...

* * *

Сны забыты, и спутаны даты,
И дороги давно уж не те,
И слова улетели куда-то,
Растворились, как дым в высоте.

Руки жмёшь, улыбаешься, пленный,
И страшишься, и споришь... – а сам
День и ночь горячо, сокровенно
Припадаешь к родным временам.

Может быть, времена те наивны,
Может быть, не совсем хороши, –
Но поют поезда в них, и ливни
Беспечальны, нежны и свежи...

Всё прошло. Стало всё отголоском –
И сокровищем стало моим.
И выходят года к перекрёсткам,
И в слова превращается дым...

* * *

Долгий дождь на сухие леса
Набегает, осенний владыка,
И, в пространствах померкших летя,
Сердце ждёт журавлиного клика.

Это Родина, сердце моё,
Здесь не страшно устать и промокнуть...
Только бы чужедальних краёв
Не возжаждать – и там не умолкнуть!

Это Родина: радость, и боль,
И надежда, и горькое горе...
Я навеки, навеки с тобой,
Я в тебе... Разве было – другое?

Разве – будет?
Нет родственней уз...
Я в пространствах осенних, былинных
Всё лечу и лечу – и лечусь
Горькой капелькой с крыл журавлиных...

* * *

Железные горы сошлись –
И стужей повеяла высь.
Бог Мрака, крепя свой предел,
Всё мёртвой водой окропил.
И кажется – Бог Вешних Сил
Навеки во тьме схоронил
Колчан белопламенных стрел...

Но явится Бог-Великан,
На горы пойдёт – и тогда,
Гремя, разомкнётся колчан,
Железные рухнут врата.
И канет поверженный стан –
И хлынет живая вода
На мир, изнемогший от ран...

ДОЖИВИ ДО ВЕСНЫ...

Доживи до весны, доживи до весны –
Пусть коснутся тебя первых ландышей сны;

Доживи до весны – и на тихой тропе
Пусть черёмуха нежно кивает тебе;

Пусть поёт соловей свою песню – и пусть
Повторяет сердечко её наизусть;

Пусть тебе улыбается ясно заря,
О счастливой любви говоря, говоря;

Пусть встречает тебя среди полей и лесов
Только радости зов, только радости зов!

Доживи до весны, доживи! А пока –
Вот на счастье строка, вот на счастье рука.

Нас предзимье морочит, снегами слепя...
Доживи до весны, заклинаю тебя!

* * *

Милый друг, пожалуйста, не куксись –
Не горюй о всяких пустяках! –
Покажи судьбе зловредной кукиш
И оставь старуху в дураках.

Было б в досталь и воды, и хлеба!
Для тебя – порадуйся, взгляни! –
Засевают звёздочками небо,
Затевают солнечные дни...

* * *

За окнами проклюнется рассвет,
Расправит огневое оперенье, –
И сердце вдруг опомнится от бед,
И запоёт во мне стихотворенье.

Да, просто так – возьмёт и запоёт! –
Неприхотливо, невелеречиво:
Прольётся благодать небесных сот
За ожиданья подвиг терпеливый...

* * *

Навестив заветные места,
Улыбнулся, словно на прощанье...
Но душа, взволнованно-чиста,
Добрые дарует обещанья!

Говорит: «Подслушала у них –
Птиц, и муравьёв, и незабудок,
У деревьев, у зверей лесных –
Долог будет путь, певуч и чуток...»

* * *

...А может, надо затеряться
Без сожаленья, без следа –
И петь, как росы сентябруются
Или апрелится вода...

А может надо, словно порох,
Взорваться яростно – и впредь
Не увязать в ненужных спорах,
В недужных ссорах не мертветь;

Сгореть дотла – и возродиться,
Лететь просторно и светло –
И знать, что канула темница,
Что всюду – небо и крыло...

* * *

...И в ночь ушёл я от дозора –
Прочь от хулы и от хвалы...
Врезались молнии в озёра
И навзничь падали стволы.

Я шёл, усталый и унылый,
И думал – нечего беречь...
Но вот – рассвет проснулся милый
И дружески коснулся плеч.

Я шёл – и не было безвестней
Меня в родимой стороне...
Но зазвучали всюду песни –
И люди улыбнулись мне!

И понял я: в години злые
Я шёл не зря меж ярых стрел –
На дали эти грозовые
Сам Бог с надеждою смотрел...

ПОЭТ

Под рукой не бумага – а бездна,
И в руке не перо – а перун.
Что увидится? – Богу известно...
Что услышится? – Божьих ли струн,
Труб ли возгласы или вещанья
Всеобъемлющего родника?..
Ты склонился, а бездна в тумане
И перун не блистает пока...

* * *

На музыку небесную слова
Я подбираю робко, неумело –
И дух перевозжу едва, едва...

Вот снова заиграли и запели:
Слышней, когда идёт по миру ночь,
И ангельские лютни, и свирели...

Я внемлю им – и потрясён мой дух!
Я вторю, неба слабый отголосок,
Сквозь ярые порывы гроз и вьюг.

Я вторю – и срывается мой голос...
И гибну, и молю: не покидай!
О, только б не ушло, не расколось!

На музыку небесную слова
Я подбираю... Вдаль уходят годы –
Но в бездне туч ликует синева!

* * *

Настоян полдень на меду...
На зов родной, приветный
Я через годы вдаль иду
Тропинкой неприметной.

Лесной тропинкой, луговой...
Нет слаще той тропинки!
Я всюду – светлый и живой –
От солнца до травинки.

Всё отражая без конца,
Я жажду выраженья,
И всюду Божьего лица
Таится отраженье...

ТЕРНОВНИЧЕК

Низкорослый, от зноя усталый,
От мороза дрожащий в ночи,
Одари меня ягодкой малой,
От обид и от бед излечи.

Я тебя не ругаю нисколько
И колючек твоих не боюсь,
Оттого что дороженькой долгой
Прилегла к тебе вещая Русь.

А когда вешней кипенью весь ты
Озаряешься, ласки даря, –
Русь весёлая юной невестой
У лесного стоит алтаря.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Тропиночкой заветной
Я шёл и тихо пел...
Неслышно, незаметно
На грудь кузнечик сел.

Вершатся лета сроки,
Всё ближе листвою...
Кузнечик одноногий,
Родные мы с тобой!

Для нас росинки – чаши,
Однако – мы вольны;
И всё же песни наши
Кому-нибудь нужны...

Судьбой вдвойне мы биты, –
И, значит, на двоих
С тобой у нас обиды...
Да надо ли о них!

А солнышко поляны
Ласкает горячо...
Немалы наши раны,
Но крылья есть ещё!

БЛАЖЕННЫЙ

Скушу заманчивую почку,
Склонюсь к весёлому ручью,
Любимую поглажу кочку,
К родному прислонюсь пенёчку
И милой птахе подпою:
«Фьюить-фью-фью!..»

Иду – и сердце песне радо!
А на ночь приютят меня...
Вот хлеб и соль, а вот заплата.
Мне больше ничего не надо,
Со мной везде моя родня!..

Не задружу с враждой и ложью,
Не приманю вовек обид,
Ведь на тропе и в бездорожье
Из-под ладошки Матерь Божья
На душеньку мою глядит.

* * *

На левой ладони – безмолвствует лес.
На правой ладони – дымится гора.
Я веки смежил и склонился к земле –
И дую на прах векового костра.

Мне кажется: вечно не будет тепла,
Не будет жилища – на тысячи вёрст.
О Господи Боже! Скорее зола
Взметнётся – и вспыхнет от сгинувших звёзд.

Молву ль раздуваю, беду ль сторожу?
Кого заклинаю: приди иль не тронь?

Неужто забудусь – и переложу
Я гору и лес из ладони в ладонь?..

* * *

Детство само улетело.
Юность пустил под откос.
В душу она так несмело
Смотрит сквозь сумерки слёз.

Юность! Покоя не знаю...
Из-за полынной межи
Ты не смотри так, родная,
Что-нибудь – только скажи!

«Думой больной и неправой –
Той, без которой ни дня,
Чёрной-пречёрной отравой
Сколько морил ты меня...»

Юность, певунья, царевна!
Слышу твой голос живой:
Шепчешь печально, безгневно
Из-за межи грозовой.

Дальше, всё дальше, – а вскоре
Словно с погибших планет
Смотришь – и слепнешь от горя...
Вот уж и голоса нет...

Ясно всё до содроганья.
Холодно, пусто в лесу.
Боже, хотя бы дыханье
Не упущу, донесу...

* * *

Раздумьями день мой вышит...
Слетая на сердца стук,
Синица крылышком пишет
Всё то, что не скажешь вдруг...

К зениту судьба стремится...
Да вот, на мою беду,
Твои письма, синица,
Я всё никак не прочту.

Учась погружаться в детство,
Сквозь тысячи лет стекла,
Я всё не могу взглядеться
В пробег твоего крыла.

Тебя поймает ресница,
А ты держи на весу,
Лови на лету, синица,
То семечку, то слезу.

Для пташки – от Бога крошки,
Для сердца – раздумий нить
И песня, что ждёт сторожко.
Последняя, может быть...

* * *

Кладу Писанья в изголовье –
И да изыдут мятежи!..
Пора задуматься о Слове
И о спасении души.

Не облекусь великой схимой –
Крепка моя мирская нить, –

Но Кто-то шепчет мне Незримый:
«Всё может быть... Всё может быть...»

Мешает полночь сны и были,
Поскрипывает старый дом;
И на «Пророке Иоиле»
Лежит закладка со стихом...

* * *

В год из года шагаю, вкушая
Убиенную плоть...
Входит жизнь неживая, чужая,
И пытается Господь:

«Ты, ликующий, слышу, над прахом
Под неистовый свист,
Напитавшийся болью и страхом, –
Ты по-прежнему чист?»

Я в ответ: «Истлевая, сгорая,
Жизнь из смерти встаёт...» –
И – молчание...
Жизнь неживая
Мне вздохнуть не даёт!..

И глаза виноватые прячет
Жизнь, что вечно права,
И опять убиенное плачет,
Свет увидев едва...

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 12

Доколе, Боже, будешь забывать
меня, и лик свой закрывать – доколе?
Доколе сердцу тяжело горевать,
врагу глумиться над моей недолей?

Приди, о Господи, меня услышь,
мне очи просвети, да не усну я
сном смертным, да в погибельную тишь
– Я одолел! – не скажет враг, ликуя.

Дозволь на милость уповать Твою! –
И веруя, что голос мой не лишний,
я радостно спасенье воспою,
я благость воспою Твою, Всевышний!

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 114

Я радуюсь: моление моё
Господь услышал – и все дни земные
я буду имя, Господи, твоё
и призывать, и воспевать отныне.

Постигли муки адские меня;
и тесноту, и скорбь я в мире встретил.
Я изнемог. Рыдая и стена,
взмолился я! И мне Господь ответил.

Бог милосердный, праведный, благой
хранит и укрепляет простодушных.
Так возвратись, душа моя, в покой
из дней, из лет отчаянно-недужных.

От смерти душу спас, от слёз – глаза,
и ноги спас Господь от преткновенья.
Пред Господа лицом моя стезя –
и на земле живых Ему хваленья.

* * *

Мне поклонился богомол,
И я в ответ – ему.
Природа, здравствуй! Я пришёл.
Не прогоняй во тьму...

Прости, что редок мой приход,
Что мало я постиг
Таинственность лесов и вод
Божественных твоих.

Мне близок звёзд несметный рой,
Близка земли страда...
Хотя б немного приоткрой
Мне мудрости врата!

Кинь на язык мне мёд и соль,
На сердце – свет и дым...
Прилежным, чутким быть дозволю
Учеником твоим!

Склонюсь – былинки не губя,
К любой прильну тропе.
Дай в слове выразить тебя
И вечно быть в тебе!

* * *

Сошлись деревья в круг – и вот, над ними
Божественное облако легло...
И сокровенное сказалось Имя,
И стало в мире навсегда светло:

Нет ни тоски, ни алчности, ни мщенья,
Стянулись раны – и отпало зло...
И – время спит. И – Ангел Всепрощенья
Над миром держит белое крыло.

* * *

Птицы, звери алчут гнёзд и нор...
Рыбы залегают в тёплый ил...
Только Дуб стоит, как Святогор,
Полон древних, изначальных сил.

Напитавшись изглубинных струй,
Дотянувшись до седьмых небес,
Стой – тысячелетия связуй:
Ты не странник, ты хозяин здесь.

Наготове – гусли и мечи,
И столетья у тебя – в строю...
Ты былины-старшины шепчи,
Рокочи – тебе я подпою!

Ну а коли доведётся лечь,
На кону – иные времена...
Не замолкнет, знаю, наша речь –
Живы корни, живы семена.

Ветры, мхи залечат слом и срез,
Запоют из бездны родники,
Божьи струны зазвучат с небес –
И в века потянутся ростки...

НЕ ПОГИНЕТ ВОВЕК...

Полевые, лесные дороги светлы –
От холма до холма, от ветлы до ветлы,
От зари до зари, от огня до огня,
От печали до песни, что ищет меня...
Из ключей сокровенных, из древних пород
Полевая, лесная Россия встаёт,
Всё в глубинах срослось, высью всё сплетено,
Всё едино от века, навеки одно:
То не ветер летит с осенённых полян –
Песнь бессмертья рокочет на гусях Боян;
То не туча идёт над вершинами гор –
Свой дозор неизбежный несёт Святогор;
То затмению грозит не дубовый размах –
Из урочищ родных тянет длань Мономах;
То не солнце встаёт над великой рекой –
Вои Невский ведёт, а вослед и Донской...
Свете! Я не один! Я вошёл в нашу рать,
Чтоб бывшее беречь и грядущее брать,
Чтоб заслоны ковать против пала и тьмы...
Знаю – выстоит Русь, если родичи мы!
...И дыханье касается дланей и плеч,
И подьемлет сердца заповедная речь:
«Не погинет вовек Путь России-Руси!
Быти Русской земле! Свет Победы неси!»

* * *

Эти сосны держат берег,
Сами держатся...
Гляди:
Им, поди, не до америк,
Не до «радужных», поди!

В дождь, бывает, запивают,
В пекло – молят окоём,
А ночами запевают
Об исконном, о своём...

* * *

Хожу за тридевять земель
Я от потёмок до потёмок –
И к сердцу ластится апрель,
Весёлый рыженький котёнок.

Былой дороги не кляня,
Я холодов оставлю ношу,
И сказку выпряду из дня,
И поиграть клубочек брошу;

И он погонится за ним,
Апрель, мой ласковый мурлыка...
И будет лета синий дым,
И ласточки, и земляника;

И будет шум ночных лесов,
И гром, и радуга спросонок...
И не откликнется на зов
И потеряется котёнок...

Я так хочу связать ту нить
И дать ему во мгле сберечься,
Чтоб рыжей лапкой разбудить
Он смог завьюженное сердце!..

ЛЕСНОЕ ПОЛОВОДЬЕ

Неисходимый древостой,
Лощины с сумрачной водой –
Всё причастилось тайне;
И кажется, в глуши лесов
Вот-вот раздастся вещей зов...
А на поляне крайней

В воде подснежники стоят
И думы вешние таят...
Иль то синеет пламя?
Иль небо лик омыло свой
И из купели снеговой
Пьёт долгими глотками?..

* * *

Я говорю, но голос мой не слышен:
Ни слова не доносится в ответ...
И снова из-за белопенных вишен
Апрельский поднимается рассвет...

Живу вполсердца – и вздыхать не смею,
Блаженные рассветы торопя...
И меркнут дни, и звёздная камей
Свой вечный путь свершает без тебя...

* * *

Отчего, не опасаясь злого,
Сумрачного таинства времён,
Я бросаюсь в омуты былого –
В отражённый бездной небосклон?

Я, наверно, зря не знаю страха,
И не радость это, а беда,
Что так мило восстают из праха
Все мои погибшие года...

Пусть от боли не найдётся средства –
Только бы увидеть хоть на миг,
Только бы почувствовать у сердца
Дорогих потерянных моих!..

**В МОЙ ДОМ ВОШЛИ
ВОСПОМИНАНЬЯ...**

Заглядывает в окна вечер,
И дождь проходит по полям...
Ложатся сумерки на плечи
Берёзам, липам, тополям...
Заглядывает в окна вечер,
И дождь проходит по полям...

В мой дом вошли воспоминанья,
Стоят – и смотрят на меня...
Они не ищут оправданья,
Не просят и не ждут огня...
В мой дом вошли воспоминанья,
Стоят – и смотрят на меня...

Дождь пробирается под крышу,
А в сердце льётся тихий свет...
Я вас, родные, не обижу!..
Где вы бродили столько лет!..
Дождь пробирается под крышу,
А в сердце льётся тихий свет...

* * *

Туман до полудня, и росы в избытке,
А к вечеру заулыбается лес;
И солнце висит на серебряной нитке
У края небес.

И нежится мир, отдохнув от кручины,
И солнышко медлит склониться во тьму,
И лист одинокий с холодной вершины
Всё машет и машет ему...

ЛЕТЕЛИ ЖУРАВЛИ...

Летели всю ночь журавли
в осенние тёмные дали;
от похолодевшей земли
летели всю ночь журавли,
летели – и всё-таки знали,
что миг возродится другой,
блаженный, бездонный, хрустальный, –
и я помашу им рукой,
другой, не холодной рукой,
не помня минуты прощальной...

* * *

Освежился ежевикой
И – вперёд: далёк мой путь!
В грудь, в лицо мне страстью дикой
Веет лес и шепчет: «Будь!»

Буду – радостно и больно –
Ныне, присно и потом;
Буду, буду песней вольной
И кружащимся листом!

В буйной времени погоне
Единенья ждут они...
Протяни листу ладони,
Песне душу распахни!..

* * *

Путей не проклиная пыль
И не боюсь лихой грозы я...
Вплетай мне в волосы ковыль,
Неутолимая Россия!

Немало радостей и бед
С тобой мы знали... Путь наш долог!
Во мне сиянье всех побед
И всех боёв во мне осколок...

Ты свет в сердечной глубине,
Ты кровоток, ты воздух – помни!
Ты зиждешь мужество во мне
И жаждешь нежности сыновней...

РУССКАЯ ПЕСНЯ

У ворот стоит рябина,
Буйный ветер повеваает,
Частый дождик поливает
Ночью тёмной, ночью длинной.

Где ты, месяц, где ты, ясный?
Ой, да сердцу одиноко,
Налегла тоска-морока
Налегла порой ненастной.

Выйди, месяц, понемножку,
Укажи, мой свет, дорожку
Другу к милому порожку,
Другу к милому порожку...

ЛИКИ ОСЕНИ

Днём раздаривала молодю
Осень царственные ласки,
И с себя срывала золото,
И кружилась в дикой пляске...

Обмерла непостижимая –
И, крадясь по бездорожью,
Сумерки неударжимые
Наполняют сердце дрожью.

* * *

Ветер озябший и хмурый
Щубрит щетину стерни,
Тщетно желая микстуры
Майской настойке сродни.

Бродит – то стонет, то шепчет,
Жалуясь или вина...
Ах, ничего нет покрепче
Ныне, старик, у меня!

Трезво за пазухой ныне –
Не приукрасить нам путь...
Впрочем, ты можешь осине
С ходу румянца плеснуть.

Действуй! Попутно и сами
Малость поправимся мы,
Чтоб не дрожать пред очами
Неотвратимой зимы.

Сколько б она ни грозила,
Ты не минуешь зарю.
Я же, как горе-осина,
В час предрассветный сгорю...

* * *

Железное горе моё,
Которое ржа не берёт, –
О, как мне задобрить тебя,
Железное горе моё?
Лишь юность вздохнула – и вот
Ко мне ты прижалось любя...
И – старость стоит у ворот...
О, как мне задобрить тебя,
Железное горе моё?
Объяло – вздохнуть не даёшь!
Крепка, неизбывна броня.
Жизнь – мимо – моя? не моя?

Лишь ты одержимо куёшь,
Весь день окликая меня...
Проснись ли в железной ночи,
Почуяв в груди остриё, –
Твой молот стучит и стучит,
Железное горе моё! –
И в бездну ступени куёт,
И цепи железные вьёт...

У НОЧНОГО ЗЕРКАЛА

*Возле дымного озера Обер,
В зачарованной области Вир.*
Эдгар По

Ночное зеркало – воронка
В потусторонние миры.
Мне чудится то плач ребёнка,
То плеск волны, то хруст коры...

Сочится в душу струйкой алой
Ущелий холод вековой.
Здесь жизнь изнемогла, устала
Бороться с ночью мировой.

Везде и всюду – лишь неверность,
Наплывы ужаса извне,
Тьма, уходящая в безмерность
И отражённая во мне.

Змеёй свернулась тьма упруго,
Подрагивая от обид, –
Но грозный аспид с лаской друга
В глаза внимательно глядит.

А вылились колокола
И вытянулись горны...

Меж тем росли и крепи дни,
И вместе с ними, вместе с ни-
ми вызрело доверье:
«Берись за формы, лей, тяни,
Уж ты не подмастерье!»...

...И – разделило солнце нас.
Но я остался – и в свой час
Вступили мощно струны
Там, где, от горя заходясь,
Сосна роняла руны...

* * *

Я не переводчик – перевозчик
С берега на берег.
Стикса берега туманней прочих...
Что там? Лавр иль берест?..

Плыть мне долго? Или же недолго?
Спросишь ли пучину!
Мне весло не выронить бы только,
Не уйти в трясину.

Тени мне, дрожа, о чём-то шепчут,
Снизу – смотрит бездна...
Разбросать бы золото и жемчуг,
Да в котомке бедно.

Речь лелея птичью, человечью,
Встречу я Харона,
Очи опущу – и всё ж замечу:
Смотрит благосклонно.

Смотрит изумлённо он – и даже
Мне кивнёт, бывает, –
И, воды не всколыхнув, всё дальше
Грозно уплывает.

Не хвалюсь – тяжёлые слова те
Не выносит лодка...
Кто остался – не переживайте:
График свёрстан плотно.

Что мне свист и что мне рокот трубный!
Всё здесь по-иному...
Правлю, перевозчик многотрудный,
К берегу родному.

ЛАКРИМАРИЙ

Тайны тайн во мгле века несут,
В бесконечной мгле и безначальной...
Вызванные скорбью погребальной,
Были слёзы собраны в сосуд;

Матери ль они многострадальной?
Иль невесты?.. И свершился суд:
И столетья длили тёмный спуд
Над купелью горестной, опальной...

Где они – улыбки, песни, грёзы?
Плоть истлела... Отлетели сны...
Но пришли – и пласт подняли россы,

И склонились мы, изумлены:
Унесли, как дым, века – а слёзы
Так же безутешно солёны...

* * *

Иду.
Повсюду на земле
Двоится тишина:
То – травы шепчутся во мгле,
Роняя семена...

И Книга книг – небесный кров
Роняет звёздный ключ...
А месяц – словно апостроф
Над письменами туч.

МОЯ ПОЛЯНА

1

Озаряла меня и в морозы, и в зной,
Одаряла, храня, земляникой родной,
И когда чародейно светился восток,
На чело надевала дубовый венок...

Многоцветье моё! Полнолетье моё!
Пусть не ранит тебя грозных лет остриё!
И вблизи, и вдали ты к душе припадай –
И на каждый твой зов мне откликнуться дай!..

2

Господь, храни поляну эту,
От бурь погибельных – храни,
И всю планету, всю планету
Не ввергни в яростные дни!

Дубков колеблются вершины,
Апрельский день промыт насквозь.
Не допусти, молю, кручины
И козни Дьявола отбрось.

Во имя праведных и малых,
Во имя Света и Любви –
Сдержи разгулы вихрей шальных,
Преступный шаг – останови!

Пусть отойдёт немирный атом...
Отчаянно, нелепо, вмиг,
Пусть не закончится распадом
Твой дар – Земля детей Твоих.

* * *

Не забывайте: власть конечна,
Иначе – ринется беда;
И то, что власть небезупречна,
Не отрицайте никогда.

Вы превратите силу в слабость,
Вздувая алчность, лесть и ложь,
И будет власть глядеть, ослабься,
А за углом – точиться нож.

По службе или же по дружбе
Не сделайте такого зла,
Чтобы толпа взревела: «Рушьте!» –
И вас же первых извела.

Не погубите власть беспечно,
Штампую скрепы на гроба.
Не забывайте: власть не вечна,
Но может доброй быть судьба...

* * *

Мёрзлая корка хрустит под ногами,
Солнце в зените, но за облаками.
Мрут всюду люди – зато
Не затихает авто.

Денно и ночью – белила, румяна,
Тошная патока телеэкрана...
Пестуя ужас и лоск,
Вспышки вонзаются в мозг...

Сколько вас, глупых, забывших о Слове!
Мухи для вас и сверчки наготове.
Тихо поставят вас в ряд,
Что-то куда-то вживят.

Недалеко революция эта:
Будет дичать потихоньку планета,
Усмирена – и сыта
Цифрой вместо Христа...

Разве напрасно, бессмысленно разве
Я прикасаюсь к пылающей язве?
Что обезболить вас? –
Близок назначенный час.

Метавселенная – внешне – богата,
Только на волю не будет возврата.
Воля? А может, она,
Глупые, вам не нужна?!

Станет какая-то пища плодиться,
Что-нибудь перед глазами крутиться,
Что-то таиться в мозгу...
Всё, замолчу, не могу!..

РАМКИ БЕЗУМИЯ

«Если есть у вас старые книжки,
захламляющие уютную квартиру
(особенно подойдёт классика,
она посолидней, покрепче),
вот вам дельный совет:
не сдавайте их в макулатуру
по два рубля за килограмм!
Вырежьте ненужные внутренности
(вам потребуется только обложка),
а после того
по периметру
надрежьте книжке лицо –
и вставьте любимое фото.
Дальше оклейте по краю тесёмочкой
(классно смотрится жёлтенькая) –
вот и готова чудесная рамочка!
Как дёшево! И как изящно!
Вы не нарадуетесь своей удаче!
Смотреть на себя, засыпая,
смотреть на себя, просыпаясь, –
это посильней всяких там Гёте!..
А можно – светильники!
А можно – горшки для растений!
А главное – никакой пыли!
Подписывайтесь на нашу газету:
наш адрес в Интернете
Мы вам ещё не такое расскажем!»

Жалкое изданыце!
Глупый, злой, маленький варвар!
Что ты творишь?!
Неужели ты не понимаешь,
что из рамок на тебя будет смотреть безумие?

И свет светильников будет чёрный?
И вырастет в горшках недремлющее,
беспощадное зло?
Неужели ты не понимаешь,
что из грядущего дикого века,
который ты так рьяно зачинаешь,
рука к тебе потянется
только по нужде!
По очень большой нужде...

ИНТЕРНЕТ И КНИГА

«Я всюду! – возвестил, напыжась, Интернет. –
Я мир оплёл, непобедим и вечен,
Любимец миллионов женщин!
И для мужчин меня желанней нет!
Пленяя всех неутомимо,
Я всех соединяю зримо,
Лишь только стоит щёлкнуть – please!..
Эротоманы, стихоплёты,
Прислушайтесь, вот мой девиз:
«Освобождаю от заботы».
К чему теперь библиотек громады
И с письмами грузовики?
Я есть, я буду – высшая отрада!
Прощайте же, бумажные мозги.
Освобождаю от ума!
Кому он, заскорuzлый, нужен ныне?
Ему давно пора покоиться в Корзине,
Оплакивая пыльные тома.
Я Книги все сглотну в один присест –
И выложу ремейки перед вами.
Пуускай всегда кишу, как труп, червями, –
И всё ж меня вовек никто не съест!»

«Да, ты могуч, но задаёшься слишком.
А Книга благородная права:
Меня казнили, но бессмертные слова
Я всё храню; а ты, родясь едва,
Везде бряцаешь жиденьким умишком...»

«Вот это да! У Книжки голос есть!
Захлопни допотопные скрижали!
Растрёпа, эй, тебя все заплевали,
А вот меня вовек никто не съест!»

Услышав те слова, разгневалась Турбина:
«Сбавь обороты, милый! погоди!
Хоть ты сидишь и у меня в груди,
Ты всё же следствие, а не причина...
Ах, не сдаёшься? Получай же!» –

Щёлк –

И не возьмут компьютерщики в толк,
Что происходит. Щёлк – молчит другая.
Молчат Турбины – учат шутника,
И говорун молчит, изнемогая,
И паутинка, тоньше волоска,
Дрожит у Вельзевулова виска.
Пока Нечистый в панике кружится,
Вперяя в мониторы взгляд косою, –
Порхают всюду добрые страницы
И мир одет светящейся пылью...

Нисколько Интернет не умаляя,
Я для тебя старался, Человек:
Лишь от избытка сила крепнет злая.
Умеренность есть лучший друг для всех.

ЛАСКА И ПИЛА

Такому довелось ещё случиться диву:
Нашла однажды Ласка хитрый лаз –
И в мастерскую забралась,
Надеясь на богатую поживу;
И вдруг в углу
Заметила Пилу!
Приблизилась, привстала, поглядела –
Пилы понравился ей вид:
Стройна и зубками приветливо блестит...
«Ну что ж, разведаяю! Заманчивое дело! –
Подумала, ещё придвинулась на пядь. –
Ах, милая, позволь тебя поцеловать!» –
И ласково Пила ей прозвенела...
Немного Ласка осмелела
И думает: «Дай только доберусь,
А там и горлышко попробую на вкус...»
Лизнула раз Пилу, другой –
И кровь тут хлынула струёй!
Злодейка в раж вошла: беду не видит и не слышит
И кровью мнит насытиться чужой, –
Знай острую Пилу целует, лижет.
И так играла, зла и весела,
Пока от ран сама не истекла...

Терпенье, друг! Окончу басню разом.
Пробравшись в чьё-то время хитрым лазом,
Себя ты с Лаской ставишь наравне:
Теряя кровь свою – теряя разум,
Ты гибнешь в праздной болтовне.

СОСНА И ТЕРНОВНИК

Сосна Терновнику надменно говорила:
«Нет проку от тебя. С рожденья до могилы
Живёшь лишь для себя, колюч, дремуч, уныл...
Вот – новую межу заполонил.
Всем ты не мил, угрюмец бесполезный!
Другое дело – я. Скажу, как есть, сама:
Ждут дара моего и храмы, и дома –
Бревно, доска всегда в чести, известно...
А воздух мой целебен и бодрящ
(Не то что среди некоторых чащ!).
Свести со мной знакомство, право, лестно!..»
Терновник головой тихонько покачал,
Вздыхнул – и отвечал:
«Всё это хорошо. Живёшь и впрямь чудесно, –
Ты вечно пребываешь на виду.
Но вспомни ту великую беду,
Когда тебя кромсает зуб железный.
Что ж плачешь ты тогда янтарною смолой,
Зачем на землю падаешь, стеная?
От радости, скажи? Или от боли злой?
Молчишь. Я за тебя скажу, родная:
Да, почестей удел приятней во сто крат,
Но вот топор навис – и кто богатству рад?..»

ОРЕШНИК У ДОРОГИ РОС

Орешник у дороги рос,
И всяк идущий мимо,
Чтобы орехов раздобыть, всерьёз
Швырял в него каменья. Нестерпимой
Бедой измучен, к Богу возопил
Истерзанный Орешник:
«Наказан я страшней, чем самый лютый грешник!

В моих ветвях нет больше сил!
Они изранены, избиты!
К чему такая жизнь, когда
Вовек не выносить плода?» –
И отозвался Бог сердито:
«О, глупый, все свои сужденья взвесь!
Я, не теряющий ни крохи,
Не зря тебя поставил здесь:
Всяк у своей стоит дороги.
Умерь своё пустое голошенье!
Поверь, плоды свои даря,
Воспринимаешь ты не зря
От человека боль и поношенье.
Да, человек нетерпелив и зол,
И алчен, и коварен:
В слезах, в крови лежит среди развалин
Путь, по которому он шёл.
Но пусть твоя развеется кручина! –
Пойми: от вести, самой небольшой,
Вдруг просветлеет он душой –
И ты, не кто иной, тому причина.
Ты призван не бесплодно жить,
Но, созидавая, путь земной вершить».
Умолк Господь – и в облаке сокрылся,
Орешник же, вздохнув и просветлев,
Под ветерка пленительный напев
К земле склонился...

ПОРУГАЛИСЬ ДВЕ СЕКУНДЫ

Поругались две Секунды,
Очень крепко поругались –
Так, что Время задержалось,
Рот открыв от изумленья.

«Я – год новый начинаю! –
Голосит одна Секунда. –
Для меня поют куранты!» –
«Я! – в ответ кричит другая. –
Ты всего лишь завершаешь!
Для меня тост новогодний!»...
«Затевать негоже, дети,
Спор веков, тысячелетий, –
Наконец сказало Время. –
Закругляет час достойно,
Завершает год законно
Ноль Сестры шестидесятой,
Начинает – единица;
Так же и десятилетье,
И столетье так же, знайте,
С единицы счёт ведёт свой...
Ваша миссия, сестрицы,
Одинаково почётна,
Только правильно считайте,
Чтобы не было конфуза...»
Молвило седое Время,
Головою покачало
И пошло своей дорогой.

* * *

Отведав крови, тяжело
Комар поднялся на крыло –
И прочь, звонарь бездарный;
А ты, предательская вошь,
Исподтишка меня грызёшь,
Забравшись в дом коварно...

Кыш, малахольная! Окстись!
Ты забралась в такую высь,

Поверь, себе на горе.
Пока не поздно – вот урок:
Мой кровоток тебе не впрок,
Смотри, загнёшься вскоре.

Но ты не слышишь: хвост трубой!
Болтать мне некогда с тобой...
Ага! Уже не ладно? –
Пред глазоньками не светло
И ножки судорогой свело
Тебе, проныре жадной.

Теперь – аминь, а не ура.
Пытай беднягу-комара
На том блошином свете,
Что в крови – Бог иль кислород...
Вон! Не про ваш поганый род
Живые русла эти.

БОЛЕЗНЬ ВЕКА

Сколько графоманов развелось!
Рыскают они по белу свету,
Норовят везде поставить мету,
Ухватиться за земную ось.
Намарав шутя полтыщи строчек,
Стар и млад спешит без проволочек
Прочитать творение родне
И, конечно, тиснуть... Тошно мне!
Тошно мне от непутёвых книжек,
Как от дурно пахнущих подмышек.
Юркий люд! Повсюду он торчит,
Дарственные надписи строчит...
Сколько графоманов развелось!

Больно книжки выбросить в корзину –
И жуёшь, жуёшь, жуёшь резину,
Копишь хлам – и тлен шибает в нос...

КОГДА НИЧТОЖЕСТВО В ЧЕСТИ

Когда ничтожество в чести
И нет достойному пощады, –
Не умоляй и не грусти,
И не копи в душе досады;

Везде, везде желанный гость,
Ходи по лугу и по чаще...
А если вдруг нахлынет злость, –
Произноси тогда почаще:

«Не торопись, проныра-хам,
Большую праздновать победу!
Вино не пьют по пустякам,
Ну разве только лишь к обеду...

Мелка посудинка твоя,
Хоть пальцы гибки и проворны;
Её щербатые края,
Как ты смешны и тошнотворны.

Лелей осклизлые мечты,
Шуми: “Я в силе! Я пирую!..” –
Не егози: упьёшься ты,
Не донеся до рта вторую...»

* * *

Замахнулся – аж шапка слетела,
А удар на копейку, поди.
Ой, мертво ты, хвалёное дело!
Лишь гордыня клокочет в груди.

Люди добрые тихо смеются,
А бывает – и палец к виску...
А ему всё-то бяки поются,
Всё-то липнет навоз к языку.

Снова бедная шапка упала.
Лихо машет – какой ему стыд?
Чешет, брешет – всё мало, всё мало,
Только ветер в штанинах свистит.

* * *

Переулок паршивых собак,
Твоё дело, конечно, табак,
Твоё дело, конечно, дурное.
Поверни тебя этак иль так –
Ты создание, видно, больное.

Как же ты заскоруз и размок!
Для сугреву глотаешь дымок,
Поднимаешь стакан или тему –
Всё не впрок, говорю, всё не впрок,
Влип ты намертво в антисистему.

Говорю тебе: ситцы крои,
Отводи куда надо ручьи,
Вымой zenки баракам-сараям –
Ты на все уговоры мои
Отвечаешь бессмысленным лаем...

* * *

Мне бы вольной дороге отдаться всерьёз –
Песню ждать и скитаться меж радуг и гроз
И над речкой, запутавшейся в камышах,
На мгновенье-другое замедлить свой шаг...

Мне бы милой дороге отдаться всерьёз,
Только к злому порогу я сердцем прирос.
Под рукой нет меча, нет простора для плеч,
Чтоб порог раздробить, цепь за цепью рассечь...

Мне бы доброй дороге отдаться всерьёз,
Да грядёт половодье бессолнечных слёз:
Скоро окна зальёт, встанет выше конька –
И мой путь обомрёт на века, на века...

* * *

Чужие, злые небылицы...
Секущий маятник часов...
Я, словно раненая птица,
Скрываюсь в омуте лесов.

Лопочет ласково осинка,
Тропинка меркнет не коря...
Здесь всё моё – звезда, росинка,
Травинка, бабочка, заря...

Грядёт ли вновь беда, забота? –
В глуши родимой и живой
Готовлю крылья для полёта
И голос обретаю свой.

* * *

Я не ваш, и от меня отстаньте,
Не судачьте о моей константе:
Не топчусь я по чужим порогам
И не пыжусь таким пророком;

Но, не покоряясь тёмным силам,
Я стремлюсь к сердцам, навеки милым.
Нет на свете ничего чудесней:
Смех и поцелуй, объятье, песня...

* * *

Над скосившимся мостком
Колдовала долго речка...
Я давно с тобой знаком –
Удержи меня, дощечка!

Я иду, мосток дрожит,
Из-под ног уйти стремится.
С головой здесь набежит...
А водица – ох, водица!..

Холодна-то холодна,
Да вдали опушка – чудо.
Всё мне кажется: видна
Россыпь рыжиков отсюда!

Что́, опушка, под полой?
Не прикидывайся снулой!
Не напрасно ведь смолой
И стихами потянуло...

Речка! Реченька! Река!
Пропусти за ради бога!
А замешкаюсь слегка –
Пожури тогда немного.

Прошепчи: «Лицо умой...
Как успехи, непоседа?
Ну, хвались...
 О, сколько света,
Сколько света, милый мой!..»

РЫЖИКИ

Мой урожай на половинке,
Но не спешу ронять слезу:
Я чудеса несу в корзинке,
Я рыжики домой несу!

День неуютный, непогожий,
А под рукой – попробуй тронь! –
Такой весёлый и хороший,
Необжигающий огонь.

Мне это диво жаль немного,
Но не уйти нам от судьбы...
Меня простите ради бога,
Родные рыжие грибы!

Молчат и смотрят несурово
И даже – озаряют путь
И средь круженья городского
Не обижаются ничуть.

Сниму приставшие хвоинки,
И будет ясен вечер мой...

Я рыжики принёс в корзинке,
Я солнышко принёс домой!

* * *

Брожу дорогами простыми,
Не покоряя, не коря...
Ещё деревья не остыли
От чарований ноября!

Но чаркой стынувшего сока
Предзимье справит торжество;
Тепло укроется до срока,
Не обещая ничего...

Стынь – от земли до выси горней!
А там, где нет ни лет, ни зим,
Оно легонько гладит корни
И сказки нежно шепчет им;

Во тьме струится потихоньку,
Смиряет исподволь пургу,
И навевает сны ребёнку,
И сердце тешит старику...

Лихой февраль стоит на страже,
Но – синь сочится в вечера.
И на вопрос: «Когда, когда же?»
Оно отвечает: «Пора!»

И – в мир идёт набухшей почкой,
Травой, не знающей обид,
Непостижимой вешней строчкой,
Что легче облачка летит...

НА РУБЕЖЕ

Приснись, улыбнись, отзовись!..
Крылата мечта и свежа.
Как зимняя звёздная высь,
Чиста и свободна душа.

Шептались ли ангелы с ней –
Поведаешь разве, о чём?..
В видениях каждый из дней –
Цветок, уносимый ручьём.

И верится, словно в зарок,
Что не было в грозном былом
Ни гибельных, тёмных тревог,
Ни лет, обречённых на слом;

И, полное дремлющих сил,
Сжимается сердце... Лети! –
Восторг ослепительных крыл
И сотни путей – впереди!

Лети в золотой звездопад,
В сияющую синеву...
Улыбка, и голос, и взгляд –
Пусть сбудется всё наяву.

* * *

Последний снег, мне жаль тебя:
Лежишь, унылый и убогий...
А март ликует, мир слепя,
И что ему твои мороки!

Припомни, сколько было сил:
Метели осеяли властно!
Нет, ты уходишь не напрасно –
Ты землю живу сохранил...

Ты оставляешь добрый след:
Твои серебряные соки
И глубь земли, и свод высокий
Собой питают – смерти нет!

Весна вошла в мои края,
День занимается погожий! –
И, чем-то на тебя похожий,
Помыслию о тебе лишь я...

МОЕМУ ГОРОДУ

Цветут каштаны и сирени...
Цветут! А ведь не так давно
Тревожно сумерки серели
И ветер злобно рвал окно.

Цветут каштаны и сирени...
Омытое рекой родной,
Под пенье ангельской свирели
Ступает утро в город мой.

Он – словно тысячи в России,
И всё ж – единственный из них...
Прими слова мои простые
В счастливый, светлый этот миг! –

Пусть хлеб растёт, смеются дети,
И пусть бессчётны будут дни...

Слова взволнованные эти
Ты неприметно сохрани.

Когда ж тебе вдруг станет трудно
(Бывает всякое, прости!),
Мой город, с лаской обоюдной
Ты их тихонечко прочти;

И если сквозь столетья, где-то
Услышу я твой лёгкий вздох –
Я буду счастлив...

ОБЛАЧКО-МЛАДЕНЕЦ...

Облачко-младенец,
Берегут твой сон
Сотни полотенец,
Ласковых пелён;

Солнце смотрит зорко
За тобой, любя;
Радуга и зорька –
Только для тебя...

Сон прервётся краткий, –
Подожди не плачь! –
Скоро на лошадке
Понесёшься вскачь;

Вырастешь большое,
Будешь богатырь;
Средь густого зноя
Встанешь во всю ширь –

И покажешь силу
Грозную свою...
Нас тогда помилуй,
Баюшки-баю;

Скрой огонь мертвящий,
И на ширь полей,
На лесные чащи
Благодать пролей...

* * *

Года сверяю по кукушке...
Июньский звон стоит в ушах, —
Иль это шёпоты речушки,
Теряющейся в камышах?

Неужто мне все эти дали,
Захватывающие дух!..
...И день-деньской не до печали,
И день-деньской ни слова вслух...

Как сладостно не ведать гнева,
Весь мир пленительный вобрав!..
Как сладостно нести напевы
Птиц, и кузнечиков, и трав!..

* * *

Дождь закончился. Свежо.
Реже, звонче каплет с крыши.
Прогуляться месяц вышел,
И на сердце хорошо.

Тайной дышат небеса,
Светлой тайне внемлют рощи.
Жизнь пленительней и проще,
Если верить в чудеса.

Эта вера с давних пор
И отрада, и опора.
Тсс! Молчи и слушай: скоро
Запоёт незримый хор...

ОЖИДАНИЕ

Я всё люблю – и ливень, и грозу,
И тихий снег, и ласковое солнце,
И зной, и птичьи посвисты в лесу...
Вот-вот, мне кажется, произнесу
Слова любви – и Бог меня коснётся!

И память затрепещет и очнётся,
И разовьётся свиток-небосклон,
И Знание всех народов, всех времён
В распахнутую душу изольётся...

УЛЕЙ

Июльский травостой
В сиреневых накрапах...
Пчела летит на запах,
Медвяный и густой;

От страсти плачет шмель,
И бабочка хмельная
Летит, забот не зная,
В родную повитель...

В серебряных ночах
И в опалённых полднях
Я весь в трудах Господних,
Чтоб улей не зачах:

Для всех, кто жив мечтой,
Спешу в глуши родимой
Сбирать неутомимо
Мёд сердца золотой...

* * *

На перекате бродит жерех,
А наверху, на жесты скуп,
Сам держится и держит берег
Непокорённый старый Дуб.

Его изранило железо
Войны и мирного труда.
Мужал он встарь в охвате леса
И с ним дружна была вода...

В стремнину все упали братья,
Надвинулся бурун шальной...
Стоит он, распахнув объяття,
Но нет вблизи души родной.

Не зарыдает о потере
Окрест никто наверняка,
Хотя ему в какой-то мере
Должны и чаща, и река...

А Дуб, иной томимый жаждой,
Стоит, не ведая обид,
И всё мечтает, как однажды
Взмахнёт ветвями – и взлетит!

Среди корней кузнечик скачет,
Кружится ворон над главой...
Никто не знает, как он плачет
До срока вымершей листвой.

И не признается он сроду,
Что листьев тех напрасен лёт,
Что, жёлуди роняя в воду,
Напрасно весточки он ждёт;

Что снится полночью бездонной
Ему касанье плавника,
Что мощь и память он, морёный,
В иные понесёт века...

ОКТАБРЬСКИЙ СОБОР

Лес пересох, и нет грибов в помине...
По чуткой чаще много дней подряд
Брожу, прислушиваюсь – о почине
Деревья меж собой не говорят...

А говорят, что облака по сини
Плывут, что в этой благостной поре
Все молоды и живы все поныне,
Лишь только приложись щекой к коре...

* * *

Храни вас Господь от порубки,
Святые чащобы мои!
Мир ласковый, древний и хрупкий,
Таи свои дива, таи –

Таи от недоброго глаза,
Таи от недоброй руки...
Мой ласковый, ты постарайся!
Мой хрупкий, себя сбереги!

В родные болота заройся,
Закрой вековые пути,
Уютно дождями укройся,
Метелями даль загради...

А кто не с алчбой и не с гневом –
Не дай заблудиться, пропасть:
Одаривай ветром и небом,
Грибами одаривай всласть;

Тропинкой одаривай милой,
Не знающей шамканья шин,
Одаривай песенной силой
В рассвет восходящих вершин...

* * *

Глаза площадей застиляет туман.
Спускается вечер осенний.
Небесные меркнут ступени.
Глаза площадей застиляет туман,
И люди проходят, как тени...
И кажется, всё – сновиденье, обман...
Глаза площадей застиляет туман.
Спускается вечер осенний...

Я сам прохожу, словно зыбкая тень.
В тумане теряются годы.
Всё глуше мечты и заботы...
Я сам прохожу, словно зыбкая тень,

И голос не слышится: «Кто ты?!..»
Быть может, последняя скоро ступень...
Я сам прохожу, словно зыбкая тень.
В тумане теряются годы...

* * *

Всё затихает к ноябрю –
И крик, и хохот детворы...
Устало щурясь на зарю,
Молчат пропащие дворы.

Какой вам, милые, покой?
Бушует свара за углом:
Там Осень пробует клюкой
Бордюров каменный излом,

Шумит, гудит по желобам
И ветки треплет на ходу...
Какой покой, скажите, вам?
Спляшите под её дуду!..

Невесело спляшите, зло,
Как те, кому из года в год
Копеечное ремесло
Опохмелиться не даёт...

* * *

Ноябрь угрюмо грабит лес,
Хрипя пропойно, что отныне
Небесный свет навек исчез,
Погиб в отчаянной трясине.

Посмотришь вниз, посмотришь вверх,
В себя посмотришь, обмирая, –
Всё так: последний луч померк,
Везде и всюду тьма глухая.

И вдруг
В немислимой дали –
Явилось...
И вздохнуло снова...
И встало на краю земли...
Всё ближе светит.
Здравствуй, Слово!

ЗИМУШКА

Горбушку леса крупной солью
Посыпала в полночный час
И по обугленному полю
Слегка белилами прошлась.

Куда ни глянь – везде обнови...
Не обсчитала ни на пядь!
Пускай холсты её суровы,
Примерь и ахни: благодать!

А надо – забинтует рану,
А надо – части полотна
Срастутся, вставленные в раму
Гостеприимного окна...

А разыграется рассудок –
Какой-нибудь применишь грош:
Хоть ранний выявишь рисунок,
Обиды ей не нанесёшь;

Особенно когда обеты
Приняв и всех чураясь зол,
Ты с ней сердечные беседы
О врачеванье в поле вёл...

* * *

Пробует голос кукушка
Между ольховых ветвей;
Стон пролетит над опушкой –
И не поверишь ты ей...

И улыбнёшься беспечно,
Будто и не было ран,
Жизнью дыша вековой
Светлых весенних полян...

* * *

Овсы. Вечерняя роса.
Благоухающие дали.
Распахнутые небеса
Роняют солнце без печали.

О, как природа хороша!
Как сладостно влечёт и лечит!
Она, младенчески свежа,
О чём-то ласково лепечет...

Стою – молитву ли творя
Или от счастья напевая?
Что не дослушала заря,
Звезда запомнит кочевая...

* * *

Родич тех незапамятных пуш,
Старый лес по буграм и оврагам,
Замирая, следит, всемогущ,
За моим отдыхающим шагом...

И тревог, и раздумий – не счесть...
Но чудесно, божественно мудро,
Что для сердца усталого есть
Вольный путь и прозрачное утро!..

В золотой колыбели земли,
Полной древних предвестий, преданий,
То ли колокол дрогнул вдали,
То ли вдруг журавли зарыдали...

Всё родное: зверьё, и быльё,
И напевы, и сны, и невзгоды...
Откликается сердце моё,
Словно листья, срываются годы...

* * *

Есть обрывок бумаги,
Есть простой карандаш...
Сердце бьётся в отваге –
Не заспишь, не предашь!

И волнуется память
Глубоко и светло...
Нет, вовек не займись
То, что в сердце вошло!

То вовек не займись,
Чему петь и дышать –

Ни бедовую замять,
Ни зари благодать...

ВДАЛЬ ИДТИ...

По лесному бурелому,
По степному окоёму
Вдаль идти, всё беззаветней,
До весны своей последней;

Беззаветней – и напевней
По земле скитаться древней,
Чтобы стал ветрами голос,
Чтобы горе расколось –

Чтобы вскоре расколось
И шагами размолось,
Чтобы бездна не зияла,
Чтобы даль в душе сияла...

ЗЁРНА

Миниатюры разных лет

Сим победиши

Пусть зло по свету буйно расплескалось:
В любые времена и в стороне любой
Молитва, Труд, Любовь одолевают хаос,
К бессмертию ведут – Молитва, Труд, Любовь.

* * *

Не служа ни тому, ни другому кумиру,
Я желаю победы Славянскому миру:
Единения жажду в плавильне лихой,
Справедливости жажду – без крови людской...

* * *

Всякий, кто ранит – да будет раним.
Всякий, кто любит – да будет любим.
Всякий, кто ждёт, кто живёт лишь одним –
Всякий, кто верит – да будет храним!

* * *

И губы немели сказать твоё имя...
Стремительней ветра неслись поезда,
В безмерную полночь неслись – и над ними
Величественно полыхала звезда.

* * *

Мы связаны вешними снами любви
И вечными снами разлуки...

* * *

...И сердце от горя ослепло
И замерло на краю...

Но я возродился из пепла –
И светлые песни пою.

* * *

Не время и не место
Бессилью, человек!
«Vis felix esse – esto!»¹ –
От века и навек.

¹ Хочешь быть счастливым – будь! (лат.).

* * *

Полыхнут деревья, но и всё ж
Новых листьев, новых веток ждёшь.
И они являются – они
Жизни человеческой сродни:
Выгорает тело, но душа
Восстаёт, в грядущее спеша...

* * *

Когда огонь грызёт страницы
Уничтожаемых томов, –
Беда! – Но Суд ещё свершится...
Забвенья надобно страшиться –
Мышиных крохотных зубов...

Не так-то просто...

Создать поэму – разве мудрено!
Решился? Приступай без проволоочки.
Глядишь, она готова, строчка к строчке...
Но в погребе состарится вино,
Пока придёт черёд последней точке...

* * *

Тропинка ведёт на вершину –
Провалы и дебри повсюду...
Тропинка ведёт на вершину –
И я, одолев половину,
До смерти сражаться с ней буду!

* * *

Всё приемлет, всё помнит земля:
Век, надежды и ярости полный,

И залитые кровью поля,
И некошеного ковыля
Переливные лёгкие волны...

* * *

Восприняв гробовое покрывало,
Вдруг человек исчез – как не бывало.
Истлело тело – дело не прошло:
Жить продолжают и добро, и зло...

* * *

Предвечные звёзды в лазури зажглись –
И сосны взволнованно тянутся ввысь.
Живому – стремиться, расти суждено!
И всё же пойми и запомни одно:
Страшись оторваться от верной земли,
Верь соснам, что накрепко в землю вросли.

* * *

И снёги, и брёги, и дёмы, и хólмы –
Всё древностью дышит, лишь слух отвори
И зреньё настрой...

* * *

Несутся облака, клубятся...
Душе понятен этот знак:
Мне любо по Руси скитаться
Хотя бы в мыслях или снах.

* * *

Ноябрь, отпетый ноябрь,
Наярь ветрами, наярь!

Ощерившийся декабрь,
Накинйся, словно дикарь!

А всё ж подарит январь
Снегов и солнца янтарь!..

* * *

Всё, что на сердце залегло
Без кажущейся цели,
Напишут вскоре набело
Январские метели.

* * *

Для виду быть хотели добрыми,
А у самих – лишь тьма под рёбрами;
И что ты там ни говори,
Её не удержать внутри.
Но эта тьма совсем не сильная –
Как детская игрушка пыльная...

Демагог

Немного глух, немного пьян,
Немного глуп – а так всё, вроде,
На месте. Это ли изъян!
Бывает и не то в природе...

* * *

Взгляд твой прям – но сердце окаянно,
И язык твой сладок – но раздвоен.
Правда ты – но полная тумана,
Воин ты – но Вельзевула воин.

* * *

...И не было дня бесполезней,
И не было ночи темней...

Но всё-таки,
сердце,
сдаваться
не смей:

Друзьями расстались мы с песней –
И встретимся радостно с ней...

* * *

Я не знаю тебя, но ты близко –
Может, в дне, может, в часе пути...

* * *

Иду – и заветная ноша легка:
Со мной дружат тропы и облака!

* * *

Майская встреча,
Сердце слезами омой.
Радуга в небе.

* * *

Смеётся весна.
Но трясётся в ознобе
Репейник-старик.

* * *

Падает небо –
Разве можно привыкнуть?
Друг отвернулся.

* * *

Осень промокла.
На паутине дрожит
Печальный паук.

* * *

Ветрено. Сосны.
Старые иглы грустят:
Скоро в дорогу.

* * *

Налипшую грязь
У порога счищаю.
В подошве – дыра.

* * *

Осенняя ночь.
Желудей два десятка
Несу в кармане.

* * *

К дереву прислонясь,
Перевожу дыхание.
Снег, всюду снег.

* * *

У чёрных ворот
Листья сгребает в мешок
Угрюмый старик.
Знаю теперь – и ему
Очень хочется плакать.

ДУБУ НОВОРОЖДЁННОМУ

Ты – малыш.
Только власть – велика!
Вознеси моё слово в века.
В благодатный незнаемый год
Пусть, как жёлудь, оно прорастёт –
И, отведав воды ключевой,
Пусть до неба достанет главой! –
И тому, кому жить суждено,
Даст и отдых, и силу оно...

* * *

Довольствуюсь малым –
а может, великим? –
Пространствами книг и полей,
ночного урочища
голосом диким,
грядущим несметным,
былым многоликим...
Вселенной довольствуюсь всей!
Не вижу конца
и не вижу начала,
себя усмиряю –
а сердцу всё мало...

* * *

К Саулу, к Ашшурбанапалу
Я преклоняю слух помалу,
И Навуходоносор, Кир
Меня заводят в оный мир...

Я отстаю...
А перед ними,
Навек владыками земными,
Лежат пространства, племена,
Сквозь них струятся времена...

К чему мне древние беседы,
Те пораженья, те победы?
Иль мало мне в мой скорбный миг
Вождей других и войн других?..

Потомкам, может быть, простёртым
В тысячелетии четвёртом
Иль в пятом – так же суждено
Пить наше чёрное вино?

Да что! Грядущее нагрянет,
И кто-нибудь *оттуда* глянет,
И будет не кровавый ток,
А – восхищенья холодок...

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕСТНИЦА

Мне снилось:
По ржавой железной лестнице,
Залитой кровью и нечистотами,
Поднимались железные люди.
Шаги грохотали,
Шаги скрежетали железно –
И в сердце отдавались тьмой и болью.
Стонала лестница, весь мир вмещаю;
Вот-вот, казалось, лопнут скрепы,
Но она – стояла,
Немыслимую тяжесть всех веков

Выдерживая...
Толкали все друг друга в спины,
А когда передние спотыкались и падали,
Следующие, железно хохоча,
Впечатывали шаг
Поверх ладоней, плеч, голов...
Вминали, истирали в порошок –
И сами оставались позади.
А те единицы, самые ярые,
Считающие себя сверхлюдьми,
Те, кому удавалось достичь вершины –
Они, мгновенье постояв,
Ссыпáлись вдруг к подножью,
В зияющую тьму.
И радовался тот, чьё злое имя
Не поминают к ночи...
И – новые железные шли орды
И попирали всё, стремясь к вершине –
И неизменно превращались в прах...

Тысячелетья над землёй текли,
А сон мой не кончался...

* * *

Падает сердце в проклятые бездны,
Меркнут и мрут письмамена...
Господи Боже! Владыка Небесный!
Что ж моя речь не слышна?

Где затерялись небесные лики?
Светлая музыка – где?
Подлые шёпоты, гнусные крики,
Ярость и алчность везде.

Молвишь – и вновь не дождёшься ответа,
Вспыхнешь – и станет страшной.
В чёрные бездны уходит планета,
Сердце летит вместе с ней...

* * *

Полю повилику – а небо на страже,
Нахмурилось грозно: – Ох, тать!
И ты, мол, приближный, и ты, мол, туда же –
Природу корчуешь опять!

В помине-то не было рода людского –
Поди, против правды скажи! –
Но ширилось царство цветка лугового,
Резвились ужи да ежи...

Лежала Природа распахнутой книгой,
Дыша благодатью одной,
И тут появились – вначале с мотыгой,
А после и с бомбой шальной.

Настроили всяческих камер и пыток
Надумали – несть им числа...
И мыслят, глотая бесовский напиток:
«Природа под ноги легла!»

И ты вот терзаешь меня без оглядки,
Держаешь... Пусть мирен твой труд,
Но жить всё равно ты не сможешь в достатке,
Пока злые силы встают!

А ежели не отрезвятся злодеи
И что-то не дрогнет в груди, –
Я их усмирить без помехи сумею;
Вот капля росы – погляди:

Я рину великие воды на сушу,
Я лаву по миру пушу,
Я ритмы Земли в одночасье нарушу,
В гигантскую бросив пращу...

И вы побежите, вы приметесь, дети,
Хвататься за каждую пядь
И, руки ломая, молить об ответе,
Но нечего будет сказать.

* * *

Прости меня, горельник брат!
Я говорить с тобой не рад,
Но ты – от нашего огня,
От наших оргий, наших орд,
И потому – прости меня!
В тебе спалён и распростёрт,
Я стражду на исходе дня,
Но нет слезы живой, благой
В моих измученных глазах –
В них только чёрный, жгучий прах,
И в горле – только прах сухой...

* * *

Душа болит как на погосте...
Планета, катишься – куда?
Иль мы – чудовищные гости,
Не ведающие стыда,
Любви не знающие, страха?..
Разве не дети мы Земли?..
О, неужели ради праха
Мы в благодатный мир пришли?! –
Всё испоганить, без изъятья,
Всё – от небес до недр земных,

И унести во тьму проклятья –
Последний вопль своих родных...

* * *

Потреплет небо за вихор –
Останется у неба волос.
Глядишь – а время расколосось...
Ветра поют! О, как свой голос
Ввести в их запредельный хор?

Да был бы волос золотой –
И к небу можно подступиться.
А так – в ответ слетит зарница
(Мол, пусть потешится зеница!) –
И будешь бражничать с бедой...

Но вдруг возьмёт и грянет гром –
И в собеседники покличет...
Поди, дознайся, где тут вычет,
Когда такая сила рыщет,
Паля столетий бурелом!..

* * *

Всё трудней выходить из запоя
Одичавшей земле.
Бесприютное небо слепое
Накренилось во мгле.

Бесприютное небо слепое
Навалилось, грозя
Утолить всё пространство собою,
И укрыться – нельзя!

Переполнилась чаша терпенья
И земли и воды,
И грозят они карой осенней,
И смывают следы;

И грозят они карой смертельной
Человечеству – тле:
Обомрёт и с тоской беспредельной
Растворится во мгле...

Схлынет, кровью веков налитое
Бремя яростных вод,
И пустынное и золотое
Солнце мира взойдёт.

* * *

Несовершенство – двигатель всего,
Первооснова и первопричина;
Явились древле из несовершенства
Искусства, и науки, и ремёсла...
Не будь несовершенства, как могли бы
Мы осознать прекрасное, скажи?
Все были бы равны: Ньютон и неуч,
Шекспир и шелкопёр неукротимый...
Вселенная была в начале – хаос,
Поэтому хулить несовершенство
Нельзя, но и кичиться не пристало,
Особенно – оправдывать пороки:
Лень, зависть, алчность, злобу... Нет числа им!
Нам надо неустанно повторять,
Что совершенство – высшая вершина,
Она близка – и всё ж недостижима,
И каждый шаг к ней – есть восторг и подвиг.
Да, совершенство – высшая вершина,

Но только не машины для убийства!
Как дико! Сколько создано чудовищ
И сколько совершенствуется их,
Чтоб изрыгались пламя и железо
И сокрушались плоть и кости наши...
О, Человек, остановись!
Остановись, пока не поздно, слышишь!
Пусть голос мой – песчинки малой голос:
ОС – ТА – НО – ВИСЬ!
Ты должен, должен, должен это слышать!
К тебе со мной зывают недра, горы,
Моря зывают, степи и леса –
Планета вся зывает неустанно...
Остановись! Направь свои усилия
В живое русло – как прекрасно это!
Перед тобой века, тысячелетья:
Из мига в миг, из года в год ты будешь
(Несовершенство – двигатель, ты знаешь...)
Мир создавать таинственный, великий,
Чудесный, тёплый, светлый мир – всеобщий! –
Где вдоволь хлеба, вдоволь добрых песен,
Где горя нет, где царствует Любовь!
Подумай, как прекрасно это!
Боже!..

Я ЗА РОССИЮ МОЛИЛСЯ В НОЧИ...

Я за Россию молился в ночи,
Были моленья горячки, горячи!..

Мертвенно супилась, медлила ночь...
Как же хотел я России помочь!

Или молитва тиха и слаба?
Или Родимой такая судьба?

Беды ль её не превысили мер –
И ещё пуций грядёт изувер?

Иль отвернулся разгневанный Бог
От бездорожий её и дорог?

Мертвенно супилась, медлила ночь...
И не умел я России помочь...

День, где ты, милый? В сиянии дня,
Может быть, кто-то услышит меня,

Может быть, кто-то поможет стране,
Слёз о которой не выплакать мне...

* * *

Заблудшего века печальник,
Иду, кандалами звеня,
А ветер, суровый начальник,
В лопатки дубасит меня.

Сломаться так стыдно и больно
И вдруг затеряться в ночи.
Оступишься, рухнешь невольно –
Не встанешь, кричи не кричи.

Прильнут ножевые обиды,
А песня умолкнет вдали –
И будешь лежать, недобитый,
Как червь, извиваться в пыли...

Нет, лучше меж сосен печальных
Идти, кандалами звеня!

Пусть ветер, суровый начальник,
В лопатки дубасит меня.

Неужто весь путь этот гиблый,
Чтоб в мире оставить я мог
Свой голос усталый и хрипый
И след окровавленных ног?..

* * *

Ночь – до скончания земли...
Кто это подсуропил?
Бессонница – глаза коли,
Да мастер шило пропил.
Теперь шатается, смурён,
Одно бубнит на ухо.
А пожелать, чтоб сгинул он,
Всё не хватает духа.
Бубни! Куда мне от тебя,
От мастера бессонниц?
Авось, о том о сём скрипя,
И обретём резонц
Какой-нибудь... Не всё же бя!.. –
Порвётся темень где-то.
Глядишь, строку к строке крепя,
И добредём до света...

ХУДОЖНИКУ

Спасён от поклонения монете,
Не думай ни о злате, ни о меди...
Да будет песней день сопровождён!
Будь за себя – и будь за мир в ответе, –
И ты осилишь прах тысячелетий,
Ты утвердишь живую связь времён.

Мужайся – изостри копьё на Змия!
И хоть клубятся сумерки лихие,
Прислушайся – откликнутся тебе
Вселенной неумолчные стихии:
Поют её артерии тугие
О воле, о прозренье, о борьбе...

* * *

Летучий росчерк молнии могучей
Ствол опалил – и вздрогнул старый Дуб:
«Что хочешь, Небо, ты? Скажи, не мучай, –
Не преполняй гнездовье жгучих дум...»

И – грянул гром!
И Дуб серчал сначала
На перебранку ветра и дождя...
А молния так огненно молчала,
Под вековые корни уходя.

И Дуб запел – отважно и могуче, –
Небесный росчерк чуя на челе;
Ему внимали звёзды, птицы, тучи –
И воды, что струятся в вечной мгле...

А молния, божественная милость,
Легла сторожкой под его пятой –
И письменами дивными покрылась,
И превратилась в свиток золотой...

* * *

Ложатся реки на ладонь,
А звёзды – на чело,
Прядётся облак золотой –
И день и ночь светло.

Дороги тянутся к ступням,
А ветер льнёт к груди,
И лес мне шепчет, приобняв:
«Постой, не уходи!..»

Всем сердцем принимаю вас!
Моих мгновений гроздь,
Мой первый час, последний час
Не могут с вами – врозь;

И песня, что со мной всегда
На перепутьях лет, –
Как хлеб, как воздух, как вода,
И утоленья нет.

* * *

Правлю строчки,
Плавлю строчки,
Но, вздыхая о венце,
Не хочу дойти до точки,
Столь пугающей в конце.

Только разве в точке дело?
Их немало на веку...
День-деньской они умело
Набегают на строку –

То ли град сечёт наотмашь,
То ли сеет дождь грибной...
А внизу (вот, Муза, плод наш!)
Сучья лижет ярый зной.

Надевай скорей кольчугу,
Снаряжайся не скуля –

И дерзай сквозь дождь и вьюгу,
Через бранные поля.

Сохрани огонь сердечный,
Оприходуй чувств расплав,
Чтоб на той вершине вечной
Встал твой город, златоглав.

Сомневаться нет причины,
Верь в набатный голос свой!
А морщины...
Что морщины? –
Трещинки на мостовой...

* * *

Свет былинный струится в окно,
Древней песней на сердце ложится...
Ослепительный день предо мной
Расстилается чистой страницей.

Ни полей, ни штриховки, ни вех –
Только Свет, только белое диво!..
Мне б пройти этот день, этот век
По заснеженной кромке обрыва;

Мне бы в стылости не изнемочь,
Не сорваться в безгласную пропасть!..
...И тревоги уносятся прочь,
И косматые тени, коробясь,

Уползают в углы... «Не робей», –
Мне без устали шепчет страница,
И в ладони, покорна судьбе,
Золотая слетает Жар-птица...

ПО СЛЕДАМ ИНДРИКА

От молвы бегу непотребной
В распахнувшиеся поля...
Иней истовый, благолепный
Облекает, дышать веля.

Я до боли дышу и верю
Небу, инею и кустам –
И былинному Чудо-зверю,
В мир идя по его следам...

* * *

Неверный сумеречный свет
Струится тихо и устало.
Душа над тайнописью лет
Отчаянно затрепетала.

Мир отступает в темноту
И в тесноту – и только Слово,
Бессменно стоя на посту,
Всему откликнуться готово.

Вокруг смятенье и угар,
Но вновь и вновь – биенье пульса...
Живое Слово – Божий Дар!
Я знаю: Он не отвернулся.

* * *

То звёздно, то черно, то грозно-ало
Над Русской степью накреньялась высь.
Пред тайной тайн Река, дрожа, стояла,
А берега куда-то вдаль неслись.

Но нет! – Река стояла в изголовье
И вдаль не отпускала берега,
А берега держали наготове
Костры и копыя, песни и века...

И Кто-то вдруг призвал нас и повёл нас –
И причастились мы Реки родной,
И от неё не отшатнулись, полнясь
Одной любовью и бедой одной...

Нам внятен каждый гул и каждый шорох
И каждая тропинка нам видна...
...И стали мы листьями, на которых
Созвездий проступают письма...

СВЕТ НАШ – ПОБЕДИТ!

Смотри, как небо ало!
Январская заря
Горит, душе усталой
Прозрение дая:

Над горькими полями,
Над бездной крыш и крон
Она горит как знамя
Поруганных времён...

Заря всё совершенней,
Всё ярче – каждый миг.
В ней – кровь тех поколений,
Сиянье духа их...

Опять с хулой бредовой
К ней тянет лапы ночь

И рвёт её – и снова
Беду не превозмочь...

Но силы мрака лживы,
А наша вечна связь:
Вы – истинны, вы – живы,
И миллионы – нас...

Качнулся месяц утло,
В душе – и боль, и стыд...
Но знаю: будет утро,
И Свет наш – победит!

* * *

Снеговые тучи с севера,
С юга дождевая мгла,
А в душе дыханье клевера,
Лебединые крыла...

Вроде радоваться, милая,
Не находится причин:
Разве улица постылая –
Не кручина из кручин?

Разве годы были – нежные?
Ох, признаются ль они,
Ночи горькие, кромешные,
Неприкаянные дни...

Было болью – стало сказкою,
Стало песней и судьбой.
С просветлённой, тихой, ласковой –
Хорошо, душа, с тобой!

Подожди ещё, душа моя,
Зачаруешь снег и дождь –
И придёт родная самая,
Та, которую так ждёшь...

* * *

А до весны – рукой подать,
А до весны – всего лишь пядь,
Всего одно дыхание.
День вымок с головы до пят,
Но есть в запасе ткани.

Туда-сюда – снежку аминь,
Туда-сюда – окрепнет синь,
А там (процесс недолгий!) –
И зелень наберётся сил,
Срастётся без иголки.

А вот стихи – всё шов да шов...
Ты на свиданье, день мой, шёл,
А тут – чужак с речами:
«Тебе идут парча и шёлк
И крылья за плечами!»

А всё ж листочки – вот они! –
Хотя бы в ситчик заверни,
Снеси весне в подарок.
Так получилось, извини:
Стихи не без помарок.

Когда ж весна их развернёт,
Помарки потеряют счёт
Как звёзды, как соцветья, –

И примутся тогда в зачёт
Одни лишь междометья.

Да главное ведь не глагол,
Не междометий произвол,
Не крылья и не ткани,
А тонкое дыханье смол,
Всего одно дыханье...

* * *

Вечерний лес, играя в прятки,
Берёт внезапно на испуг.
Он лунные заводит прялки –
И замирает сердце вдруг.

Перечить? Он хозяин, дома!
Ему любое по плечу.
Сейчас – не добрый он знакомый,
Я с ним квитаться не хочу.

Заманит, заведёт, закружит,
Застелет сумраками путь,
И грозный голос обнаружит,
И в очи бросит что-нибудь...

А я такое слово знаю –
Не будет никого родней!
Удержит он меня у края
Дремучей нежностью своей...

* * *

...И потерялась дорога,
И отошла в никуда.
Тут же крапивы жестокой
Всюду восстала орда.

Что же, наверно, так надо
На круговертях земных –
Леса поминки и сада...
Иль... возрождение их?!

Может, в глуши, в бездорожье
Надо совсем одичать,
Чтобы пресветлая, Божья
Вдруг проступила печать?

Может, спасенье не в битвах
И не в лихой болтовне,
А в сокровенных молитвах
В чуткой, как Бог, тишине...

* * *

Я снова отдаюсь устало
Осеннему лесному сну:
Иду своей тропинкой малой
И взвешиваю тишину.

Я знаю: там, во мгле угарной,
Смертей сжимается кольцо...
А здесь струится свет янтарный
И близко Вечности лицо.

Но все мы воедино слиты:
Здесь битвы, может быть, страшной
И, может быть, слышной молитвы
О горькой Родине моей...

* * *

Огни обмирают и тонут в тумане...
Холодное небо белее, чем снег...
Распутьями родина в сумерки манит,
И сердце сжимается словно во сне...

И всё неотступнее в памяти брезжит
Серебряный, незамутнённый родник,
И близкие люди печальней и реже,
И ночи длинней, и стремительней дни...

* * *

Рощи, зябко вздрагивающие,
Золото отряхивающие! –
Помните не бедствующие
Ночи, вас приветствующие?
Помните играющие
Ветры ободряющие?
Помните могучие
Ласки солнца жгучие?..
От зимы-царицы
Вам не откупиться
Уходящим в дым
Золотом своим...

* * *

Горше дыма-нелюдима,
Жизнь моя стремится мимо.
Только в слове – оправданье,
Смысл её и воздаянье.
Но и слово – злак летучий...
А вокруг всё камни, кручи,
И труднее год от года
Ждать не жатвы – хоть бы восхода!..

* * *

Дороги трудные, размокшие
От затяжных, глухих дождей –
Как эти думы, изнемогшие
От злых, погибельных вестей...

Картечью жгучей бы отметить,
По-волчьи сгинуть в западне!..
Но у дорог берёзы светятся
И ласково кивают мне:

«Не все пути ещё исхожены,
Земля окрепнет, так и знай,
И вслед за хлябью растревоженной
Придёт животворящий май...»

* * *

В годину горестей и бед,
Когда повсюду – лютый бред,
Я исполняю Твой завет.

Ты – милый свет в ночном окне,
Ты – солнце в вешней вышине,
Ты – даль поющая во мне...

Горюю – но не поддаюсь
И груз нести свой не боюсь:
Меня Ты укрепляешь, Русь!

Среди лесов, среди степей –
Повсюду, на любой тропе –
Ты вся во мне, я весь в Тебе...

Клянусь прогнать сомненья прочь,
Любые беды превозмочь!
Приходит день, уходит ночь...

СНЫ СТАРОЙ ЯБЛОНИ

С ветки
на ветку
синица
прыг-скок.
Падает
редкий
снежок.
Старой яблоне снится
Ветерок весенний,
золотого семени
крепкий росток,
майского дождика
добрый глоток...
Прыгай,
синица,
клюй
крошки,
остерегайся кошки –
весна возвратится!

Спи, старая яблоня, спи,
ветры терпи,
морозы терпи,
семена держи наготове –
земля возродится!
Всё сбудется:
в слове поэта нет лжи.

* * *

Судьбой знобимы и палимы,
Хулу, хвалу давно прошли мы –
И очень рады посему
Благодарумью своему.

Краса божественной Природы,
Книг упоительные соты,
В тиши рождённая строка...
Пространства с нами и века!

Там – Феокрит прогонит вьюгу,
Там – Святогор протянет руку,
Там – Пётр заглянет, словно друг...
И – светел день и мирен дух!

Былое, будущее с нами!
Всё – в сердце, всё – перед глазами.
О чём жалеть?
Чего желать?

* * *

По тебе моё сердце запылало,
По тебе моё сердце заболело.
А ведь было недавно горя мало,
А ведь было недавно вольно, смело...

Не сработали увёртки-уловки,
Прспала твоё явление охрана...
Ты виденье, ты один промельк лёгкий,
Отчего ж так глубока в сердце рана?..

* * *

А если вдруг
наискосок проходит
Твой день, твой век?
Попробуй не заметь!
Находит камни дом,
Ключи находит отгиск,
Находит форму жаждущая медь...

Всё воплощенья ждёт,
И ты ищи – благое,
Причастное себе – не упусти.
Живи, себя как минимум удвоив,
Чтоб не жалеть вдвойне в конце пути...

* * *

Свинцовые сосцы не имут молока,
И ласки нет в лужёной глотке,
И твердокаменны зимы бока,
И очи зимние не кротки.

Надвинулась она, как горы тяжела,
Всё гибнет под её шагами;
Калит она дороги добела,
Дубы трощит и разверзает камни...

Я ей не бью отчаянно челом
И втихомолку не перечу –

Но, поправляя золотой шелом,
Упрямо выхожу на встречу.

О, сколько раз, едва живой,
Я с честью выходил из боя!
И вот опять гудит над головой
Её дыханье ледяное.

Она взывает: «Сердце покори!»
Я гибну, но в ответ глаголю:
«Добавь сейчас мгновенье до зари,
День отпусти на волю!..»

* * *

Колокольня болит, как разрушенный зуб,
А заря – словно гнойная рана...
Дроги ночи усопшее солнце везут
На погост и дождя, и тумана...

Воцарились великие холод и тьма,
И земля забывает о небе...
Стали стражи – и в бездну, ликуя весьма,
Заглянули...
Нет солнышка в склепе!

Одолело оно все леса и моря,
Прошагало по всем бездорожьям!
...Колокольня сияет, в рассвете паря,
И поёт под дыханием Божьим!

* * *

Когда прибавится на треть
Февральский день, – небеспристрастно

В лесу и в поле солнце встретить
И встречу радостно отпразднуй!

Бывало сердцу нелегко
(Да и сейчас ему непросто),
Но до весны недалеко –
И день всё прибавляет роста.

Вот-вот сойдут с лица земли
Снега, залёгшие упорно.
А там – кузнечики, шмели,
А там, вдали – плоды и зёрна...

* * *

Лес очнулся в тихой дрожи –
Снег на сонного напал...
Пóлно! Будет день хороший!

Солнце глянет горячо!
Ну а в полдень лопнет почка
И за ней ещё, ещё...

Лес, к чему все уверенья!
Весь ты – зренье, слух – ты весь,
Мощь в тебе – и озаренье!

Песнь встаёт во весь свой рост,
И летит уже по свету
Время страсти, время гнёзд...

* * *

Птицы, пчёлы и кузнечики
Песню тянут – не мою ль?
Всех цветов хмельные глечики
Предлагает мне июль.

Ты сокровища несметные,
Русь, родная, не таи:
Вековечные, бессмертные –
Все они мои, мои!

Даль от зноя чуть качается,
Дух пьянеет кочевой,
И дорога не кончается –
Жаждой полнится живой!

ГОЛЫШ

Несётся, вод едва касаясь,
Умелой пущенный рукой.
В душе моей – восторг и зависть:
Вздыхаю, потеряв покой...

Бросок!
А мастера не видно...
Вот так бы, думаю, и стих
Касался душ молниевидно
И, взволновав, скрывался в них...

ОБЕРЕГ ЗОЛОТОЙ

Беда моя, постой, постой
Сегодня в стороне! –
Полдневный трепет золотой
Берёза дарит мне.

Таинственный бежит огонь,
И синева встаёт...
Не тронь, беда, меня, не тронь,
Вот оберег мой, – вот!

Ни гибели, ни злобы нет,
И прошлого не жаль.
Повсюду – только ясный свет
И ожиданья даль...

ЛИСТЬЯ ИЗ СКАЗКИ

День утомлённо поникнет в лесу,
Но будет радостно мне:
Листья из сказки домой принесу
И разложу на окне...

Свет не зажгу, провожая зарю,
И задремлю тихо, и
В полночь проснусь – и в окно посмотрю:
Светятся листья мои!

И золотой, и рубиновый свет
Я восприму, чуть дыша,
И улыбнусь, и почую: в ответ
Светится нежно душа...

* * *

В дни юности я пас коров
И с лошастью дружил,
Изведал силу тракторов
И много разных сил...

Лопат немало и ключей
Понял я в руках
И – неуёмный книгочей –
Всё грезил о стихах.

Так годы шли – и так прошёл
Я множество дорог,
Бывало горько, хорошо –
И я не петь не мог.

Но главное, что всей душой
Я Родиной дышал
И малой, тоненькой свечой
Ей ласково мерцал.

И не жалею я ничуть,
Хоть мне твердили: «Брось!»,
Что труден мой и грозен путь,
Что с жизнью мы не врозь...

* * *

По капле входила отрава,
Дорога терялась впотьмах –
И друг улыбался лукаво,
И радостно праздновал враг...

Но самое нужное слово
На помощь явилось тогда –
И происки воинства злого
Пропали во тьме без следа.

Изведал я, кто чего сто́ит,
И друга простил, и врага,
И слово запомнил святое,
И радостно вдаль зашагал...

* * *

Стихи младенческие живы,
Они всё ждут своей поры;

Пусть неумелы, но не лживы:
В них нет ни позы, ни игры.

Они с ветрами лились вместе
И со слезами заодно;
Они молили доброй вести,
Но было тихо и темно;

Они дорогой трудной, честной
Шли, шли туда, где синева –
И падали в такие бездны,
Что ныне верится едва...

И всё же выжили, окрепли
(Теперь попробуй замани!),
И не оглохли, не ослепли
И не озлобились они;

И вот к неведомой вершине
За двадцать пять огромных вех
Идут среди людской пустыни –
И молятся они за всех...

* * *

Начинаю с чистого листа,
Выхожу в заснеженное поле.
Будь навек, душа моя, чиста
От неистовств и ненужной боли!

Путь-дорога, знаю, непроста:
Впереди то заросли, то ямы...
Но над ней высокая звезда –
И идти мне радостно и прямо.

День ли, ночь ли – не собьёшь меня,
Шаг свой правлю – непременно самый.

.
И – свершилось: нежно и упрямо
Потянулись к небу зелены!

Знаю, урожай грядёт не мой –
Не уберёжен посев мой ранний...
Но я счастлив, что моё дыханье
Пролетает песней, а не тьмой.

НОВОЛЕНИЕ

Царственно молчание благое...
Божественно несуетное Слово...
Время покоряется лихое...
Лежит зерно, к прозрению готово...
Радостно распахнуты дороги...
Не меркнут возрождённые светила...
И на место боли и тревоги
Приходит созидательная сила...

* * *

Одну родную душу отыскать –
И с ней соединиться неразрывно...
Брожу по свету, кличу безотзывно,
Всё тяжелей, темней за пядью пядь.

Когда меня коснётся благодать?
К чему вопросы пестовать наивно!
...И всё ж иду, влекомый силой дивной,
И, разувераясь, всё ж зову опять...

Давно и точно понял жизни суть я:
В ней страшные провалы и распутья,
Да горя неотступные глаза...

О, только бы с пути сейчас не сбиться,
Не превратиться в тёмного сновидца...
Ударь – не промахнись, любви гроза!

* * *

Когда зардеет в сердце страсть
И отзовется дальний рокот, –
Тогда падёт заклятий власть
И увещанья не помогут! –

Вот так же удержать нельзя
Ни волей злой, ни речью мудрой
Распространяющееся
По миру утро...

* * *

Влачится ветхий день
По миру обречённо.
Как нищий ослеплённый –
Декабрьский ветхий день.

Бредёт за окоём,
Где ждёт его могила...
Но грозная есть сила
И запредельность в нём! –

Мир сжался и затих,
Прижат свинцовой дланью,
И, злой обложен данью,
Считает каждый миг...

Но грянет, как и встарь,
Снег – вестник просветленья,
И сгонит ослепленье
Ликующий январь!

ФЕТ

Тебя зоил терзает злой,
В тебя летят насмешки черни –
А ты как дымка над землёй,
Как чудный блеск звезды вечерней...

Любимый Фет! Прости, прости
Сей мир неистовый и лживый,
Где грязные царят наживы
И где поэты не в чести...

Иду, тебя к груди прижав, –
И сердцу сладостно и больно,
Лечу с тобой меж звёзд и трав –
И песнь твою пою неволью...

Ты несказанный храм воздвиг –
Я верен твоему завету
И счастлив, что летит по свету
Благоухающий твой стих...

* * *

Нет прошлого, и будущего нет,
И настоящего – одна лишь ночь глухая,
И человек бредёт, изнемогая,
И голоса не слышится в ответ.

Бредёт, себя в безумии круша,
Не жаждет песен, не жалеет пашен,
Безмерно одинок, смешон и страшен...
Лишь ночь извне – и так темна душа...

* * *

Художник! Ты склоняешь знамя!
А нужно – каждый Божий миг

Смотреть упорными глазами
На обновляющийся мир...

Тебя, печальника России,
Жгут и язвят, как ни молишь,
Лучи неистовые, злые –
Все на тебе они сошлись...

Так не сдавайся! Дли сраженья!
Не всепобедно в мире зло:
Пожнёшь восторг и утешенье –
И мир откликнется светло...

* * *

Светает – в час по чайной ложке.
А всё же Бога не гневи:
Ночь канула – и день сторожко
Ждёт восхищенья и любви...

Ещё робка зари полоска.
Её не подведи, старик.
Иная маленькая ложка –
Великой доли проводник...

То не пожара злое дело
И не кровавые пути:
Прими свой день легко и смело –
И сладость жизни ощути!..

ВОЛЬНОМУ – ВОЛЯ

Никогда обо мне ничего не загадывай,
На прокрустово ложе меня не укладывай,
Не растягивай бедного, не укорачивай –
Понапрасну усилия ты не затрачивай!

Она вершит немой полёт,
Даруя страхи и убранства,
И покорённые пространства –
Её престол, её оплот.

Царит над степью и над лесом,
Близка и ангелам, и бесам.
К ней льнут повеса и святой...

Объемлет всё – и, всех волнуя
Своей бесстыдной наготой,
Смеётся! Не люблю Луну я.

ЛУНА. ПАЛИНОДИЯ

Ночь надвигается на лес,
Тропинка слепнет вековая –
И сердце меркнет, изнывая,
И страх бежит наперерез.

Иду один. И жутко без
Просвета – забреду куда я?
А ночи – ни конца, ни края.
И ангел спит, и вьётся бес.

Виновен я: Луну обидел!
Прости меня, Янтарный Идол!
О я глупец! К чему пришёл!..

Вдруг – ветер! Тучи – прочь! Ликуя,
Царица заняла престол,
Смеётся! Как люблю Луну я!

* * *

Блажит, похоже, кровоток,
Бежит по коже холодок,
Какой-нибудь электроток
В мозгу маячит...
Что беспризорный сей листок,
Ответь мне, значит?

Когда-то, возвратив заём,
Мы ринемся за окоём –
И всё, чем жадно мы живём,
Страшась и веря,
Отдастся, сочтено огнём,
На волю ветра.

На волю – если повезёт...
А так – не в нашу пользу счёт.
Жизнь подбивает свой расход,
Готовит прочерк –
И добрых дней наперечёт,
И бездна – прочих.

РАСПРАВА

К Дону выйду, в воду гляну –
Ой, темна вода!
Поверну ли на поляну –
За спиной Беда!

Поднажму – она по следу,
Ускоряет шаг...
Хвать-похватъ, а толку нету –
Не возьмёт никак!

Нелегко и мне, конечно...
«Сгинь куда-нибудь!»

А она бормочет нежно:
«Дай передохнуть...» –

«Нет уж, дорогá минутка,
Отдыхать нельзя!
Это, милая, не шутка –
Вдруг навалишься?!»

Прожужжала ты мне уши –
Малость погоди!
Я скажу – а ты послушай,
Коли по пути:

Не умерил отчего-то
Раж твой – Божий храм,
Так спихну ж тебя в болото
Я назло чертям!..»

* * *

«С поэтами надо построже! –
Вещает один дуrolом. –
Чуть что – и по роже, по роже
Его же, его же стихом!»

Кипит и клоочет отвага:
«По роже, по роже!..» – И он
Того и не видит, бедняга,
Насколько в запале смешон...

Он вьётся, язвя непокорных,
А кряжистый дуб на века
От розг и от дрызг смехотворных
Ушёл головой в облака...

* * *

Я набрёл на куст калины
Посреди болот.
Всё здесь сказкой и былиной
Веет и живёт...

Вечереет. Пни какие!
Кажется, сейчас
Молвят: «Век шаги людские
Не тревожат нас...»

Глушь – лощины, топи, кочки,
Неисходный лес...
Птицы, глянешь, словно точки
В пустоши небес...

Рву калину, ем неспешно.
Верю – я храним!
А вдали, во мгле безбрежной,
Всё курится дым;

И, обманчиво беспечен,
Из-за тёмных вод
Будто голос человеческий
Вдаль зовёт, зовёт...

* * *

Устав от мелочных стараний,
Я с музой нынче не в ладу...
Тоскуя, за звездой ранней
Разочарованно бреду.

Иззубрен мой тяжёлый посох,
Истёрта в странствиях сума.
В неотчуждаемых вопросах
Дай Бог мне не сойти с ума!

Дай Бог не согнуть на распустьях,
Безвольно не забиться в ночь,
И в новых песнях – труден путь их! –
Предубежденье превозмочь;

Дай Бог простить пустых и странных,
Не вспоминать горчайших слов
И не искать в чужих туманах
В забвенье канувших следов;

Дай Бог идти без промедлений –
И выбраться на путь большой
С душой, исполненной стремлений,
Светло распахнутой душой!

ЖУРАВЛИНЫЕ ГУСЛИ

Солнце катится по кронам
Вкупе с облаком горящим.
Древним следуя законам,
Осень шествует по чащам.

Полон вкрадчивой печали,
Всей душой не отзовусь ли,
Если из вечерней дали
Вдруг откликнутся мне гусли?

Затревожусь на поляне
И рванусь неосторожно, –
Только вместе с журавлями
Отлететь мне невозможно...

* * *

Отчий край дождями полон...
Даль размыта... Лишь порой
Вечерами над горой
Небосвод кровав и солон...

Или Русь побрали в полон,
И не счесть вовек утрат?..
Брат погибший! Бедный брат!..
Небосвод кровав и солон...

Небосвод кровав и солон...
Давит серое ярмо...
Мир становится тюрьмой...
Отчий край слезами полон...

* * *

Слышишь, ветер, карманник, изменник,
Ты зачем эти песни унёс?
Не верни – так куда-нибудь день их,
Схорони среди лоз и берёз...

Сохрани их от чёрного глаза,
От недоброго слуха укрой,
Утаи от бесовского пляса –
И охранные гусли настрой.

Окаянные воют и свищут –
Песни эти не выдай им, друг!
Только светлые пусть их отыщут
И размыслят: то меч или плуг...

* * *

Я значусь не в списках – в описках.
Мертво – не хваля, не браня –
Дельцы областей мне не близких
Глядят и глядят сквозь меня.

А мне-то печали немного –
Такой уродился, видать.

Ласкала бы сердце дорога,
Звала бы реки благодать! –

Да песни Руси неустанно
Струились бы с милой рекой
И вместе с дорогой желанной
Вели далеко, далеко...

* * *

Прогнать все злые были, небылицы,
Уйти под благодатную сень –
И ждать, и петь, и мыслить, и молиться
Весь необъятный день.

Уснуть укромно, сладко – без печали,
Чтобы на лоне тишины
И звёздами, и травами дышали
Божественные сны...

* * *

Те, кто были боги для меня,
Превратились в карликов убогих;
И, познав, похоронил я многих –
Лгавших, что они моя родня...

Прощевайте!
Лишних слов не трата,
Я спешу в поля и в города:
Моё сердце окликают братья –
Те, кто остаются навсегда...

* * *

Подарили перо мне чудесное лебедь и ворон,
Одарили меня вещей силой – и вот оттого

Мой полёт всеобъемлющий светел, и дик, и просторен,
И срывается голос, но в голосе – волшебство.

Мне берёза дарила листву, дуб дарил свои корни,
Мне своё половодье дарила большая река –
Оттого стал я донного камня угрюмей, упорней,
Оттого стал я гибче прибрежного тростника.

В глубь ушёл я корнями, листвой разлетелся по свету,
Разошёлся водой – и велик, словно вечность, мой миг.
Как никто, я и древен и юн – но и всё ж землю эту,
Даже малую горсть, даже вздох её – не постиг...

* * *

И Божий глас, и тихий мой ответ,
И звёзд наказ на миллионы лет,
И тучи вскачь, и молний острия,
И горький плач забитого зверья,
И сумрак смут, и тёплая ладонь
Во мне живут – и запоют, лишь тронь!
Я жёг мосты, хмелея через край...
О Память, ты меня не покидай!
О Песня, ты во мне живи всегда
Как свет звезды, как вольная вода...

* * *

Учусь у цветов и травы
Живой нескончаемой силе,
Учусь у большой синевы,
У пташки на старой могиле...
У светлого мира учусь! –
И всё горячее, всё телесней
Во мне отзывается Русь
Живой нескончаемой песней...

ПОЭМЫ

СВЯТОГОР

I

Обручился в час неведомый,
В час невиданный, неслышанный
С Матерью Землёй заплаканной
Великан Горыня огненный.
Нарождаться стали детушки,
Не простые – неподъёмные,
Неохватные, несметные;
Мать Сыра Земля умаялась,
А Горыня всё старается,
Горы он творит великие,
Перекладывает детушек
С полдня на полночь и наново;
И ослеп он, горы двигая...
Миновали веки вечные,
И возговорила горочка
Самая меньшай, малая,
Трёхсоттысячепудовая:
«Ой Горыня ты мой батюшка!
Ой Земля моя ты матушка!
За вскормленье благодарствую.
Отпустите своё чадушко,
Святогора добра молодца,
Погулять по свету белому,
Силу-силушку испробовать.
Исполать, коли отпустите,
Не отпустите, так сам уйду».
Тут Горыня призадумался,
А Земля, Земля-страдалица
Задрожала и заплакала:
«И куда пойдёшь ты, дитятко,

Что искать по свету белому?
Ведь ещё дитё ты малое,
Буйное да неразумное...
Ой, куда ты, Святогорушко!
Обопрись о Горы крепкие,
О Святые Горы милые,
Головой приляг на облако,
Почивай, сынок, во здравие –
И живи себе по-старому,
Как твои родные брателки
Вострогор и Вырвигор живут.
Не пытай ты силу-силушку,
Не смущай ты волю-волюшку!
Возрастать ты станешь, мáтереть –
Я стопу твою не выдержу:
Плоть от плоти, в плоть воротись...»
Но не слушает совета он
И не ждёт благословения;
Низко кланяется батюшке,
Да тому Горыне тёмному,
Матушке Земле поклон кладёт
И, гремя кольчугой каменной,
Меч поглаживая каменный,
Булавою тешась каменной,
В путь-дорогу богатырскую
Отправляется не крадучись.

II

И пошёл гулять он по свету
На полдневную ли сторону,
На полночную ли сторону –
Куда сердце поведёт его,
Сердце буйное, горячее.
Богатырский конь копытами

Высекает искры белые,
Да не искры то, а молоньи,
То не конь, а кручь великая,
Что вдогон Горыней пущена...
Мать Сыра Земля качается,
Стонет глухо и отчаянно:
Только стопы Святогоровы
Обопрутся где о Матушку –
Закипает кровью огненной...
Святогор гуляет по свету,
Перекатывает солнышко –
Так по телу бродит силища,
Возрастаючи немеренно;
Тысячепудовый меч его
Борозду ведёт глубокую,
А пристукнет он булавушкой –
Потечёт река великая,
Грянет посильней – запенится
Море синее бездонное...
Всё живое поклоняется
Святогору, богу юному,
Богу сильному славянскому;
Святогор гуляет по свету,
И столетие как день ему...

III

1

Изопью-ко мёду пьяного
Да настрою гусли заново;

Ой, настрою гусли наново –
Старину спою как надобно...

Сколько Святогору ехать-то?
Силищу размыкать некуда!

А от силищи той муторно,
Налегла как чёрный спуд она,

Жилы рвёт-переливается,
Ничем не перебивается...

Не гора гудит-колышется,
Святогоров голос слышится:

«Ой, в какой бы побывать стороне,
Столб до неба чтобы высмотреть мне, —

Взялся б за кольцо, за что ни попадя,
Да перевернул бы Землю походя!..»

Голова его в огне и в дыму,
И от силищи той смертно ему.

Никнет в облако ходячее
Голова его горячая,

И на землю слёзы катятся...
И века иные кажутся...

Стонет Мать Земля, колышется,
Только голос ей послышится:

«Ой, в какой бы побывать стороне,
Столб до неба чтобы высмотреть мне!..»

То не лес шумит-колышется –
То ответный голос слышится:

«Ой, головушка залётная!
Вот сума те перемётная.

Сто веков уже ношу её,
А сегодня положу её.

Чтобы силушки убавилось,
Подыми её хоть на волос...»

Из разверзшегося облака
Покатились громы отклика:

«Что за пташка перелётная
В ухе щебетать отважилась?

Что за небыль перемётная
С недосыпу мне приблajилась?» –

И копьё вдруг протянулося
(А сума не покачнулася);

Сорвалось, суму ту двигая, –
Борозда прошла великая.

«Ой ты каменное тулово! –
Слово слышится Микулово. –

Скоро глянут ясны звёздочки,
Разомни свои ты косточки,

Порасправь свои ты жилушки,
Да спытай своя силушки!

Аль слабо тебе, Святогор-богатырь?
Можешь только лишь храпеть во всю ширь?»

Засверкали очи гневные,
Как два солнца, два полдневные:

«Ой, не видно мне отсюда
Хвастунишку безрассуднова!

Да взглянуть поближе хочется...»
(А сума растёт час от часу.)

Тучи вспять и реки движутся,
Чащи древние колышутся,

Стонут горы, содрогаются,
Валуны-слова свергаются:

«Эх, головушка удалая,
Ведь сума-то больно малая,

Разве что мизинец вденется.
Никуда она не денется...»

(Молвит слово он нелестное,
А сума растёт чудесная.)

Принагнулся – не шелóхнется,
Прикоснулся – не ворóхнется,

Ходуном ходить Земля вся пошла,
А сума себе лежит, где легла.

Молвит Святогор заветное:
«Эко чудо несусветное!

Веки вечные хожу по Земле,
А такого не встречалось мне...»

И напруг в себе он каждую жилищу,
И рванул он ту суму да во всю силищу,

Приподнял её на дых только, на волос,
А от силищи уж втрое убавилось.

По лицу – не пот, а крови рассол,
И по грудь он тотчас в Землю ушёл...

Век ещё один проходит как дым,
А Микула всё стоит перед ним.

И опомнился тогда Святогор,
Длань великую он в небо простёр,

И вложил Микула повод в ладонь.
Святогора вынес, выхватил конь.

И чудовищный остался провал,
А что в нём – того никто не видал...

И промолвил он, садясь на коня:
«Ты загадками не мучай меня.

О любимый из Земных сыновей!
Что в суме невыносимой твоей?

Ох, лихая, так она тяжела,
Что меня со свету чуть не сжила».

И Микула отвечает ему:
«Вся Земная тяга в суму

Поместилась – это Горе людей
Из сумы тебя пытало моей...

Повстречались мы с тобой неспроста –
У Калинова познаешь Моста...»

IV

1

Едет вдаль Святогор,
Едет тысячу лет,
И померк его взор,
И меча в руке нет.

Не развеять тугу,
Не пройти по Земле,
Соловья и Вольгу
Не провидеть во мгле...

Отошли высь и ширь.
Лес стоит наравне.
Едет вдаль богатырь
И вздыхает во сне.

...И ещё сотня лет
Пронеслась, словно дым.
И прорезался свет:
Пять калик перед ним.

Сто железных сапог
Износив, каждый в пуд, –
Вдаль идут, на восток,
Хлеб железный грызут.

«Здравствуй, Царь! – возгласил
Древний Старец ему. –
Не хватило, знать, сил
Одолеть ту суму.

Потускнел твой венец,
Поубавилась мощь...
Но ещё – не конец,
По-иному умрёшь...

Через две сотни лет
Встанет Мост на пути;
Помрачится весь свет,
А ты дальше иди.

Навьи чары – они
Тьмой растают ночной,
Лишь мечом ты махни
У себя за спиной.

Возле Сиверских гор
Мал расчёт за суму...»
И без слов Святогор
Поклонился ему.

Богатырь едет-спит,
А в душе непокой...

Мост калёный стоит
Над смердящей Рекой...

«Конь копыта занёс
Высоко – неспроста...» –
Вдруг очнулся от грёз
На середине Моста!

Дышит тьма, и огонь
Сжечь грозитя дотла.
И храпит ярый конь,
И грызёт удила.

Двинул старый плечом,
Помянув Землю Мать:
«Нет, негоже мечом
За спиною махать!»

И мечом он махнул
Перед грудью своей –
И пошёл в мире гул
От небес до костей;

И повторно махнул,
Сверху вниз, до Земли,
И коня повернул –
Только искры пошли.

Третий раз он махнул:
«Так и быть!» – за спиной,
И на веки уснул
Под кремнёвой бронёй...

...Едет-спит Святогор,
И сказалось ему:
«Возле Сиверских гор
Мал расчёт за суму...»

3

А у Сиверских гор
Кузнец песни поёт,
С незапамятных пор
Свиток мира куёт.

Дуб великий и звёзд
Хороводы над ним.
На три тысячи вёрст
Поднимается дым...

Во всю мощь, во всю ширь,
Во всю звёздную высь
Заревел богатырь:
«Эй, Кузнец, отзовись!»

И ответно ему:
«Святогор, не томи.
Ты мне люб, посему
Молот мой подыми.

Потрудиться не грех
От зари до зари.
Самый малый из всех –
Не стесняйся, бери».

Приумолк Святогор,
Голову опустил,

Правит сердцу дозор,
Набирается сил...

«Не Горыни ль я сын?!» –
И могучей рукой
Взял он молот один,
А вослед – и другой.

Как махнул – обмер лес,
Зашаталась гора...
Засмеялся Кузнец:
«Знать, настала пора!

Ты могуч, Святогор.
Погоди, не шуми.
Через Свитка узор
Ты Судьбу восприми.

Вот тебе волосок –
Золотая змея.
Где падёт на песок –
Там невеста твоя...»

4

Едет вдаль Святогор,
И в чужой стороне
Правит вещей дозор
На могучем коне.

Бьёт он палицей в щит,
Радости не тая.
Он поёт и кричит:
«Где невеста моя?!»

Он гласит во всю грудь
У больших площадей:
«Не слышал кто-нибудь
О невесте моей?!»

Время тает, как дым,
Серебрится висок,
Но лежит недвижим
Золотой волосок...

Бьёт он палицей в щит,
Ярости не тая.
Он лавиной шумит:
«Где невеста моя?!

Разорвать хватит сил
Заколдованный круг!» –
И коня он пустил
В переулочок... И вдруг...

В сердце – яростный пал,
Лик – темнее свинца:
Подле гноища пал
Волосок Кузнеца!

Вот – невеста, судьбой,
Злой судьбой суждена:
И золой, и корой
Вся покрыта она.

У неё вместо ног –
Хвост проклятой змеи...
И – сдержаться не мог!
Меч он выхватил – и

В грудь ударил её:
«Не Горыни ль я сын?!» –
И упал на корьё
Поминальный алтын...

5

Едет век, и другой
Святогор по Земле.
Меркнет меч под рукой,
Очи тонут во мгле;

Тускнет шлем золотой,
Сердце словно зола,
И могильной плитой
Ночь повсюду легла...

Навьей ночи страшной
Тяготеет зарок:
Обещал, лиходей,
Да не выполнил в срок!

У Моста, у Реки,
У Судьбы на краю
Сам не свой от тоски,
Взял он чару свою.

Из Смородины он,
Став на Мост, зачерпнул.
И пошёл всюду стон,
И пошёл всюду гул!

Полночи-пауки
Наплели навьих троп,

И из чрева Реки
Вышел каменный гроб.

«На Святых на Горах
Эту чару тесал, –
Молвил – огненный прах
Руку с чарой связал. –

Ой ты, чара моя,
Крепче крепкой брони!
Раскалились края,
Мягче воска они...»

Пить он чару готов...
Но летит к нему весть,
Что в Царе городов
Диво дивное есть:

«Поезжай, коли смел,
А вернуться сюда
И испить свой удел
Ты сумеешь всегда...»

Он поднялся в седло,
Чару в Реку швырнул.
И вдруг стало светло,
И утих в мире гул...

6

Из пучины морской
Солнце начало бег.
Пышной свадьбы такой
Не видали вовек!

И летит во всю ширь
Всех земель и всех вод:
«Святогор-богатырь
Пленку замуж берёт!»

У неё, молодой,
Теремов много есть,
А казны золотой
За два века не счесть.

А ведь нищей была!..
Снарядив корабли,
Из алтына взяла
Все богатства свои...

Солнце вышло из вод,
Солнце стало в зенит,
И повсюду народ
Пьян и весел шумит!

Среди званых гостей
Пировал и Кузнец,
Он в приданое ей
Дал хрустальный ларец;

Ничего не сказал,
Только тяжело вздохнул...
И сверкнули глаза,
И послышался гул...

Укачал гостей хмель,
Солнце пало, и вот
Муж в лебяжью постель
Молодую несёт.

Окунуло в расплав
Небо звёздный венец.
От восторгов устав,
Зрит он страшный рубец;

И не верит глазам
Святогор: «Почему?!
Кто ты? Кто ты?» – и там
Вдруг открылось ему:

Был удар лишь один –
И отпала кора...
Был алтын на помин –
И соковищ гора...

И вздохнуть он не мог,
Этой вестью сражён,
И прощенья у ног,
Сам не свой, молит он...

Речь ласкает ей слух:
«Ты моя? Ты – моя!» –
И она его вдруг
Обвила, как змея...

V

1

Ларец хрустальный, голос милый...
Сторожевой неся дозор,
И зачарован дивной силой,
По взгорью едет Святогор.

Всё пуще налегают тучи...
И дум, и снов не перечесать...
И гнётся, стонет дуб могучий,
И подаёт зарница весть...

Но, презирая топот дальный,
Он оперся о булаву
И на плече ларец хрустальный
Качает, грезя наяву.

В одно мгновенье пролетели
Под песню нежную века,
И запредельные метели
Одели кудри старика...

Всё ближе, ближе топот ярый,
И вот уже кричит Илья:
«Эй, отзовись! Помедли, старый,
Иль булавой потешусь я!»

Молчок...
И ширится досада,
И скулы у Ильи свело.
Бьёт раз, другой – молчит громада
И только дышит тяжело.

«Брожу по свету, а не видел
Такого чуда испокон.
Ну что ж, прости, коли обидел!» –
И бьёт он третий раз – вдогон.

А Святогору что за дело?
От комара не много ран.
«Звенит, негодник... Надоело...» –
И хватить Илью себе в карман.

...И до того идя не ходко,
Запнулся богатырский конь,
Хоть горяча на крупе плётка,
На шее нелегка ладонь:

«Хозяин! Это ведь не шутки!
Тебя везу, ларец... Притом
Ещё, подумай, третьи сутки –
Богатыря с его конём.

Не зря ведь речью человечесьей
Гудит гортань – нет больше сил...» –
И Святогор расправил плечи
И в свой черёд возговорил:

«Я ныне сонный, да не пьяный,
Не примерещится мне зря!» –
И вот из правого кармана
Он достаёт богатыря.

Тот мечет молнии и громы,
Клянётся: дескать, быть беде!
А Святогор, объятый дремой,
Усмешку прячет в бороде:

«Эх, богатырь! Едва подую –
Останется один лишь прах,
И не свершив пути, впустую
Ты распылишься на ветрах.

Смирись, дружок. Здесь нет позора...»
Взметнулся конь, горяч и быстр,
И из ладони Святогора
Он высекает снопы искр.

«Спешить не надобно, Илюша,
Ведь ближе нет богатырей.
Изволь-ко, хлебушка откушай
И зелена вина испей».

Сошлись два мира – древний, новый,
И побратались той порой.
Шатёр раскинули шелковый,
И пир пошёл у них горой.

И разморило Святогора...
И, захмелев от питья,
Ларец оглядывая, скоро
В сон погружается Илья.

2

В кармане, верно, жить не шутка –
Порастрясло, и потому
Спит богатырь вполглаза, чутко,
И – голос чудится ему;

Поёт он вкрадчиво и сладко,
Словно пьянящая струя;
Зовёт потешиться украдкой:
«Илья! Иди ко мне, Илья!»

Илья тяжёлой дланью властно
Сгоняет первый сон с лица.
И снова голос льётся страстный
Из Святогорова ларца...

«Что за напасть? Скажи мне, кто ты!» –
«О, как ждала я твой дозор!»

Мы породнимся, брось заботы,
И счастлив будет Святогор...»

(И мыслит: явное боренье
Мне, женщине, не по плечу.
Илью приветив, за презренье
Я Святогору отплачу...

Найду себе единовеца,
Да будет крепок он и спор –
И трещина пройдёт по сердцу,
А там... зачахнет Святогор...»)

И голос ласково, влюблённо
Опять Илью к себе манит:
«Постыл мне путь унылый, сонный
И этот вечный стук копыт.

Приди, развей мои страданья!»
Илья был доблестен и смел,
Но тут, как говорят преданья,
Он удержаться не сумел.

И возлегли, сплетаясь в ласке...
И, как ведётся с давних пор
Не только в жизни, но и в сказке,
Их заприметил Святогор.

И – злые молнии сверкнули
Из-под седых его бровей,
И встали горы в грозном гуле,
И содрогнулись до корней...

И в час полночный, самый тёмный,
Когда ослепла неба ширь,
Занёс над ними меч огромный,
И... удержался богатырь.

Меч опустил... Ногой лишь топнул
Так, что последний луч померк,
Достал Илью, ларец захлопнул,
И цепи наложил поверх.

3

Забрезжило в тумане утро;
Илья очнулся чуть живой,
И Святогор склонился мудрый
К нему громадой снеговой:

«Я покарать за любодейство
Тебя намерился, Илья!
Но сам не свой от чародейства
Ты был – и удержался я.

Молчи! Молчи – так будет лучше...
Я меч о горы затупил,
Я их прожёл слезой горячей,
И всё ж Змею простить нет сил».

Они ларец тот засмолили,
И у Калинова Моста
В Смородину его пустили,
Чтоб сгинула навек беда.

Повсюду содрогнулись горы
И птицы пали на лету,

И погрузился скоро, скоро
Ларец хрустальный в бездну ту...

VI

1

«Зовёт далеко дорога,
Но очи тонут во мгле.
Осталось, чую, немного
Бродить с тобой по Земле.

Всё глубже сны и всё глуше...
Ни искры из-под копыт...
Послушай, брат мой, послушай! –
Илье Святогор говорит. –

Без страха и без печали
Мне снится который раз:
Калики ковчег стесали
В беззвёздный полночный час;

Я чую стеснённой грудью,
Одетой во мрак и лёд:
Стоит он на перепутье
И гостя упрямо ждёт.

С тобою мы повидали
Немало дорог и троп...
О брат Илья! Не пора ли
Примерить каменный гроб?»

...И вечер вдруг обмер вешний;
И видят: из чёрных плит
Сработан рукой нездешней,
Смертный ковчег стоит.

И молвит Илья Святогору:
«Начертано здесь одно:
Тому гроб придётся впору,
Кому лежать суждено».

Ни птицы окрест, ни зверя, –
Глухие, как смерть, края...
«Я, братко, его примерю –
Дозволь!» – говорит Илья.

Ложится – мерцают звёзды,
Не замедляют бег:
Нет, Муромцу не по росту
Несметный этот ковчег.

«Дозволь, теперь я прилягу.
Авось хоть мне повезёт», –
И Святогор с размаху
В гроб опустил тот.

Ложится – и меркнут звёзды,
И прекращают бег:
Пришёлся как раз по росту
Великий этот ковчег.

«Ах, славно, брат мой, послушай...
Струится в меня холодок...
Надвинь-ко крышку, Илюша,
Хочу подремать чуток».

И крышку Илья надвинул,
И грудью её прижал...
И век, как мгновенье, минул,
И будто гремит обвал...

«О брат, умирать не больно.
Так сладко дремать в гробу.
Но крышкуними – довольно,
Не надо пытаться Судьбу».

Упёрся Илья в распустье,
Схватился он за края,
Налёг и плечом, и грудью –
Не сдвинет крышку Илья!

Нависнув над чёрным скатом,
Из силы рванул он всей.
Пот хлещет кровавым градом,
Кровь брызжет из-под ногтей.

«Ох, брателко... тяжело... тяжело...
Не сдерживай ты меча...»
И рубит Илья с оттяжкой,
И рубит Илья сплеча.

Ударит – обруч железный,
Ударит – вослед другой.
И сверху, и снизу бездны,
И только смерть под рукой.

2

От горя как будто пьяный
И в голос кричит Илья:
«Мой брателко, мой названный!
Бессилен, бессилена я!

Мне больно! Прости! Мне стыдно!
Уж третий обруч встанет!...» –

А Святогор: «Как видно,
Мой смертный пришёл черёд.

Во сне ли, в бреду ли, вьюжа,
Пять тысяч лет пронеслись...
Иду, ох, иду, Илюша
По каменной лестнице вниз...

Ох, давит обруч железный...
Спускаюсь, закрыв глаза,
По чёрной лестнице в бездну,
А хочется – в небеса!

Сходи, прошу лишь, к Горыне,
К отцу сходи моему,
Скажи старику о сыне,
О сыне скажи ему.

Да только следи ты, чтобы
Не сгинуть: старый силён...
Коня привяжи у гроба,
Ещё пригодится он...

Вовек меня не забудешь:
Илюша, склонись ко мне,
Прими смертный дух – и будешь
Ты силой со мной наравне.

Возьми, да не много, братко...»
Склонился к гробу Илья,
Вдохнул, и ещё раз – кратко,
Рыдания не тая.

И – ринулось в сердце горе...
И хоть он вдохнул слегка,
Та сила вошла как море,
Как горы и как века.

3

...Но – сила себя же лечит:
Забыв про еду и сон,
Дубы яро рвёт и мечет
Три дня и три ночи он.

И сила сошла немного
И молвила: «Выбирай».
И пала Илье дорога
В далёкий и тёмный край.

А каменный и железный
Гроб канул во мрак густой –
И встали ключи из бездны
С живой и мёртвой водой.

VII

1

Влекут Илью от могилы
Пределы иной страны...
Прибавилось много силы –
И мраморной седины.

Дорогу найдя короче,
Он едет не наугад,
И кажется: чьи-то очи
Упорно за ним следят...

Он скачет туда, бессонный,
При свете кровавых звёзд,
Где врос в берега калёный
Великий Калинов Мост.

«Так вот он!» –
И на мгновенье
Задумался пилигрим,
И неувимой тенью
Вся жизнь пронеслась пред ним...

Лишь тронул Илья поводья –
Звериный поднялся свист,
И мёртвой пахнуло плотью,
И конь задрожал, как лист.

То – Чудо ползёт из мрака,
Ни дерево, ни змея...
«Отведай меча, собака! –
Грохочет ему Илья. –

Не хочешь смириться – ладно!
Непустишь – пройду и так!
Моей булавы булатной
Испробуешь, Божий враг!»

Не страшен путь неизвестный,
И, шпоря всю коня,
Он бьётся над грозной бездной
Из сумрака и огня.

И день, и другой, и третий
Он рубит, он бьёт булавой,
И смотрят очи столетий
На этот великий бой.

И кто-то хохочет будто,
И кто-то плачет навзрыд...
Но – свергнуто Чудо-юдо
В Смородину; путь открыт.

И – вслед полетело жало,
И после того броска
Запенилась, задрожала
И выплеснулась Река.

Из бездны зывают тени,
Кружится каменный гроб...
От пота и от видений
Илья отирает лоб,

Творит молитву святую,
Спасительный крест кладёт
И, жаркую глядя сбрую,
По Нави мчится вперёд...

2

Повсюду толпятся горы,
Кровавы их острия.
И слышит наказ Святогора,
Как будто сейчас, Илья:

«Увидишь, брат мой, пещеру –
Родитель сидит внутри.
Ты помни, Илюша, меру,
И сразу – не говори...»

Нет солнышка и в помине...
Над Книгой из чёрных плит

В пещере своей Горыня
Три тысячи лет сидит.

Он древний старец и тёмный,
Всё толще на нём кора;
Он сам, как гора, огромный
И каменный, как гора.

«Темно, тяжело за гробом...
Но жив-то покамест я!» –
И ринул коня галопом,
Как брат повелел, Илья;

Кричит: «Святогора нету!» –
И дух перевёл едва:
Летит и гудит по следу
Гранёная булава.

Пригнулся – и проревело
Над самую головой...
«Какое срамное дело!
От боя бегу впервой.

Ну, будет! По крайней мере,
Не отрок, кажись, и я.
Ну, будет!» – и к той пещере
Коня повернул Илья.

И слышит – ему не рады...
Не голос – каменный шквал:
«Не ты ли, вещун проклятый,
Сынка у меня забрал,

Обрѣк на такую муку,
Дитя моё погубя?!
Не вижу – подай мне руку,
Испробую дай тебя».

Рассказывая о сыне,
Илья в отдалении стал
И яростному Горыне
Свою булаву подал.

Тот сжал – и вот, затрещало,
И чёрный поднялся дым.
«Да... Силы в тебе немало...
Пред сыном ты чист моим...

На сердце – лихая стужа...
Такая, видать, судьба...
Ну что же, садись, Илюша,
Есть каменные хлеба», –

И старец древний и тёмный
Жуёт из последних сил.
Илья же – валун огромный
За пазуху положил.

«Я сыт; не приму и крохи, –
Ему говорит Илья. –
Авось сгодится в дороге,
Отец, коврига твоя.

Спасибо тебе за руку,
Спасибо тебе за хлеб!
Прости мне за весть, за муку...
Русь снова увидеть мне б!»

«Путь добрый тебе отныне.
Дорогу к пещере скрой», –
В ответ прогудел Горыня –
И вход завалил горой.

3

Торопится, Мост минуя,
Родные зовёт края,
Стремится на Русь Святую
Обрадованный Илья.

Спешит, поминая друга,
И кажется иногда:
Не бор вдалеке – кольчуга,
Не облако – борода.

Веками, бессмертье проча,
Он едет не наугад,
И чьи-то родные очи
С улыбкой за ним следят...

VIII

Вся изранена, истерзана,
Спит под грозами и вьюгами
Мать Сыра Земля страдальица,
Спит-вздыхает тяжело, горестно...
А по ней – дороги древние,
Косточками замощённые,
Неоглядные, несметные.
Кто содеял то – неведомо,
Да и он конца не видывал...
Путь один – к колодцу древнему,
Непроглядному, бездонному:

Во глубины непомерные
Срубы вправлены дубовые.
Кто содеял то – неведомо,
Да и он конца не видывал...
А на страже – Богатырь стоит,
Богатырь сильнее сильного,
Богатырь, мудрей которого
Не рождала Земля Матушка.
Шлем, кольчуга, булава его,
Меч, копьё его великое
Крепче камня вековечного,
Очи – солнца незакатные,
А дыханье – буря грозная!
Объезжает, сон с очей гоня,
Объезжает верно, посолонь
Каждый день он Землю Матушку –
И обратно возвращается
К Дубу вечному триглавому:
Должен он колодец знаемый
Охранять и обихаживать.
Ладит он бадейку добрую,
Обручами перевитую:
Обруча из красна золота,
А дощечки чиста серебра,
А самой цены и меры нет.
Цепь на ней звенит булатная,
Кузнеца рукой откована,
Нет конца и нет начала ей –
Меры нет ей, в звёзды брошенной,
И износу нет ей довеку...
По Земле проходят странники,
Жгучей жаждой истомлённые, –
Все идут к колодцу древнему
Почерпнуть воды живительной...

Ой ты время окаянное!
Реже ныне люди русские
В путь-дорогу отправляются
Заповедную, заветную:
Их прельщают топи мутные,
Берега манят дурманные.
Чаще злые ходят, чёрные –
Загубить колодец истинный
Всеми силами стараются.
А колодец всё не старится,
Только глубже он становится!..
По Земле проходят странники –
Все века, века несметные
Молодые ходят, старые,
Ходят злые, ходят добрые,
А доходят лишь достойные,
Землю Мать боготворящие,
Пресвятую Землю Русскую!
Изопьют воды той странники,
Изопьют – и силой полнятся,
Запевают песни славные,
Песни светлые, исконные...
А иному, раз в столетие,
Самому родному Страннику,
Самому по духу близкому,
Святогор, с коня спускаючись,
Сам подносит чару полную...

2019 – 2022

АЗОВ

ГЛАВА I

1

Не спится юному царю:
В ночи недужной поминутно
Ум занят Русью непробудной...
И шепчет Пётр: «Я волны зрю!..
Не сиволапой, сухопутной
Предстанет пред веками Русь...
Иное утвердить берусь!
Проснулись молодые силы –
И нам подвластные ветрила
Пойдут в Европу напрямки;
Азов, а не Архангельск стылый
Сейчас задействовать с руки...
Повсюду ковы и обманы:
Бузят проклятые османы,
Глухо волнуются стрельцы,
Но грянут, быстры и нежданны,
Слова мои во все концы...
В стране суровой полунощной,
Несытой злобе вопреки,
Флот величавый, многомогущий
Воздвигнется!..» – И нет тоски;
Он тихо опускает ногу,
И боль проходит понемногу;
Пылают очи, и готов
Пётр устремиться на Азов,
И, не поддавшись силе чёрной,
Судьбу испробовать повторно...
Воспоминаний рой суров,
Но не смертелен. Злые жала

Не устрашат Петра нимало! –
Из бурь и бед он дух воздвиг,
Он силу черпает из них...

2

Полночные кружатся тени,
Перемежаются огни –
И в пёстрые ряды видений
Опять сплетаются они:

Вот ботик маленький безвестный
По узкой Яузе плывёт...
Пруд Просяной... И снова тесно:
Поглубже бы, пошире вод!

Иные дни, иные годы,
Иные зовы новизны...
Вот и плещеевские воды –
Они побольше... но тесны!

Уже Петру озёра – лужи,
Суда малы и неуклюжи,
Куда ни поверни – всё край.
«Ах, почему так много суши!»
Мужает сердце: море дай!

Россия ждёт великой доли:
По свету флаги слать пора! –
И море Белое до боли
Целует юного Петра¹...

¹ В июне 1694 года Петра в плавании застигла буря, едва не стоившая ему жизни.

Кожуховские вот успехи –
Сухие Марсовы потехи:
Разбита рать Бутурлина².
Москва глядит, изумлена...

3

Сплетаются воспоминанья –
За днями дни, за днями дни...
Безудержно тревожа, рая,
Покоя не дают они:
«Азов! Турецкая громада! –
Пётр шепчет. – Сколь ни времени,
А взять её, для Бога, надо...
Гордон, Лефорт и Головин!
К осаде! Медлить нет причин!
Подумаешь, какие крепки!
Зря, что ли, шли войска по степи,
Зря, что ли, наши корабли
По Волге и по Дону шли?!
Вперёд, ребята! Пушки к бою!
Виктория не за горою!» –
И вновь командует он пли
И поджигает фитили³...
Пусть и внезапны и жестоки
Татарской конницы наскоки,
Пусть турки с моря налегли –
Начало есть! Оно удачно:
Горит отчаянно Азов...
«Победа наша однозначно!

² Потешными армиями командовали оборонявший Кожуховскую крепость Бутурлин и штурмовавший её, при участии бомбардира Петра Алексеева, т. е. царя, Ромодановский. Это была последняя военная потеха Петра.

³ Пётр совмещал обязанности первого бомбардира и фактического руководителя кампании.

Но как преодолеть врагов,
Коль друг к предательству готов?
Матрос голландский Яшка Янсен,
Поступок твой зело ужасен!
Зачем явился ты на свет?
Наёмник подлый и лукавый,
Тебе вовек прощенья нет.
Врагу предаться! Боже правый!
Хлеб русский есть, по-русски пить –
И турка втайне натравить!
Лежать тебе в кровавом прахе,
Готовься к топору и плахе!..
А всё ж казаки-силачи
Не зря забрали каланчи⁴,
Не зря надвинулись редуты
На ощетиновый Азов!
Пусть шершни хитры, шершни люты,
Но... против наших молодцов?!
Вперёд, на штурм! Сигналы, флаги!» –
И Пётр безумствует в отваге,
Добычу видя пред собой.
И закипел кровавый бой.
Насели турки, резать рады,
Гордон, Лефорт – бегут, бегут!
Размётаны, как лист, отряды...
Их не сдержать – напрасный труд!
В сторонке сидя, щучий сын,
Бой наблюдает Головин...
Нет единенья. Единенья!
Но сила есть. И есть стремленье.
Есть власть державная Петра.
Есть – Бог. Сдаваться не пора!

⁴ Каменные башни в трёх верстах от Азова перекрывали выход из Дона в море.

(А ночь идёт...
Тревожа, раня,
Сплетаются воспоминанья:
Ещё далёко до утра...)

4

Проходит лето в схватках ярых,
В апрошах⁵, минах и пожарах...
Уже и турок измождён,
Но подкрепляем с моря он.
России нужен Флот великий! –
Тогда замолкнут вражьи клики,
Тогда не только каланчи
Падут, не причиняя вред нам, –
Растает в натиске победном
И след турецкой саранчи.

Совет военный за советом:
Есть в отступлении резон;
Но Пётр, досадой распалён,
Не хочет помышлять об этом –
И Гордона не слышит он⁶.
И вот – последний штурм назначен...

Кровав итог его и мрачен:
Грохочет взрыв, идут в пролом –
И вновь отброшены врагом!
Ревут и свищут ядра яро,
Каменья рушатся с небес,
И разгораются пожары

⁵ Продолговатые ровики с внешней насыпью, предназначенные для безопасного приближения к вражеской крепости.

⁶ Благоразумный и опытный Гордон всё время выступал за сбережение сил.

Отчаянные – там и здесь...
На подступах безумных, страшных
Немало воинов отважных –
Да будет вечно им светло! –
Немало русских полегло...

Царь болен, но не кажется виду.
И Гордон вновь заводит речь:
«Мужайся! Одолей обиду!
Не ей, не ей тебя подсечь.
Вернись в Москву – и выкуй меч.
Пора, пора! Зима – не шутки,
Иначе ляжешь здесь костями». –
«На сборы – сутки,
чёрт возьми!»

И хлынул дождь тогда обломный,
И ветер ринулся, суров,
И вышел Дон из берегов –
И на войска пошёл, огромный,
Нежданной, яростной бедой.
Наш лагерь скрылся под водой.
Однако – отошли степенно,
Не потеряв в беде лица.
(Казáки же Азова стены
Стеречь остались до конца...)

«Пусть посидит турчина пленный,
Пусть последит Минаев Фрол⁷,
Чтоб сон на шершней не сошёл.
Эх, если б не было измены!» –
Шли по ногайской стороне
И толковали о войне.

⁷ Легендарный атаман донских казаков.

И пала стынь. В одеже летней
Шли степью русские войска.
Шли без огня. Сухарь последний
Тревожно шарила рука.
Ревела вьюга. Выли волки.
Татарин лютый сёк главу.
Шли ни во сне, ни наяву...
Дороги были дики, долги,
А всё же привели в Москву.

.

Декабрь отпал и был нескучный;
В ночной январской мгле недужной,
Со лба стирая жаркий пот,
Царь мыслит: «Будет Русский Флот!
Нет, не окончено сраженье, –
Он шепчет, – будет продолженье:
Сначала Порту пуганём,
А там и в Балтику шагнём...»

Да, есть уже почин великий!..
Лес рубят мёрзлый и сырой⁸,
Но корабели станут в строй
По воле русского владыки...

Он будет, Русский Флот – герой!

ГЛАВА II

Идут подводны по Руси,
Идут по снегу, по грязи:

⁸ По воле Петра село Преображенское под Москвой в считанные дни декабря было превращено в центр судостроения.

Пруты, да гвозди, да пенька,
Лубье, да брусья, да доска...

Гудит не затихая нерв,
Не ждёт Воронежская верфь!

Где дню конец, работе край?
До половодья успевай!

В Воронеж спешает Пётр –
Вершить великий труд и смотр.

Коль царь хлопочет от души,
Попробуй против что скажи!..

«Моря покорны будут нам!» –
И он мужает не по дням...

Не парадиз, конечно, тут:
То люди, не стерпев, бегут,

То злой набег, то ярый пал,
То дождь, то снег великий пал,

То на поков железа нет...
Давай не мешкая ответ!

А всё же – будет торжество!
Есть опереться на кого:

Хоть не всегда силён, но рьян
Помощник первый – Тимерман;

Лефорт был зиму нездоров,
Но он спешит на царский зов;

И Гордон, с ними наравне,
Не остаётся в стороне...

Вот – Меншиков, а вот – другой⁹...
Недурно: оба под рукой!

Моляров, Склеяев и Щека...
Команда плотников крепка.

Вот – Верещагин... И вокруг –
Немало сотен добрых рук!

Да, люди мрут... И страшно мрут!
Но путь к виктории – он крут.

И как не приложить всех сил,
Коль Митрофан благословил¹⁰!

Вот – «Кумандера»; тут же с ней
«Марк» поспекает и «Матвей»¹¹;

«Апостол Пётр» – готов почти;
«Апостол Павел» – знай расти;

Испробовать на крепость борт
Желает «Адмирал Лефорт»;

⁹ Меншиковы Гаврила Авдеевич и Александр Данилович.

¹⁰ Святитель Митрофан, епископ Воронежский призывал народ всемерно помогать Петру.

¹¹ Галеры «Кумандера», она же «Принципиум» и «Его Величества», а так же «Святой Марк» и «Святой Матвей».

И струги, брандеры, плоты
Не прочь вкусить донской воды...

Виват, Воронеж! Славен будь!
Но впереди – великий путь...

Виват, Москва! Начало есть!
Но впереди – забот не счесть...

Виват всем городам! Виват!
Россия процветёт стократ...

Невероятно дух твой бодр,
И замысел велик твой, Пётр!

Идёшь всему наперекор,
И вот уже – донской простор...

Теперь, взрывая рубежи,
Господний промысел верши! –

И поднимает кубок он
И опрокидывает в Дон:

«Прими, великая Река!» –
И расступились берега...

ГЛАВА III

Краса Отеческой земли,
Идут по Дону корабли;
Идут, и смело и свободно
Обозревая берега...
Преизобильна, полноводна
Родная русская Река.

Ночами ветры злы, сильны,
Но дни раздольны и красны...

Не дремлет Пётр – он пишет, правит
Военный для галер указ:
Настигнет тех возмездья час,
Кто в час опасности слукавит;
Вот – флаг, а вот – иной сигнал¹²...
Изволь чтоб каждый выполнял!

.

– Азов!
– Азов!
– Эй, там! Не рады?
Мы так врага ввели в обман,
Что обнаглевший басурман
Не изготовился как надо.
Пора из пушек, из фузей¹³
Лихих попотчевать друзей!
А может, сразу выйти в море
Да гирла Дона запереть,
Чтоб не видали турки впредь
И сухаря себе на горе?
Громить, громить турецкий флот!
Казачи двинулись вперёд.
И – как по-писаному стало:
Свободно море! Гладок путь!
Боятся турки и вздохнуть,

¹² В «Указе по галерам» устанавливались сигналы, подаваемые командиром эскадры пушечными выстрелами и барабанным боем, в дневное время – флагами разных цветов, а в ночное – фонарями. Указ предписывал, в том числе, капитанам галер не покидать друг друга, грозя в случае неисполнения смертной казнью.

¹³ Фузья – старинное кремнёвое ружьё.

Могучего лишившись жала;
Одна лишь конница татар
Наносит исподволь удар...
Но и она в свой час отбита!
И земляной великий вал
Идёт к Азову... Ядер шквал –
Как Смерть сама... Ну что же, квиты?
Сдавайся, турок! Нет – так нет:
Отведай ядер на обед!
А эти вылазки лихие,
Лукавый скок и ярый крик!..
Солдат притёрся и обвык –
Не зря века стоит Россия...

Не утерпев, казачья рать
На штурм бросается опять:
«Ну, будет! Кончены игрушки!»
Минаевцами больверк¹⁴ взят:
Они корчуют – и назад,
К себе, на вал, возносят пушки!
Сдаёшься, турок? Иль – погром:
На штурм решающий пойдём!

Едва лишь пушки ободрились
Вал раздербанить крепостной –
Врата виктории морской,
Врата Азова отворились!
И Мустафа идёт с письмом
И шапкой машет... Поделом!

А право, славная шумиха!
Турчишка из последних сил

¹⁴Так в старину именовался специальный бастион.

Уже ефимками палил¹⁵...
Ему надрали зад мы лихо!
Впервой – не солоно ушли,
Но славно зиму провели...
Зело исполнена работа,
Теперь – веселью все права!
Пусть триумфальные ворота
Готовит пышная Москва...
Пируй! Для грусти нет причин!
Но помни: это лишь почин...

Ликуй! И ветры пей морские!
И славу пей! Да будет так:
Сие побед грядущих знак,
Залог величия России!

2019 – 2021

¹⁵ Турки стреляли разрубленными монетами, что показывало большую нехватку свинца.

О ПЕТРЕ И О ФЕВРОНИИ

* * *

В час, когда заря бездоннее,
В золотой вечерний час
О Петре и о Февронии
Начинаю тихий сказ.

Если вспыхнет слово лонное
В православной стороне, –
Их вниманье благосклонное
Пусть наградой будет мне...

I

* * *

То во городе во Муроме
Было в давние года:
Над владениями хмурыми
Змей кружился без стыда.

Он прельстился не хоромами,
Не пирами, не казной,
Не боярами суровыми,
А княгиней молодой.

Вот и бают красны девицы,
Лишь сойдутся вечерком:
«Ох, неладно ныне деется,
Князь и тут и там, – кругом...»

Поцелуи ловит страстные
Распроклятый враг лихой,
Затуманив очи ясные
Тайной силой колдовской.

Насылает Змея-ворога
Погубитель, не дремля,
Чтобы сгинула от морока
Благоверная земля.

* * *

И случилось чудо чудное,
Как по-писаному вдруг:
Слово вымолвилось трудное,
Разорвав змеиный круг;

И княгиня пала бедная
В ноги к мужу своему –
И заря взошла победная,
Заиграла в терему,

Расплясалась свет-рубинами,
Расплескалась в серебре...
Зревшее ночами длинными
Совершилось на заре:

Мужний гнев, тяжёлый, праведный
На обидчика-врага
И той клятвы голос памятный,
Что пронёсся сквозь века...

Звон в церквах и песнопения –
Чёрная распалась тишь.
Павел, князь, отбрось сомнения,
Божьей силой победишь!

* * *

И у Павла дума брезжится –
Смертный выпытать удел...

День, другой – и вновь потешиться
Змей в покои прилетел;

И ему княгиня вкрадчиво
Говорит, как учит князь:
«Милый, взор не отворачивай,
Мне поведай не таясь! –

Повелитель мой единственный,
Я постичь хочу, любя:
О великий и таинственный,
Есть ли кто сильнее тебя?..»

Помогла молитва светлая...
Змей склонился к ней, шепча:
«От плеча Петрова смерть моя,
От Агрикова меча!...»

И она смеётся радостно!
И бросается к ней Змей:
«Жарко быть со мной и сладостно,
Вечно будешь ты моей!»

II

* * *

Тоскует, мятётся княгиня,
И князь возвещает: «Пора!»
И вот он к себе призывает
Любимого брата, Петра².

¹ Агриков меч – меч-кладенец сказочного богатыря Агрика, символ духовной силы.

² Существует мнение, что под вымышленными именами Павла и Петра подразумевались реально жившие князья. Некоторые учёные предполагают, что ими могли быть братья Владимир и Давид, правившие в Муроме с 1175 года. После кончины старшего брата Владимира в 1203 году княжить стал Давид (умер в 1228 году).

В очах его отсвет небесный
И нету лукавства в словах,
А больше всего он желает
Тихонько молиться в церквах.

И князь говорит без утайки
О чёрной, о лютой судьбе;
И плачет он, брата целуя:
«Спасение наше – в тебе...»

И Пётр отвечает приветно:
«Не надо печалиться, брат! –
Для Бога и счастья людского
На битву отправиться рад. –

Помолимся, брат мой страдалец!
Где меч, я не знаю сейчас.
В одно только твёрдо я верю:
Господь не забудет о нас».

* * *

Пётр молится в церкви безлюдной,
Летит в небеса его речь...
И – отрок идёт к нему чудный:
«Мой князь! Показать тебе меч?» –

«Где он? Дай взгляну. Слава Богу!»
И видит: в стене алтаря,
В расщелине, меж кирпичами,
Меч светится, словно заря.

«Вот счастье-то, счастье какое!
Чудесный подарок небес!

Мой отрок, тебя одарю я...
Где отрок?» А отрок исчез.

И падает Пётр на колени,
Он полон молитвой святой;
И, к сердцу клинок прижимая,
По церкви шагает пустой.

А голос: «Очнись, неразумный!
Нельзя ни мгновенья терять.
Опомнись!» И в Муром он скачет,
И в сердце его – благодать.

* * *

А в Муроме мучит княгиню,
Лишь князь отойдёт, чародей...
«Теперь не обманешь, проклятый!
Я знаю, где брат, а где Змей!»

Пётр входит в покои без страха
И меч обнажает пред ним,
И княжеский терем высокий
Окутали пламя и дым!

Вот бьются три дня и три ночи,
От жара не портится меч,
В другую он руку ложится,
И вновь принимается сечь...

В той битве упорной и грозной
Пётр Змея сумел побороть,
Но, кровью обрызгана чёрной,
Покрылася струпьями плоть.

Молились, целителей звали
И с ближней, и с дальней земли,
Но вскоре по юному телу
Ужасные язвы пошли.

III

* * *

Тогда, прознав про чудеса,
В Рязань с дружиной едет князь.
И – слёг... И дальше сквозь леса
Посланник скачет, торопясь.

В избушку входит он³ – и вот,
Не может отвести очей:
Чудесный холст девица ткёт
И заяц скачет перед ней.

И поражён её красой,
Склонился отрок до земли:
«Князь умирает молодой,
Петра от хвори исцели».

Она загадки говорит:
«Сижу в дому глухом, слепом;
Взаймы рыдают мать с отцом,
А брат чрез ноги в навье зрит⁴...

³ Феврония жила в селе Ласково, примерно в 25 верстах севернее Рязани.

⁴ В древнерусской «Повести от жития святых новых чудотворец Муромских, благоверного и преподобного и достохвалного князя Петра, нареченного в иноческом чину Давида, и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвалныя княгини Февронии, нареченныя в иноческом чину Еуфросинии», приписываемой перу выдающегося писателя и публициста XVI века, богослова, соборного священника Ермолая-Еразма, Феврония, испытывая мудрость, загадывает дружиннику загадки и вскоре даёт разгадки: пёс – уши дома; ребёнок – очи дома; отец и мать оплакивают покойника и ждут свой черёд быть оплакиваемыми; брат – древолаз-бортник, и через ноги смотрит на землю, чтобы не сорваться и не умереть (навь, навье – царство мёртвых).

.
Коль правда велика беда
И коль добросердечен он, –
Ты приведи Петра сюда,
И будет князь твой исцелён».

* * *

И в Ласково въезжает князь
И посылает вновь слугу;
И девушка даёт наказ:
«Лишь мужа вылечить смогу.

Не к золоту душа моя
Лежит – к чему мне этот груз!
Лишь на любовь согласна я...»
И обещает Пётр: «Женюсь».

Но молвит, выслушав гонца:
«Пусть только из пучочка льна,
Коль так мудра, за два часа
Одёжу справит мне она».

Она – слуге: «Поспею в срок.
Но, прежде чем пуститься в путь,
Достань-ка с грядки⁵ чурбачок,
Князь ткацкий стан содеет пусть».

В закваску дунула слегка...
И, поняв, что решён вопрос,
Вернулся княжеский слуга
И снадобье с собой принёс.

⁵ Грядка – «две жерди в чёрной избе, над челом печи, для сушки дров, лучины и пр.» (Даль).

* * *

Передаёт: «Помажься весь,
Но струп один не тронь сейчас».
И возыграла в князе спесь:
«К чему мне нищенки наказ!»

Болезнь утихла с той поры.
Пётр скачет в Муром, полон сил.
Он шлёт богатые дары,
А обещанье – позабыл.

И снова пал он в боль и тьму,
И покаянья полон он:
«Ну что ж, как видно, самому
Идти придётся на поклон...»

И вот – решается он сам
В жилище скромное войти...
Не верит Пётр своим глазам
И молвит: «Милая, прости!..»

Она кладёт веретено
И отвечает не сердясь:
«Согласна быть твоей женой», –
И исцелился тут же князь.

IV

* * *

И сочетались – Бог направил,
И жили праведно в миру.
А тут – скончался вскоре Павел
И княжить довелось Петру.

Забыв о море и пожаре,
Безмерно любит их народ,
Но ненавидят все бояре
Февронью за незнатный род:

Она-де собирает крошки! –
И Пётр проверить хочет сам;
И видит: на её ладошке
Лежит душистый фимиам.

«Уйди! Тебе не будет счастья!» –
Опять враги стоят стеной. –
«Одно лишь только обещайте –
Что Пётр останется со мной».

Не против Пётр. Бояре рады:
Открыты к власти все пути...
Но в мире выше нет награды,
Чем с милым об руку идти.

* * *

С такой любовью жить не больно
И вера в Господа крепка.
Идут суда, под ними вольно
Переливается Ока.

И зрит Февронья: долго, страстно
Дружинник смотрит молодой...
«Черпни воды, – сказала властно, –
И с этой стороны, и с той;

Теперь испей. Всё та ж водица?
Знай: чтобы не было вины,
Желать чужую не годится, –
Все жёны плотию равны...»

И опустил дружинник очи,
Любви и мудрости дивясь...
На мир сошло дыханье ночи,
И повелел причалить князь.

Трапезничают на приволье...
И молвила Февронья тут:
«Сегодня срубленные колья
Наутро, знаю, процветут...»

* * *

И совершилось неотменно:
Лишь колья процвели с утра,
Пришли посланники смиренно
Просить на княженье Петра;

Поведали о Божьей каре:
Что в горести народ поник
И что мятежные бояре
Друг друга истребили вмиг...

...И – в путь пустились в то же утро,
И в Муром прибыли они,
И княжили светло и мудро
Во все отпущенные дни:

Жалели нищих и увечных,
Спасали тех, кто брёл во мгле...
Ради богатств небесных, вечных
Они дышали на земле;

В благоговении глубоком
Служили, Господа моля.
И процвела под Божьим оком
Благословенная земля...

V

* * *

А когда дохнуло смертной стынью,
Приняли монашество они:
Пётр – Давид, Февронья – Евфросинья
Завершали в иночестве дни⁶;

И молили Бога, чтоб кончина
К ним пришла в один и тот же миг,
И в гробнице каменной единой
Завещали упокоить их...

И отходит Пётр; и вот, к Февронье,
Дивный вышивающей покров,
Весть он шлёт: «Уйду из мира ноне...»
А она: «Воздúх⁷ мой не готов».

И другую весть он шлёт: «Недолго
Ждать могу, любимая, сестра!»
И снуёт, торопится иголка,
И Февронья шепчет: «Не пора...»

В третий шлёт: «Ждать не могу нимало!»
И, воздух не довершив чуть-чуть,
На иголку нитку намотала
И сказала: «Я готова в путь».

⁶ Есть версия, что Давид и Евфросинья – мирские имена князей, которые приняли монашество как Пётр и Феврония – ведь чтут именно Петра и Февронию. Но мы придерживаемся звучания, привычного нашему восприятию. К тому же многие люди на Руси, а князья в особенности, имели порой по несколько имён.

⁷ Воздúх – покрывало для церковных сосудов.

* * *

И решили разлучить любимых
Люди неразумные опять:
Дескать, можно ль облачённым в схиму
Нераздельно в гробе почивать?!

В гроб другой Февронью положили
От Петра любимого вдали,
А наутро – слава Божьей силе! –
В каменной гробнице их нашли.

И Февронью унесли. И снова
В церкви Богородицы⁸ Петра
Обрекли, своё нарушив слово,
Оставаться в гробе до утра...

Солнышка лучи весь мир согрели;
Третье утро было; и опять
В каменной гробнице их узрели,
Где они хотели почивать.

И остались на века – едины,
Даже смерть бессильна против них...
Муром, град Господний, град старинный,
Русь Святая! Чти их – каждый миг!

* * *

Радуйтесь, Давид и Евфросинья,
Радуйтесь сиянью Божьих глаз;
Радуйтесь, что из небесной сини
Вы на землю смотрите сейчас;

⁸ Собор Рождества Богородицы, главный муромский храм, располагался внутри кремля, на Воеводской горе. Февронию же пытались похоронить в загородной церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Радуйтесь, что горячо любили,
И что, претерпев так много мук,
Вы не изменили Божьей силе
И не разделили душ и рук;

Радуйтесь, что радовали многих,
Радуйтесь, что столько лет подряд
Миловали нищих и убогих
И народ был вашей власти рад;

Радуйтесь, что силой благодатной
Мир наш исцеляете, храня...
Помолитесь Господу отрадно,
Милые святые, за меня!

И простите, вас прошу несмело,
Что порой темны мои пути,
Что хвалы пою вам неумело...
Основное, верю, – впереди...

2014, 2020

СТОЯЩИЕ ВО ТЬМЕ

Однажды под вечер дорогой прямой
Король возвращался с прогулки домой;
И свита отстала; но вольно и смело,
Пришпорив коня, королева летела,
Прекрасна, как солнце, нежна, как весна, –
И дивных волос золотая волна
Сияла, высокая и огневая,
Закатное солнце порой затмевая.
И первые звёзды в лазури зажглись,
И духи лесов в хороводе сплелись.
Чащобы, селенья – всё мимо, всё мимо!
Король на мгновенье склонился к любимой
И с нежной улыбкой коснулся волос,
И ветер далёко признание унёс...
И снова они понеслись без печали,
Летели они в потемневшие дали,
Спешили они, помолившись Творцу,
Коней привязать к золотому крыльцу.
Крестьянин ли встретится трудолюбивый,
Вельможа ли важный – тепло и учтиво
Приветствуют каждого с лаской они,
И молятся все, чтоб продлились их дни.
И вдруг, где смыкается чаща лесная,
Где озеро дремлет, кроваво блистая,
У древнего дуба, у чёрных раки
Босая старуха, качаясь, стоит.
Седая, горбатая, полуслепая,
Она усмехается, в тень отступая.
Легонько поводья король натянул
И ей, поклонившись, кошель протянул.
Старуха молчит, усмехается криво
И смотрит безжалостно и горделиво,

Трясётся седая её голова
И губы змеятся, виднеясь едва.
Ужасные тайны колдунье открыты,
Всё видит она в отпечатке копыта...
«Здесь, матушка, деньги, – бери, не робей!
Поверь, много золота у королей».
Ни слова в ответ. Только птица ночная
С ветвей сорвалась, обречённо стеная.
Сошла сей же миг королева с седла
И к страшной старухе сама подошла,
И ей протянула, исполнившись духа,
Несметной цены ожерелье. Старуха
Упрямо стоит, ни жива ни мертва,
Клокочут смолой колдовские слова...
«Довольно болтать со старухой безумной! –
Король рассмеялся тревожно и шумно. –
Не бойся, мой ангел: старуха смешна,
К тому же ещё и рехнулась она!
Смотри: на носу бородавка вскочила
И пальцы покрючила адская сила.
Молчунья! Скажи, где твой милый старик?
Иль птицы склевали твой чёрный язык?»
Колдунья трясётся, как будто в падучей.
А юный король потянулся могуче,
И с лаской склонился к любимой своей,
И снова вскочили они на коней.
И голос глухой и железный раздался,
Как будто с могилой он только расстался!
И красное солнце померкло вдали,
И смрад преисподней пошёл от земли:
«Дарами своими меня не заманишь.
Сегодняшней ночью старухой ты станешь.
Грядёт Повелитель, грядёт Сатана! –
Готовься к любви, молодая жена».

Король – за клинок и за крест чудотворный:
«Стой, ведьма!» Старуха метнулась проворно,
Коснулась на миг королевы седла
Завыла – и в дуб вековечный ушла.
Как смерть, королева тогда побледнела,
И всё же супругу ответила смело:
«Любимый! Весёлая свита близка,
Доносится музыка из-за леска.
Задержимся здесь, мой король, честь по чести,
И после в дорогу отправимся вместе». Тревожно и нежно глядит на него...
«Не бойся, родная моя, ничего.
О ведьме шепну звездочёту – он в свите.
Поверь, он умеет распутывать нити». И только промолвил – нарядной толпой
Настиг, окружил его двор молодой,
Повсюду кипит, не смолкая, веселье!
А красное солнце таится за елью.
Среди молодых – лишь один был старик,
Он к гриве косматой устало приник:
Давно отцвела молодецкая сила,
На прошлой неделе сто лет ему било;
Но как отпустить короля своего,
Когда ещё деда он нянчил его?
Склонился на руку – и отдых минутный
Его освежает, как сон беспробудный, –
И вот уже мчится, блестя бородой,
И лихо заломлен колпак золотой.
«Я рад тебя встретить во здравии, отче!
Ты видишь: грядёт наступление ночи,
Тревожней и горестней хмурится лес,
И времени нам остаётся в обрез.
С тобой мне скорей побеседовать надо,
Пока не надвинулась ночи громада.

Давай, добрый друг, во дворец поспешим!» –
«Ах, юный король! – старец молвит пред ним. –
Я знаю души твоей горесть лихую
И вместе с тобой тороплюсь и тоскую:
Та ведьма, тебе пожелавшая зла,
Невестой она мне когда-то была!
Случилась беда: чародей всемогущий
Влюбился в неё – и увлѣк в свои пущи.
Мы бились три ночи, мы бились три дня,
В четвёртую ночь одолел он меня.
Он взял не сноровкой – уловкой особой,
Её не забуду до самого гроба:
Во мгле исхитрившись, седой лиходея
Прикинулся вдруг ненаглядной моей.
Я вмиг очутился в чудовищной власти,
И заживо был рассечѣн я на части,
И ворон на каждый кусок налетел,
И тотчас унёс в неизвестный предел.
Я чувствовать мог, и во мгле безотрадной
Огонь и мороз меня жгли беспощадно,
Но пуще всего – неизвестности боль...
Уж мы у дворца, но докончить позволь:
Спустя много лет вдруг *она* появилась,
Над каждой частицей, рыдая, склонилась,
Её оросила горючей слезой,
Сложила, ещё покропила росой,
Травой покурила, шепнула заклятья –
И мог, как и прежде, свободно дышать я!
Я кинулся к ней, но, увы, в тот же миг
Возник, ухмыляясь, проклятый старик,
Ударил её он свинцовой рогаткой –
И стала она устрашающе гадкой,
Меня ненавидящей старой каргой,
Весь мир презирающей, к Богу глухой.

Бежав, отмолил все былые грехи я,
Но как ни пытался снять чары лихие, —
Не мог пересилить проклятый удел.
От ярости мерзкий колдун околел,
Она же всё рыщет по белому свету
И ставит везде свою чёрную мету.
Давно подбиралась она ко дворцу —
И вот добралась... Мне дрожать не к лицу:
Я отдал бы жизнь за исход благодатный,
За то, чтобы радость вернулась обратно,
Но больно уж это проклятье черно,
Ни мне, ни тебе не подвластно оно.
Король мой любимый! Мужайся! Отныне
Бессильны любые заклатья, святыни.
Я землю готов обойти — повели,
Да только проклятье сильнее всей земли.
А коли повинен — не сдерживай гнева,
Пока отвернулась от нас королева,
Ты волен достать свой сверкающий меч
И голову эту с размаху отсечь». —
«Нет, ты не повинен, учитель мой верный,
Отцу, да и деду служивший примерно!
Ко мне не склоняйся с тревогой в лице.
Запрёмся покрепче, и пусть во дворце
Запеятся вольно душистые вина
И души утешатся песней старинной.
Что будет — то будет. Не вечен венец,
Не вечно и горе. Скорей во дворец!»
И тихо обнялись, и кликнули свиту...
И кони помчались копыто к копыту,
И вот распахнулись ворота, и мгла
На трепетный мир безраздельно легла.
А в замке повсюду — и танцы, и кубки,
И древний хрусталь, драгоценный и хрупкий,

Весёлыми винами блещет, звеня,
И больше, всё больше в каминах огня.
И все, кто ни есть, от восторга пылают
И жить без печали друг другу желают.
Одни лишь король да седой звездочёт
Угрюмо сидят. Им слова не в почёт,
Им вина не в радость, им дики напевы,
И взоры не сводят они с королевы.
А та, позабывшись, цветёт, как заря, –
Смеётся, щебечет, и, в танце паря,
Не знает печали, не помнит тревоги...
И вот задрожали лесные дороги,
Земля застонала в дыму и в пыли,
И чёрные тени в ворота вошли.
И вдруг содрогнулись старинные стены
И трещины в них зазмеились мгновенно,
И корни полезли сквозь камни, и мох
Полы и высокие своды облёг.
И дым закурился, холодный и серый,
И серойдохнуло; и адской химерой,
Промчавшейся в зале подобно грозе,
Погашены были светильники все.
И замерли танцы. И яства истлели.
И вина вдруг вспыхнули. И еле-еле
От страха, от смертного страха дыша,
Ждёт каждый – и глухо трепещет душа.
Один звездочёт, не поддавшись тревоге,
В пресветлой одежде стоит на пороге,
Заклятья слетают с его языка,
И посох великий сжимает рука.
Два смерча схлестнулись в борьбе небывалой,
Грозой озаряясь то белой, то алой.
И плиты срывает неистовый вой,
И слышится голос в ответ громовой.

С неведомой силой лишь миг он боролся –
И надвое посох его раскололся,
И грянулся оземь седой звездочёт,
И в камень оделся, и стал словно лёд.
Окованы властью несметной, незримой,
Стоят царедворцы в тоске нестерпимой,
И видят: огромная тень пронеслась,
И глухо дохнула, и скрылась из глаз.
И видят: стоит королева недвижно,
И плачет, и стонет она еле слышно;
И смотрят они, содрогаясь: над ней
Сгущается облако мрака черней,
И вдруг засветилось бездонно и ало –
И древней старухой красавица стала!
Морщина по ней за морщиной ползёт,
И шамкать спешит провалившийся рот.
И когти полезли. И космы седые
Опутали туфли её золотые.
Все в ужасе смотрят – весь замок застыл,
Все смотрят, а сдвинуться с места нет сил!

Столетия прошли. Заросли все дороги,
Терновые дебри укрыли чертоги,
И страшен, и дик их колючий наряд.
Фонтаны молчат – и сокровища спят.
Не раз смельчаков собирались ватаги,
Сквозь дебри они пробирались в отваге,
Вела их во тьме колдовская звезда,
Но сгнули все, как один, без следа...
А древние рыцари дышат во мраке,
Горят перед ними проклятые знаки,
Не в силах они одолеть грозных пут –
И дремлют, и слова заветного ждут...

2009 – 2017

АВГУСТ В КАТАЛОНИИ (Гала и Сальвадор Дали)

*Глубину мутят пороги.
Звёзд не видно быстрине.
Всё забудется в дороге.
Всё воротится во сне.*

Федерико Гарсиа Лорка
«Сюита возврата»

– Без неё чудовищные тени
Охватили мир: безумье в нём...
И восьмидесятилетний гений
В замке закрывается своим.

Ставни, запертые непритворно...
Он отрёкся от земного дня,
Но писать пытается упорно,
Вдохновенья отблески храня.

– Полстолетья – больше, чем едины...
Где её и где моя душа? –
Он кружится, поздние картины
В сумасшедшей ярости круша.

Ныне – стены личного музея
Для него приют, яйцо, тюрьма.
В древней башне «Torre Galatea»
Полнится видениями тьма¹...

¹ После смерти Галы в июне 1981 года художник сначала безвыходно уединился в замке Пуболь, а с 1984-го, после пожара, едва не унёсшего его жизнь, этот уже безумный человек-призрак, возненавидевший солнечный свет и живопись, перебрался в свой последний укреплённый лагерь – старинную сторожевую башню, примыкавшую к собственному музею. Яйцо – один из наиболее распространённых мифологических символов живописи Дали. Ранее светлый символ жизни, детище Леды, в последние годы он превратился для него в талисман спасения от пугающего мира.

I

Неуверенный и дерзкий,
Любит он уединенье,
Каталонские ландшафты –
Скалы, зной, оливы, море,
Мастерскую, свой Кадакес²,
Современные картины –
Некоторые, и всё же
Больше – добрые полотна
Старых мастеров: Веласкес,
Рафаэль, Вермеер Дельфтский...
(В ранней юности святое
Выстрадано убежденье:
*Преклоняясь перед ними,
Помни о своей дороге.*)

У отца на иждивенье
Он пока, но знает цену
Озорной и странной кисти.
Выставками в Барселоне
Он не заслужил признанья,
Но заложены основы, –
И поставленные вехи
Не настолько незаметны:
Пикассо, по крайней мере,
Живо интересовался.
Да, успехи есть, однако
Надо большего добиться!
Впрочем, ставки делать рано...

² Небольшой город на юге Испании, в Каталонии, где семья Дали, по традиции, проводила летние месяцы.

...Ласковый, любезный Лорка,
Давний друг и почитатель,
Ослепительную оду
Сочинил в честь Сальвадора.
Всё ж – назрело отчужденье
Между славными друзьями...
Федерико реже, реже
Появляется... Другие
Занимают в сердце место –
Бюнюэль, к примеру. Скоро
Должен выйти на экраны
«Андалузский пёс». Участье
Сальвадор в нём принимает,
И немалое... Но Лорка...
Бюнюэль... И беспокойство...
Мысли спутаны... Одно лишь
Ясно: главное – не это;
Неумеренная дерзость,
Неуместное веселье –
Тоже. Присмотрись: бесспорны
Грани творческой природы –
Нежной, резкой, неподвластной
Ни себе, ни окруженью...

Жажда славы и прозрений –
Вот что в жизни основное!

II

Капризна, вероломна, холодна,
Изглодана сомненьями, она
Исполнена мучительных страстей
И вечно ждёт несбыточных вестей...
Ей жизнь обыкновенная чужда!

А Поль³... Что – Поль? Ни радость, ни беда,
Ни то ни сё... Когда-то, да, была
Страсть, раскаляющая добела,
Любовь была!.. А ныне? А теперь?
Она не величайшей из потерь,
Конечно, стала – и тоски копьё
Взъярится ли? Бессильно остриё...
Поль Элюар, мечтатель и поэт!
Рассеянный и сумеречный свет
Исходит ныне от него...
– К чему ж
Сей любящий, но неизменный муж?

– А помнишь, Гала, сонный Клавадель⁴ –
Бал-маскарад, прогулки и постель,
Горячую от одиноких грёз
И оттого, что жёг туберкулёз?
Спасались вместе! Горная зима,
Записочки, сводящие с ума,
Прогулки целомудренные – и
Свет непреклонной и большой любви...
Ты помнишь, Гала? Ты ещё была
Такой наивной! Память тяжела?..

– Да, лучше позабыть, не вспоминать
И гнать воспоминания, и гнать...
Проклятый, ненаглядный Клавадель!
Лишь впереди, у горизонта, цель...
...Эжен, Елена... Юности подвох...
Эжен, Елена... Это просто вздох...

³ Поль Элюар (Эжен Грендель) – известный французский поэт, первый муж Галы.

⁴ Санаторий в Швейцарских Альпах для лечения туберкулёзных больных.

– А дочь, Сесиль⁵? Она ведь плод любви!
– У Галы материнства нет в крови...

В её душе бушует вешний лёд
И ветер, что отчаянно поёт
У русских рек, великих русских рек!
Но – родина покинута навек...
Забыть, забыть – ребёнка, мужа, мать
И охладеть, и слов не понимать,
Зовущих к прежней жизни... Элюар!
Поль Элюар, наверное, ты стар?
Наверное, ты к Гале охладел?
Нет, молод Поль, горяч – но не у дел.
И трещина незримая прошла,
И выгорела эта страсть дотла...
Лишь впереди, у горизонта, цель!..
Корабль любви – в Кадакесе – на мель...
Эжен, Елена... Юности подвох...
Эжен, Елена... Это просто вздох...

III

1

Гала:

Молчит и смотрит... Что за чёрт!
То невпопад расхохотался –
И, корчась, по земле катался⁶,
То бродит, отрешён и горд.

⁵ Дочь Галы и Поля Элюара. Впоследствии у неё были весьма непростые отношения с матерью.

⁶ Дали впоследствии признавался, что ему в те мгновения вдруг представилась сова, садящаяся на головы присутствующих и испражнявшаяся на них.

Но смотрит!.. Кажется – влюблён.
И всё ж – приблизиться не смеет.
Связать два слова не умеет.
Какой-то... безъязыкий он!

Да что мне! Лишь бы не прилип:
Рисуется, руками машет!
Картины виртуозно мажет,
Однако – неприятный тип...

Дитя... Иль сильно не в себе –
Жеманится, всего боится...
Художнику нужна столица!
А этому... – беда в толпе.

Но если он не что-нибудь,
Должна быть рядом не чужая,
Сомненья страхи разрушая
И подготавливая путь.

В нём – вижу! утверждать берусь! –
Есть положительные свойства...
Но мне – какое беспокойство?! –
В самой себе не разберусь...

Мне жизни хочется иной!..
К чему душе печальной, зрелой
И бедный порт, бесстыдно-белый,
И тяжкий каталонский зной?..

Сальвадор:

Боль – откуда?.. Страх – откуда?..
Сердца яростный накал!..
Я скитался между скал,
Одинок и нем, покуда...

Вот – явилась... Боже мой,
В чём же дело, в чём же дело?
Город милый, город белый,
Ты скрываешься за тьмой...

Нет! Повыше, на скалу
Заманить её – и разом,
Потеряв последний разум,
Вдруг столкнуть в морскую мглу!⁷

День пройдёт, другой... А там –
Вновь за кисти без помехи...
Одинокие утехи...
Или следом – по пятам?! –

С той же ринуться скалы
И башку разбить о камни...
Но спешить, скажи, куда мне?
Эти пальца так милы...

Кисть сжимать – чудесный сон! –
Значит – мир держать в объятьях...
Поль и Гала... Не разъять их...
Или всё же – есть резон?

⁷ Сальвадора преследовало почти мистическое искушение столкнуть невзлюбившую его Галу в море.

Не попробовать ли? Эй!
Не пуститься ль наудачу?
Значу, значу, много значу!
Сальвадор, держись смелей!

IV

1

Снова Гала:

Несказанный зной безветрен.
В сердце страстный, странный сон.
Треугольник равнобедрен?⁸ –
Разомкнётся вскоре он!..

Тяжела моя усталость
И смирению чужда.
Но тобой восторг и жалость
В душу вброшены... – когда?

Ты ребёнок боязливый –
Но прозренья глубоки...
Эти скалы и заливы –
Славы будущей штрихи!

Не могла тебя понять я,
Не хотела – превозмог!
Неумелые объятья –
Поклонения залог.

Отдадимся созерцанью:
Верность морю и лучу

⁸ Поль Элюар – Гала – Сальвадор Дали.

Неподвластна отрицанию, –
Но поверь, я научу!

Научу любви и воле –
Замыкаться в сне своём;
Не мечтай о лучшей доле –
Мы блаженство изопьём!..

Я пришла прославить имя,
Из сомнения воззвать
И полотнами твоими
Целый мир завоевать.

2

Снова Сальвадор:

Мне всё время – не таюсь! –
Хочется расхохотаться.
Я боюсь и тороплюсь
Откровению отдаться...

Ты нарушила настрой
Чуткого воображенья.
Я не тешился игрой –
И нелепые движенья

Отражали мой испуг,
Озлобленье и желанье
Развязаться сразу, вдруг –
На скале, рассветной ранью...

Но безмерно крепла связь,
Что была такой немилой –
И таинственная власть
Наши дни соединила.

Ныне – верящий, любя,
Забывающий сомненья, –
Не представлю без тебя
И секунды вдохновенья.

.
Верь – душа моя чиста,
Говорить могу с тобою⁹.
Не забуду никогда
Знака, данного Судьбою!

Я тебе раскроюсь весь –
Всеми гранями, краями:
Приготовленная смесь,
Разогретая лучами,

Оставалась на окне –
И оса не промахнулась! –
Увязала всё сильней
И маслами захлебнулась.

В смеси странная оса
Долго, долго содержалась.
Я глядел во все глаза –
И борьба в душе свершалась...

Да, решения просты,
Если улыбнётся случай:
Краски сделались густы
И божественно тягучи!

Две зимы в полубреду
Компоненты подбирая,

⁹ Поначалу Галя подозревала, что Дали – копрофаг.

Я терзался, на беду
Явному не доверяя.

Но в кафе, в похожий зной,
Я поймал осу другую –
И помчался с ней домой,
Трепеща и торжествуя!

Жертва кисти отдана –
Разве может быть иначе?
Знай: предвестница она
Встречи августовской нашей –

Пчёлки-Галы... Попросить
Я смогу – она, поверьте,
Сальвадору даст вкусить
Мёда жизни и бессмертья!..¹⁰

3

И снова Галя:

Я люблю тебя. Во имя
Счастья – закляну беду
И дорогами твоими
В несказанное войду.

Я Сесиль, я дочь забуду,
Разорву любую связь,
Сальвадору – чуду, чуду! –
Поклоняясь и молясь.

¹⁰ Дали подробно описывает судьбоносный случай с чудесной осой в книге «50 магических секретов мастерства».

Незабвенной светлой тенью
Понесу немой дозор,
Чтоб о камень заблужденья
Не преткнулся Сальвадор...

2004 – 2005, 2015

ДАНТЕ

Венок сонетов

I

Таинственная россыпь слов
В душе нежданно заблестала,
И дни прошли – и вот настала
Пора покинуть отчий кров.

Пленительной Болоньи зов
Донёсся – и святой, и шалый...
О песня, песня! Но сначала –
Юрист, философ, богослов...

Испить из рога – и потира,
Осилить круговерти скверн –
И горные объять вершины!

Живое многоцветье мира!
Средь горних светов и таверн
Ты свяжешься ли воедино?

II

Ты свяжешься ли воедино,
Великий путь? Вершись отсель!
Сквозь перебранку и сквозь хмель
Науку дружбы дарит Чино,

И Дама лик явила чинно,
Вздымая страсти колыбель...
Ей сердце – избранная цель
Для стрел восторга и кручины.

О Беатриче! Стон и песнь!
Непостижимая болезнь!
Кали – до самой сердцевины!

Та страсть, и новой страсти взлёт –
Сойдётся всё, когда дойдёт
Земная жизнь до половины.

III

Земная жизнь до половины
Дошла, и что же за спиной? –
Настырный гомон и шальной
И обвиненья без причины,

Путь из Флоренции гордынной
В край безотрадный, неродной...
Ты лишь к письму в тиши ночной
Склонишься головой безвинной!

Звучат старинные обеты
И сонмы новых голосов;
Кружатся звёзды и планеты

Над бездной сумрачных лесов...
Земная жизнь до грозной меты
Дошла – и Божьих ждёт весов.

IV

Дошла – и Божьих ждёт весов
На раздорожье жизнь земная...
Повсюду – воссиянья Рая,
Повсюду – бездны мертвецов,

Повсюду – грани вечных строф,
Повсюду – мысль царит живая,
И – боль повсюду ножевая
И хлеб, что горек и суров...

Копя не золото – седины,
Увещевая и пророча,
Владык ты усмиряешь ков...

И – вновь бросаешь взор орлиный:
И видят огненные очи –
Покоя нет в стране отцов.

V

Покоя нет в стране отцов:
И рвут, и режут по живому!
Не прирастай к семье и дому,
Не жди уютных берегов.

Твой путь изгнанника не нов,
Отринь и горечь, и истому,
Приляг, как прежде, на солому –
Ты наг, ты нищ, но без оков!

Летишь в грядущее, в былое...
А ночь нависла над чужбиной
И в душу свой вонзила взгляд.

Летит, возрастает семя злое –
И мир по-прежнему разъят
Враждой мучительной и длинной.

VI

Враждой мучительной и длинной
Давно Италия больна...
Неужто мать всего – война?!
Шаг – до кровавого притина!

Дерутся гвельфы, гибеллины...
Ужель на свете цель одна –
Война без проблеска, без дна –
Одна кровавая стремнина!

Умолкнет этот шум настёрный,
Когда смирится род людской,
Объят монархией всемирной.

Пока же он – глухая глина,
В которой слёзы, кровь и гной...
Больна Италия – повинна!

VII

Больна Италия – повинна
Она сама, греха юдоль.
Взывай! А папа и король
Неумолимы как лавины.

Иные славно блещут вина:
Глотнёшь – и не отступит боль;
И руку протяни, изволь:
Вонзится жало из-под крина...

Земное горе бесконечно,
Круты, обрывисты дороги
И новый горизонт грозов.

Ужель пребудет, ширясь вечно,
Сброд озверевший и убогий –
Орда глупцов и наглецов.

VIII

Орда глупцов и наглецов
Без смысла, без числа, без меры...
Они призвали в мир химеры –
И дверь закрыли на засов.

Они подобны стае псов,
Они как вепри и пантеры...
В них нет ни разума, ни веры...
О, лицемеры меж слепцов!

Возможно ль в мире кроткой ланью
Ступать, когда везде оскал?
Тому, чей дух превыше скал, –

Предать себя за подаянье?!
Вновь за спиной гремит обвал.
Спасенье – в чём? Нужда, изгнанье...

IX

Спасенье – в чём? Нужда, изгнанье
Вперили очи – и коготят.
Нет, невозможен путь назад
И невозможно покаянье!

Зажечь свечу, с бумажной дрянью
На голове – ломать обряд?
Признать, что лжец, что казнокрад?!
За гранью это всё, за гранью...

Уж лучше сразу – через Реку:
Милей Харонова ладья...
О Беатриче, жизнь моя!

Не их, не их – но Божий Суд!
И пусть, проклятые, до веку
У входа грозно стерегут.

X

У входа грозно стерегут –
И алчут духа обнищанья;
И далеко до увенчанья,
А дни и годы вдаль бегут.

Когда постылый сброшен спуд, –
Что расторгенья, обещанья!
Что поношенья, величанья
Освобождённому от пут!

Идёшь ты и гласишь: «Свобода!»,
Идёшь ты, не склонив лица,
Не став бесчестия добычей.

А те... – пусть бесятся у входа,
И пусть пытаются до конца,
Не сломится ль души величье...

XI

Не сломится ль души величье?!
Путь неизбежен, путь один.
Иди – и не страшись пучин
И гнусных демонов двуличья.

О сколь чудовищны отличья!
Но между дьявольских дружин
Тебя проводит Властелин,
Добро и Зло граня, гранича...

Всё тонет в пепле и золе,
Всё стонет, корчась, в жуткой мгле,
Вокруг рыданье, поруганье...

Вот – лёд, страшной, чем полыханье!
Но льётся, не пропав во зле,
Из горних сфер – как бы дыханье...

XII

Из горних сфер – как бы дыханье...
Туда! Ты смог отринуть клеть,
Презреть и золото, и медь,
Презреть безумцев нареканья.

Осилив духа колыханья,
Ты смог в аду не онеметь...
Так было – и так будет впредь:
Везде, всегда – превозмоганье.

Зовут – всё выше – небеса.
И это выдержат глаза!
Мадонна! Рая озаренья!

И, полные несметных чуд,
Встают терцины – грани, звенья...
Италии – бессмертный труд!

XIII

Италии – бессмертный труд!
Пускай мучители не сыты –
У них пощады не проси ты,
Тебе ль бежать огней, остуд?

Всё меньше на земле минут...
Не медли: письма открыты...
Нет, яростные лики Дита
Видений Рая не убьют!

И достославные мужи,
Грядущие из тьмы времён,
Вдаль понесут многостраничье...

А ты на склоне дней скажи:
«Труд – Родине. Семье – поклон.
И жизнь – во славу Беатриче».

XIV

«И жизнь – во славу Беатриче!» –
Ты повторишь. Пусть меркнет день –
Ты на последнюю ступень
Присядь, Её без страха клича...

В каком Она придёт обличье?
Какую уготовит сень? –
«Земная ноша – только тень.
Всё состоялось. Разве нищ я!

Всё предо мной: набат веков
И соловьиный трепет дивный,
Земной любви напев призывный,

Моя небесная Любовь,
Связавшаяся неразрывно
Таинственная россыпь слов...»

XV

Магистрал

Таинственная россыпь слов,
Ты свяжешься ли воедино?
Земная жизнь до половины
Дошла – и Божьих ждёт весов.

Покоя нет в стране отцов:
Враждой мучительной и длинной
Больна Италия – повинна
Орда глупцов и наглецов.

Спасенье – в чём? Нужда, изгнание
У входа грозно стерегут –
Не сломится ль души величье...

Из горних сфер – как бы дыхание:
«Италии – бессмертный труд,
И жизнь – во славу Беатриче!..»

2007 – 2008 (*магистрал*).

2021 – 2022

ПЕРЕВОДЫ

ЕЛИЗАВЕТА КУЛЬМАН: «Я ВИЖУ МИЛЛИОНЫ МИРОВ...»

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Когда-то, давным-давно, жила в Петербурге феноменально одарённая девочка – Елизавета Кульман. Было ей на земле отпущено только семнадцать лет. Она родилась в 1808 году в немецкой семье потомственных офицеров, состоявших на службе в русской армии. Шесть её старших братьев погибли или скончались от ран во время наполеоновских войн. С детства Лизу не оставляло предчувствие раннего ухода – и она торопилась запечатлеть на бумаге свои поэтические грёзы. Уже первые стихи, стихи *десятилетней* поэтессы, достойны пристального внимания исследователей. Они соединили в себе детскую непосредственность восприятия и выражения и недетскую печаль.

Жизнь не баловала девочку. Она рано осталась без отца, сподвижника Румянцева и Суворова, и в наследство получила лишь дворянское звание. И всё же Лиза в стихах благодарила Бога, что не ложится спать голодной и имеет целых два платья. Девочка имела непростой характер – гордый и непреклонный. Она не любила, когда её называли бедной. Она очень хотела помочь семье и думала, что её творения поспособствуют этому. Начальное образование дала ей мать. Лиза была необыкновенно трудолюбива. И мечтала не о роскоши. «Для счастья мне нужны только хлеб и слава», – признавалась она. Она мечтала жить в лачуге, среди сельского сада, и чтобы вместе с ней поселились Гомер, Шекспир, Вергилий, Данте...

Да, детство Лизы прошло среди бедствий и лишений, и всё же она успела изучить одиннадцать языков, свободно говорила на восьми, сочиняла стихи на русском, итальянском, французском и самые значительные, искренние и сильные, посвящённые Богу, природе и родным, на немецком. Стихи, которые удостоил похвалы сам великий Гёте! Поэт, ознакомившись со стихотворениями Кульман, заявил, что она могла бы занять выдающееся место в литературе любой страны. Лестный отзыв принадлежит и Жан-Полю Рихтеру: «Я предчувствую, что эта северная звёздочка рано или поздно принудит нас обратить на неё взоры». Известный знаток греческой литературы Фосс говорил о «Стихотворениях Коринны»: «Эти стихотворения можно почтить мастерским переводом творений какого-нибудь поэта блистательных времён греческой литературы, о котором мы до сих пор не знали: до такой степени писательница умела вникнуть в свой предмет. Нет слова, которое могло бы нас разубедить, что мы читаем творение древности. Трудно понять, как столь молодая девушка могла уже приобрести такие глубокие и обширные познания в искусстве и древности...»

(А ещё Кульман переводила на иностранные языки Ломоносова, Кантемира, Державина, Карамзина, Дмитриева, Батюшкова, драмы Озерова на немецкий язык, оды Анакреона на русский, немецкий, итальянский, французский, латинский и другие языки.)

Музыку на стихи Елизаветы Кульман в разные годы писали многие композиторы. Среди них – великий Роберт Шуман.

В личной библиотеке А.С. Пушкина хранился экземпляр «Пиитических опытов» Елизаветы Кульман. У Пушкина была и книга о Елизавете Кульман вы-

дающегося, но, к сожалению, ныне почти забытого учёного, историка литературы, мемуариста, цензора Александра Васильевича Никитенко (кстати сказать, уроженца Острогожска).

Не зря друг Пушкина, поэт, декабрист Вильгельм Кюхельбекер, находившийся в одиночной камере в Свеаборгской крепости и прочитавший первую биографию Кульман, составленную Никитенко, в 1835 году так написал в дневнике: «Елисавета Кульман – что за необыкновенное восхитительное существо! – Стихи её лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке, но сама она ещё не в пример лучше своих стихов... Не оставлю и я без приношения священной, девственной тени Элизы! Как жаль, что я её не знал! Нет сомнения, что я в неё бы влюбился... Сколько дарований, сколько души, какое воображение...» А позже родилось стихотворение, посвящённое юной поэтессе...

А эти лестные слова о Кульман: «благородная, прекрасная душа», «горячее... сердце, бывшееся... для одного великого, изящного», «редкое, дивное явление нравственного мира», – принадлежат не кому-нибудь, а – Белинскому.

В последние годы жизни девушке покровительствовала царская семья. Бытует мнение, что статуя ангела на Александровской колонне представляет собой скульптурный портрет Елизаветы Кульман. (Елизавета Алексеевна, супруга Александра Первого, очень любила стихи своей гениальной тёзки.) Простудившись во время знаменитого наводнения 1824 года, позднее описанного А.С. Пушкиным в гениальной поэме «Медный всадник», Лиза заболела чахоткой, которая на следующий год унесла её в могилу. Смерти она не боялась – боялась забвения. И очень горевала,

что ничего не успеет сделать. Доктор, лечивший её, отказался от денег, а священник признался, что никогда не видел такой твёрдости духа в умирающих...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ¹

Весна живит долины,
Живит и царство гор,
И сладкий соловьиный
Повсюду слышен хор.

Всё выше всходит солнце
На синий небосвод,
И радостно смеётся,
И счастье в мир несёт.

Спешат овечки, дети
На свежие луга;
Зрит старец игры эти,
И дремлет он слегка.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

Неисчислимый мир цветов
На землю осенью ложится,
Но, пробудясь от зимних снов,
Опять лучится и кружится,
Садится в море солнце вновь,
И жаворонка песнь вершится;
Но нет, никто в последний час
От смерти не избавит нас.

¹ Подстрочный перевод с немецкого языка стихотворений Кульман выполнен Тамарой Григорьевной Корецкой и Любовью Евгеньевной Кравченко.

ЖЕЛАНЬЯ ДЕВОЧКИ

Судьба

В хорошем настроении
Сегодня пребываю:
Скажи свои желанья,
И тотчас их исполню.

Девочка

Твоим расположением
Не злоупотребляю:
Ведь мне нужны для счастья
Лишь только хлеб и слава.

1819

ВОРОН

Я словно уголь чёрен,
Меня все гонят прочь!
Но, видя моё горе,
Мне Бог спешит помочь.

Жду милости Его я –
И он даёт еду
И дерево большое,
Где ночь я проведу.

1819

МЕНЯ ЗОВЁШЬ – БЕДНЯЖКОЙ

Меня зовёшь – бедняжкой,
Но как ошибся ты!
Полюбопытствуй, вырвись
Из сонной темноты.

Глянь на мою избушку,
Ей худо, но постой:
Родился день – и крыша
Вдруг стала золотой!

Когда же солнце сонно
Садится в бездну вод,
Взгляни: моё окошко
Топазами цветёт!

1819

УТЕШЕНИЕ

Смеясь над струнами моими,
Ты, Гордость, смотришь свысока?
Но не поспеть тебе за ними,
Ты позади, ты далека!

Умрёшь ты – о тебе, пустая,
И вспомнить не посмеют вдруг;
Меня же Смерть возвысит, знаю,
Я стану в лучезарный круг!

И к песням припадёт небесным
Страдалец бедный здесь и там,
И на пиру они чудесном
Блаженство принесут сердцам!

БАБОЧКА

Будь веселей, девчушка!
Смотри на мой полёт:
Пока играет солнце,
Порхаю без забот.

Зима нагрянет скоро,
Одетая во льды:
Я сгину; и, девчушка,
Измучаешься ты.

Давай, веселье множа,
Порхать и здесь, и там;
Грядёт лихое время,
Где нет пощады нам.

1819

К ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЕЗДЕ

Из всей небесной свиты
Милее мне всегда
Ты, украшеньё неба,
Счастливая Звезда!

Всех ярче твой сияет
Венец, и потому
Все бриллианты мира
Завидуют ему.

Ты – с неизменно ясной
Улыбкой молодой,
И не гнетут заботы
Твой царственный покой.

Не так – Луна и Солнце:
Им часто тяжело,
И вот опять навстречу
Им тучи понесло.

Ты ж выскользнешь со смехом
И явишь в тот же миг
Нам, на Земле живущим,
Свой прежний светлый лик.

1819

К ПАУТИНКЕ

Не бойся, Паутинка,
Не трону твой покой,
Лишь посмотрю немножко
На лик узорный твой.

Барометры откуда
Прибудут беднякам?
Ты ж солнце или ветер
Предсказываешь нам.

Твои всё вьются нити
Одна к другой, и что ж? –
Ты, несмотря на Осень,
Привет от Солнца шлешь.

1819

ГРИБЫ

Нет, не могу забыть я,
Оставить в стороне
Вас, что зимой студёной
Дарили радость мне!

Вы столь разнообразны
Всегда, дары земли,
И, к трапезе являясь,
Так сильно нас влекли!

О, никогда, Грибочки,
Я мимо не пройду!
Вы дарите добро мне
И вечно на виду.

Как радуюсь, родные,
Когда среди болот
Вас, спрятавшихся хитро,
Мой верный взор найдёт!

1819

БРУСНИКА

О как взглянуть приятно:
Вот шарик, ярко-ал,
На серой мхов постели
Внезапно заиграл.

«Откуда он? – с улыбкой
Все задают вопрос:
– Не утренней зари ли
Он алость вдруг унёс?»

1819

К РУЧЬЮ

Ручей, о, не завидуй
Стремительной Реке,
Что ветреной девицей
Шумит невдалеке.

В твоей воде прозрачной
Зрим камешек любой,
Тебя пастух и воин
Не минут стороной.

Река же мрачно, дико,
Ярсь, всё рвётся в путь,
В любое время года
Со дна вздымая муть.

1819

КОРОВА

Берёшь перо, девчушка,
И пишешь целый день;
Её тебе, наверно,
Упомянуть не лень? –

О, не меня ль ты в детстве
Поила молоком?
Его пью вечерами
И спать иду потом.

Я тех не забываю,
Кто сделал мне добро:
Выводит в подтвержденье
Стихи моё перо.

1819

К ЦВЕТАМ МОЕГО САДА

Цветочки мои, спите
Под пеленой снегов,
Пока вас не разбудит
Весны нежнейший зов.

Зима всевластна ныне:
И хоть она мила,
Но всё-таки вас вьюгой
Упрямо занесла.

Любимые, так спите
Под пеленой снегов,
Пока вас не разбудит
Весны нежнейший зов.

1819

ЧИЖИК

Дитя, мы в царстве мая;
Брось книгу и тетрадь;
Иди ко мне, родная,
На воле распевать.

Прими соревнованье
В весёлый, светлый час,
И пусть решит собранье,
Кто лучше пел из нас.

1819

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ – ЮЖНЫМ СТРАНАМ

Давно ли примеряли
Одежды вы мои!
Но у меня есть дети
И в северной дали!

Их если не утешу
На несколько минут,
Они зимой суровой
От холода умрут.

Они стоят у хижин,
Одетых в снег и лёд,
И ждут нетерпеливо,
Пока не рассветёт.

Они ликуют громко,
Приветствуя мой бег,
Грустят, когда уходит
Мой золотой ковчег.

1820

СТРАСТЬ К СТРАНСТВИЯМ

Была бы я мальчишкой,
То весело взяла
Дорожный посох в руки
И странствовать пошла.

Я стала б неустанно
Исследовать миры –
Старинные чертоги,
Кочевников шатры.

Моря, пустыни, горы,
Озёра, острова,
Вулканы, водопады
Минула бы едва.

И Нил, и Ганг тогда бы
Порадовали глаз,
Через пески, чащобы
К истокам добралась.

По собственной бы воле
Ловила вновь и вновь
Полярное сиянье
С Гренландских берегов.

1820

К ПОЭЗИИ

Священная, доньне
Ты вдаль меня вела:
К чему ж твердишь печально
Про чуждые дела?

Таинственное Эхо,
Камознс, Мильгон, Тасс
Тебе служили свято,
С бедой, как я, сроднясь;

Тебе хранили верность
Их мысли и дела,
Я ж ради позолоты
Ужель бы предала?

Мужчине две дороги
Украстить славой грудь,
А женщине же слабой
Открыт один лишь путь.

Тебе верна, как Солнцу,
Глядит оно доколь
В глаза мои живые
Сквозь грусть, нужду и боль!

1822

СЛАВА ПОЭТА

Собор ли, обелиск ли,
И кряж, что так высок,
И тени их являют
Объемлющий поток.

В потоке мира явлен
Великий Человек,
Ему в зените славы –
Лишь облаков разбег.

Так блещет величаво,
Отринув ночи мрак,
Альпийская вершина,
Вся в солнечных лучах.

И что от человека
Останется, взгляни,
Хоть он венец Природы, –
Герои лишь одни.

Возвысятся – не только
Мечу благодаря;
Поэт, мыслитель тоже,
Венец несёт не зря.

Вот так и метеоры
На мир взирают сей,
Им кажется из бездны,
Что человек – пигмей.

И хоть тому, что в мире,
Не изменить цены,
Всё больше тех, кто ныне,
Как Боги, почтены.

1822

К НОЧИ

Ночь, здравствуй! Для кого-то
Ты ужасов страна,
Но смысла и доверья
Ты для меня полна!

Я вижу миллионы
Миров; зовут: идём!
Господний добрый разум
Является во всём.

За глубину прозрений
Благодарю, о Ночь.
Величие земное
Так просто превозмочь!

Я золота не жажду,
Как многие, дрожа;
Иной приемлет жребий
Смиренная душа.

Чудесные раздумья
В уединеньи ты
Являешь мне: величье
Здесь, в царстве Темноты.

1822

НЕБЕСНОЕ УТЕШЕНИЕ

Как жизнь моя печальна!
Мать одолел недуг.
Спаси меня, о Боже,
Если ослабнет дух!

Что вижу! Дни за днями
Не светит Солнце нам,
Оно пурпурно блещет
Там, на Востоке, там!

Когда в разгаре лета
Я видела закат,
Какой блаженной силой
Был сердца мир объят!

Бывает, гибнет сердце,
Но вот, как добрый друг,
Протянет руку Небо –
И боль утихнет вдруг.

1822

ШТОРМ НА МОРЕ

К вечернему пределу
Склонился день, тяжёл.
Капернаум покинув,
На судно Он взошёл.

Сокрылся брег, и волны
Разбушевались вмиг;
И предостереженьё
Шло грозное от них:

Вот в середину судна
Ударила волна,
И стала, пенясь яро,
Его швырять она.

Безмерно утомлённый
Спаситель крепко спал,

А судно силой ветра
Несло на гребни скал.

Его тут разбудили
Ученики, страшась:
«О! Неужели правда
Нас гибель ждёт сейчас?»

И Он тогда поднялся
И тихо приказал:
«Замрите, ветер, волны!»
И стих ужасный шквал.

И к ним Он обратился:
«Что мечетесь, вина?
Где ваша вера? Разве
Здесь не было Меня?»

И удивлялся каждый
Превыше всяких сил:
«Кто Он, Который бурю
И море усмирил?»

1822

МИЛОСТЬ К ЗЛОДЕЮ

И вот, близ Иисуса
Злодеев – старика
И юношу распяли,
И смерть была близка.

Старик с насмешкой молвил:
«О, если это Ты
Тот Самый, Всемогущий,
Спаси нас от беды!»

Но рассердился юный,
Корит седого он:
«Ты Бога не боишься,
Хоть и приговорён.

Мы это заслужили,
Мы оба не светлы,
Но Он-то не виновен,
Достоин Он хвалы».

И молится смиренно,
И катится слеза:
«Меня, о Боже, вспомни,
Взойдя на небеса!»

И говорит Спаситель,
Смягчая муки край:
«Со Мной ты ныне должен
Узреть Господний рай!»

1822

ВИФЛЕЕМ

Зачем одели землю
Вы в мраморный наряд,
И стены, и колонны
Зачем везде стоят,

Где родила Мария
Мою Святыню и
Где так благоговейно
Склонялись пастухи?

Ещё дороже стало б
То место для меня:
Воскликнула б: «О Дева!
Святыня здесь моя!»

С горючими слезами
Всё б целовала тут, –
И вот, земля уходит
И ангелы поют;

Заслушалась бы тихо
Того, Кто Весь – Хвала,
И попросить решилась,
Чтоб грудь была светла.

Зачем одели землю
Вы в мрамор стен, колонн,
Где радости и беды
Всех раньше слышит Он?

1822

ШУТКИ ГОМЕРА И МИЛЬТОНА

Доколе зависть будет
Хулить богов земных?
Когда чернить забудет
Чертог пресветлый их?

«Под старость слабы стали
И Мильтон, и Гомер;
Прекрасен был в начале
Их дар, в конце же – сер».

Смотрю, стремясь к их миру,
Я из земной ночи
И ввысь лечу, к эфиру,
В безмерные лучи;

Но нет преград меж нами,
И мой прикован взор,
Когда объемлет пламя
Полусожжённый бор.

Смотрю, дивясь, на море,
Когда, на утре дня,
Оно, с берегами споря, –
Мир мощи и огня;

Но ещё больше рада
Бродить по суше здесь,
Смотря, как в час заката
Играет край небес.

ВАШИНГТОН

Не ты ль разбил оковы,
Поборник светлых сил,
И мир провидел новый,
И всех объединил.

Оковы были сняты,
Но не сдавался мрак;
«Ты щит от супостата!» –
Взывала совесть так.

«Веди нас! – неустанно
Войска держали речь. –

До воли-океана
Не опускай свой меч!»

Законов чтя всевластье,
Ты утверждаешь связь,
И Родине ты счастье
Приносишь, возвратясь.

ЛЕБЕДИНЫЙ ПЛЕН

Как тяжко, тяжко это –
Порвётся жизни нить!
Здесь были только беды,
За всё пришлось платить.

О если бы могла я
Помедлить! Но меж волн
Смерть, ласково кивая,
Зовёт в свой грозный чёлн.

ГОЛОС ДУХА

Садись в ладью спокойно,
Нет тише той ладьи!
И сбудутся достойно
Желания твои.

Грядущее рассудит,
Не канешь ты во тьму;
Искусство не забудет
Тех, кто служил ему.

Был каждый света полон
И радости живой;
И все попали в полон
Пучины гробовой.

Но доле величавой
Могила – не конец;
Тебя украсит славы
Сияющий венец.

К ПРИРОДЕ

Природа, мать Вселенной,
Ты жизнь струишь вокруг,
Всё мёртвое включая
В свой неизбывный круг!

Я слышу дуновенье
И близкой смерти бег;
Скажи: когда умру я,
Исчезну ли навек?

Дух бодрым оставался
И был творить готов,
И сердце откликалось
На дружественный зов,

Страданья разделяя
И полня счастья миг...
Когда умру, что, молви,
Останется от них?

Цветы, деревья осень
Мертвит, но наяву
Опять они вздымают
Цветущую главу.

Вот бабочка, посмотришь,
Затвор крепчайший рвёт

И радостно стремится
В свой золотой полёт...

Здесь кроется разгадка:
Пусть гибнет плоть, спеша, –
К Божественному Свету
Льнёт радостно душа!

1825

СЛАВЯНСКАЯ ГРОЗДЬ (Часть II)

ИЗ БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ

ЯНКА ЛУЧИНА
(1851 – 1897)

ПОГУДКА

С песенками, мои братья, робко перед вами
Доброй волей появляюсь... Песнями, слезами
Складывалось постепенно то, что на бумаге
С доброй верою писалось, в мысленной отваге.
А забавы с этих песен хоть немного будет?..
Люди-братья пусть по-братски мои песни судят.
Вот вязаночка набралась в дар любимой братье
Средь лесов, полей и речек кстати иль некстати.
Не корыстно собиралась по былинке малой,
Попросту, как собирают травы в день Купалы.
Не во вред руке рабочей минутка веселья.
Я старался остеречься пагубного зелья,
Удалось ли это дело?.. иль то зелье знаю?
Пригодится ль невеликий дар родному краю?
Мысли эти мучат душу у вашего брата,
Коль виновен – извините!..
Чем хата богата!..

СЕВЕР

Эй ты, север, – не дуй!.. – непотребен ты нам,
Нету хода теплу, не сойти бы с ума...
Хоть бы раз без тебя нарядиться полям,

Хоть бы раз в должный час отступила зима!
Встрепенулся бы дух в человечесьей груди,
Мы забыли бы море печали и слёз...
Стихни, север, хоть раз, по лесам не гуди,
На далёк океан поспеши ты, мороз!

РОДНОЙ СТОРОНКЕ

Ты расстелилась лесами, болотами,
Пашней песчаной, неурожайною,
Матьер-землица, и умолотами
Хлеба нам мерку не дашь случайную.
А сын твой, бедною покрыт сермягою,
Из лыка плетёные лапти обувши,
Едет телегою всё, колымагою –
Конь её тянет, как бы заснувши...
Всё в тебе бедно. Слёзы роняет
Мужик-крестьянин из-за злой доли;
Труд его тяжек, но не желает
Тебя покинуть даже в неволе.
На неприглядную хату с пожитками,
На поле скупое, выгон наш скудный
Мы, укрываючись старыми свитками,
Смотрим с любовью верной и трудной.
Потом кровавым пахарю каждому
Сдобрить землицу, даст Бог, и станется.
Быть славно сытому, хоть не богатому,
А ради праздника чарка нам сварится.
Солнце науки тучи свинцовые
Преодолеет над нашей нивою,
И поколения узнают новые
Добрую долю – долю счастливую!..

ЦЁТКА
(1876 – 1916)

С НОВЫМ ГОДОМ

Новый год! Ты на подходе.
Что нам, братец, принесёшь?
Что посеешь ты в народе?
Что на нивах ты пожнёшь?

Иль развяжешь наши пути
И лихой умеришь пыл?
Иль придёшь такой же лютый,
Как предшественник твой был?

Иль разгонишь тучи-хмары,
Слёзы нежно оботрёшь?
Иль раскинешь злые чары –
В сны глухие позовёшь?

БУРЯ ИДЁТ

Вновь нависли тучи, люты,
Вновь туманы небо кроют;
Вновь по свету бродят смуты,
Вновь лихие вихри воют.

Вновь находит непогода,
Вновь проходят грозы рядом;
Вновь шалее вся природа, –
Вновь засыплет свежим градом.

НЕБЫВАЛЫЕ ЧАСЫ

И песни затихли, и смеха не видно,
И дети все старыми стали,

И ноты весёлые брать уже стыдно, –
Радости струны порвали.
И краски артистов смутно рисуют,
И светлые сны не бродят,
И всюду печаль с печалью рифмуют,
И кровью сердца исходят...

* * *

Сиротина слёзы льёт –
Небо взоры мечет.
Сам Бог силы ей пошлёт,
Смелостью излечит.

Хоть и камень, хоть и сталь –
Всё прожгут слезины,
Ведь великая печаль
В плаче сиротины.

АРТИСТ ГРАЙКА

Скрипка пляшет, скрипка скачет,
Музыкант нам в души плачет:
Стиснет струны, смычком жажнет –
И народ от боли ахнет.
Очи светятся слезою,
Струны стонут под рукою,
Музыкант со скрипкой слился
И, как ветер, в небо взвился.
Весь он в песне, весь в ней тонет –
То смеётся, то застонет,
То людей он всех обнимет,
То отступит – камень кинет.
По вершинам горным скачет,
На скале сидит и плачет,

Через миг – уже у моря,
Весь из молний, на просторе
Блещет, гаснет, меркнет, млеет.
Пламя стихло – искра тлеет.
Вот смычок остановился, –
Словно змей, он в скрипку впился.
Что споёт он, что сыграет –
Музыкант один лишь знает.

В ДОРОГУ!

За моря и океаны
Полечу в далёкий край,
Ведь люблю я ураганы,
Ведь я в буре вижу рай;
Ведь по диким гривам-волнам
Моим думам легче плыть;
Ведь среди дикой, страшной бури
Мне о песне не забыть;
Ведь я только на просторах
Звонкой лирой полню слух;
Ведь среди дикой, страшной бури
Крепнет мой свободный дух.

ЯНКА КУПАЛА

(1882 – 1942)

ТУЧИ И ДУМЫ

Чёрные тучи по небу плывут,
Чёрные думы заснуть не дают:

Тучи над крышей, а те – над душой.
Рады они всё притиснуть собой.

Валится с туч то огонь, то вода, –
Чёрные думы скликает беда;

Так и воюет бедняк-человек
С тучами, с думами целый свой век.

РЕЧКА

Меж гор – долиной – за деревню,
Не озираючись в тоске,
Судьбой не выхваляясь древней,
Бежишь ты, речка, налегке.

Катаешь камешек и снова
Травинку водную трясёшь,
Кольшешь корешок ольховый,
Цветочек поверху несёшь.

Уйдя под лёд, ты дремлешь вроде,
Но катишься... А вешним днём
Глядишь глазами половодья
И вновь идёшь своим путём.

Несётся вешняя водица,
Моя стремится дума вслед, –
То рвётся вдаль, то вновь боится...
И мил, и страшен белый свет!

А речка шепчет мне, не споря:
«О доле хочешь знать моей?
Я – капля в море; только море
Моё от дум твоих светлей!..»

ЯКУБ КОЛАС
(1882 – 1956)

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Голосом мощи, тихо и важно,
Гром прокатился с небес.
Луг отозвался грому протяжно,
Старый откликнулся лес.

Сад встрепенулся, дрогнуло поле,
Долы тот гул понесли.
В этом раскате чувствуется воля,
Чувствуется радость земли.

В грохоте этом много есть силы,
Чувствуется мощь и простор...
Первые громы! Сердцу вы милы,
Люб мне ваш смех промеж гор.

Сердцу приятен гомон далёкий,
Отзвук весёлый и шум.
Гром ты могучий, гром одинокий!
Сколько рождаешь ты дум!

Мощно меня ты кличешь на волю –
Тяжко без воли родной.
Кланяйся, слышишь, милому полю,
Милой летя стороной!

РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Тихо в поле, тихо в лесе,
Не прошепчет ветерок,
Только где-то в поднебесье
Льётся звонкий голосок.

Как серебряный звоночек,
Ладит он за трелью трель...
Призадумался садочек,
Не шелóхнется и ель.

На востоке блеск огнистый
Литым золотом дрожит,
Столп высокий и лучистый
Ровным пламенем горит.

Тонких тучек волоконца
Стали радостно в рядок:
Словно вьют они для солнца,
Вьют из прядок свой венок...

Тихо в поле, тихо в лесе,
Чуть бормочет ручеёк,
А высоко в поднебесье
Льётся звонкий голосок.

ЛЕС

Глухо шепчет лес зелёный,
И шумит он, и шумит,
Гомон долгий и бездонный
Целый день над ним стоит.

Перепутаны бесчинно
Ветви все – в шалаш живой.
Лес! О чём шумят вершины?
Лес! Что шепчешь, вековой?

Только лес гудит-рокочет
Тёмной шапкою вершин,

Только лес сказать не хочет
То, что ведаёт один...

НА РАСПУТЬЯХ

Ты скажи мне, тьма глухая:
Долго будешь ты лежать?
Долго будет думка злая
Сердце болью колыхать?

Не шуми ты, лес высокий,
Нудных песен не слагай,
Дней счастливых, дней далёких
Ты мне, лес, не поминай.

Не видать моей дороги –
Горы, лес, болота, грязь...
Сколько смуты и тревоги
В этот тяжкий, тёмный час!

Где ж, дорога ты другая?
Я стою один, один,
Ночь вокруг лежит глухая...
Или свет сошёлся в клин?

Так скажи мне, тьма глухая:
Долго будешь ты лежать?
Долго будет думка злая
Сердце болью колыхать?

НЕ ПЫТАЙТЕ, НЕ ПРОСИТЕ

Не пытайте, не просите
Светлых песен у меня:
Запою – вам не удастся
Без тоски прожить и дня.

Я б смеялся, наслаждался –
Жаль для вас веселья, что ль?
Да на жизнь едва посмотришь –
И вопьётся в сердце боль.

Неприкаянная доля
Ничего нам не дала.
И цветов не видно в поле:
Не весна, а тьма пришла.

МЕСЯЦ

Тихо месяц одинокий
Ходит в небе над землёю.
Неприкаянный, далёкий,
Что ты видишь под собою?

Видишь слёзы ты людские,
Как они с тоскою льются,
А в тумане думы злые
Горьким плачем отдаются;

Как без воли и без хлеба
Трудовой народ наш гнётся...
Кинь тоску ты нашу в небо –
Пускай небо всколыхнётся!

К ТРУДУ!

Друзья! Великая дорога
Взыскует нас и отчий край.
Страда пришла, работы много, –
Науки семя – засевай!

Несите свет – во мраке дремлет
Наш край, неся ярмо забот...
Так пусть воспрянут наши земли
И человек пусть расцветёт!

Да будет труд наш плодотворен! –
Не царский бич, не панский хам, –
Родной народ, могуч, упорен,
Князей себе отыщет сам.

МИХАСЬ ЧАРОТ
(1896 – 1937)

* * *

Сенокосы и пашни оснежены,
Реки выстланы гладким помостом,
Волк из чащи дорогой неезженной
Заявился непрошеным гостем.

В брачном лес одеянии – хмурится,
Не приветствует песенкой ранней.
А в деревне заваяны улицы
И в сугробах купаются сани.

Мрак седой разгулялся под окнами,
Каждой хатке бросается в очи.
Только в полдень, бывает, замолкнет он,
А как вечер – так в стёкла грохочет.

Над узорами сидя морозными,
Дети пишут, ссутуливши плечи:
Горсти полны снежинками-звёздами,
Так их сладко отведают за печью!

Ночью печь вдруг откликнется песенно,
И в тот час ребятишкам приснится,
Что в саду они шумно и весело
Полусонную ловят синицу...

* * *

Тепло и славно. Земля в пожаре.
Дым чёрный вьётся аж до небес.
Кресты. Могилы. Народ в угаре.
Хохочут люди. А слёз не счесть.

Червонно небо. Земля червонна.
Одни боятся червонных кар,
Другие мчатся на церкви звоны.
Богатым – мщенье. Голодным – дар.

Замолкли песни. Шумят дубровы.
Край добрый, вольный оглох, ни зги...
Опять чужие ревут коровы,
А ищут наши их пастухи.

Потухли звёзды. Дым души ранит.
Зови же солнце – приветствуй рань.
Оно засветит. Народ воспрянет.
Смелей к работе. Кошмар, отстань!

КОНДРАТ КРАПИВА

(1896 – 1991)

ГУЛЬБА

Что-то нынче у Агаты
Лампа весело горит!
А людей-то полна хата, –
Вход любому здесь открыт.

На гульбу не понарошку
Собралась деревня вся:
Стёпка тискает гармошку,
Та пищит, как поросся.

А под визги среди хаты
Сами стонут и орут, –
Скачут хлопцы и девчата,
Даром чёботы дерут;

Аж сопят, облившись потом,
Словно нынче сенокос.
Как ударит кто-то ботом, –
Пол пробьёт вот-вот насквозь.

А шагнёт Павлинин Тодар –
Рот разинут настезь все:
До работы парень лодырь,
Тут, как чёрт, – во всей красе.

Сколько девок при параде,
Мужиков, парней и баб!
Тут сынишка, тут и батя,
Тут и внук, и дед неслаб.

Беспризорно лазят дети,
Словно мыши меж слонов.
Им понятно всё на свете –
Кто на что сейчас готов:

Кто дивчину приобнимет,
Кто пониже ущипнёт.
Дети смотрят – перед ними
Срам нигде не ускользнёт.

Гомон, крик стоит великий,
Смех девчат и мужиков,
А то грянет брань и дикий
Град отборных матюков.

Бело-синий, страшно горький,
Лезет в очи, ест до слёз,
Душит горло дым махорки,
Самогон срывает нос.

Вот забава-то для взрослых!
Вот наука для иных:
В самогонке, в плясках пошлых,
В матюках заместо книг.

САМОГОНОЧКА

Пьяная беседа

Я любовь к тебе не прячу,
Самогоночка моя, –
Как увижу, чуть не плачу...
Поцелую дай тебя!
Эх! Приятна ты, не скрою,

Мне ты очень по нутру, –
Распрощаюсь я с тобою
Только ежели помру.
От налога всю-то сдачу
Принесу, отдам тебе...
Что? Не евши детки плачут?
Ну, так что ж – пускай себе.
Нет противиться охоты,
Всё тебе отдать готов –
Одежонку, шапку, боты...
Дай же чмокнемся мы вновь!
Мне сдаётся, что с тобою
Можно дело починать –
Я вечернею порою
Тебя буду привечать.
Что? Смеяться будут люди?
Им на это наплевать.
Иль жена пилить нас будет?
Сможем мы её унять!
Как употчую верёвкой,
Сунув голову меж ног, –
Сразу станет мягче шёлка,
Я ж как трезвый – не дай бог!
Подставляй же губки пылко –
Поцелую ещё раз:
Мы с тобой сегодня, милка,
Целовались целый час!..

НЕКРОЛОГ

*На смерть виленской белорусской газеты
«Наша будущность»*

Задержавшись на свете так мало,
В феврале «Наша будущность» пала.

Хлопотала любую минутку,
Не плясала под панскую дудку,

Не виляла хвостом перед паном,
Помогала рабочим, крестьянам.

Оттого её в возрасте юном
Задушили объятым чугуном.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

(1905 – 1980)

НАСТУПЛЕНИЕ ОСЕНИ

Вот и лето сошло,
И отпели колосья,
Трудно нам замечать,
Как является осень.

Незаметно совсем –
Проплывёт паутинкой,
Глянет жёлтым листком
Под зелёной косынкой.

На просторе речном
Дымкой выплывет сонной,
Потревожит дымком
От картошки печёной.

Зачарует огнём
Вечно юной рябины,
На отлёте крылом
Покачнёт аистиным.

А потом,
А потом
Лист последний уносит...
Отчего, не пойму,
Ты по сердцу мне, осень!

ЮЛИЙ ТАУБИН
(1911–1937)

* * *

Панорамы лесов и болот,
Моховые пейзажи низин...
На все стороны сердце поёт! –
Я и край мой – один на один.

Будь здоров!..
 Полюби свой родной,
Край свой в липовой неге ночей...
Слышишь сердца встревоженный бой?
Видишь жаркое пламя очей?

Я из каменных вышел домов,
Из асфальтовых стёжек и троп.
Я принёс тебе радость-любовь
И в напевах – железный настрой.

Я пришёл на просторы полос
Полюбить и сказать, что я сын
Милых сердцу лесов и болот,
Моховых живописных низин...

* * *

Мой мохнатый Дунай бьёт хвостом у порога,
По завалинке вьётся бокастый горох...
За заборами в даль убегает дорога,
А за далью есть много пригожих дорог.

Среди них есть одна – той раздвоенной тропкой
Я иду с детских лет и несу этот крест...

Буду долго ходить и мечтать неторопко
Под зовущим и чистым простором небес.

Много канет годов... Будет славного много...
Я вернусь отдохнуть от тяжёлых дорог...
Будет снова Дунай бить хвостом у порога
И взбегать на завалинку щедрый горох.

* * *

На улицах – мороз и лунный лик,
И стук колёс – всё знаю хорошо я...
Осыпанный снегами почтовик
Ступает тихо на крыльцо чужое...

Я у окна, задумавшись, приник,
Мороз узоры пишет предо мною...
На улицах – мороз и лунный лик,
И стук колёс – всё знаю хорошо я...

* * *

Вечер... И в городе вечер... Снега посинели...
И дрожит телеграфная сеть...
Только шаги на тёмных, широких панелях
И в ночи не устанут шуметь.

Месяц по небу бродит бескрайне, бесстрашно,
А на улице шум, балаган...
И у ближней от нас трансформаторной башни
Электрический просверк-дуга...

Где-то слышится песня, фабричная песня,
Где-то дышит могучий мотор...
Вечер... И в городе вечер... Над городом месяц...
А за городом снежный простор...

* * *

Доверчивый – совсем не скептик –
Всему я верю, всё ценю...
Как только ночь накинёт кепку,
Ловлю и шум, и тишину...

Мне всё тут любо...
Всё знакомо –
Старинной выделки фасад,
И сад, и тайная истома
Аллей, сплетённых наугад...

Проулков тишь и улиц громы,
Недостижимой сини гладь,
И этот дом, и синий номер
На нём:
16/45.

ВАСИЛЬКИ

Шли по площадям пригожим,
По проспектам городским...
На углу ты всем прохожим
Продавала васильки.

Люди мимо проходили
И не возвращались вновь...
Их сердцам не говорили
Звёзды-очи васильков.

Только я, с душой поэта,
Видел, стоя на углу,
Как роняли те букеты
Лепестки в ночную мглу.

ОТКИНУВ ЗАНАВЕСКУ...

Откинув занавеску,
Слежу сквозь дым и гром
Я за подводой сельской
На камне городском.

Витрины и афиши,
И трубы в высоте...
Здесь воздух дымом дышит,
И дым, и крик везде.

И вот, опережая
Манто все и пальто,
Спокойные трамваи
И дерзкие авто,

Средь уличного сброда,
И в дым, и в пыль, и в зной,
Бежит моя подвода
Брусчаткой городской.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

Всё мгла да мгла – застиляет свет.
Размытый дождями тракт...
С разбитою лютней идёт поэт
Сирано де Бержерак.

Земное прошло, словно дым шальной...
Могила была так темна...
Не угощают поэта давно
Бодрящей бутылкой вина.

Годов кавалькады никто назад
Не может направить бег...
И месяц смеётся, как толстый аббат,
Над торбой поэтовых бед.

Всё мгла да мгла – застиляет свет,
Как смерть оспяной барак...
С разбитою лютней идёт скелет –
Сирано де Бержерак.

Он старое пенье заводит своё,
Ступая на мой порог.
И вот он такую песню поёт
Возле моих ворот:

«Я много изведаль и узнал,
Я жил, как живёт менестрель,
Пока не иссякла моя струна
И в гроб не свела дуэль.

Гонцы из дворца за мной мчались, как шквал,
Я шпагою их колол...
Да, женщин немало красивых я знал,
Но больше – красивых слов.

Я спал сотни лет, под землёй простёрт,
И мне надоел покой...
Я встал и стучусь у твоих ворот
Израненною рукой.

...Пусти, пусти меня, брат поэт,
Я очень устал, хоть и прах,
Так сильно сей изменился свет
И всё потонуло в веках.

Я видел – поэты теперь уже
Не слышат гармонии слов.
Они скрываются от дождей
Трухой канцелярских столов.

Немало наш мир знал пятен и ран,
Но души поэтов цвели,
А тут поэт выполняет план
Своих прозаичных былин.

Пусти, пусти меня, брат поэт,
Я скоро уйти готов...
Покину ужасный, как оспа, свет
И лягу в могилу вновь...

Вот утро сгоняет далёко туман...
Пусти меня, милый – так
Ещё не просил поэт-дуэлянт
Сирано де Бержерак...»

.....

Туман расплывается над землёй,
Ткёт солнце огнистый шнур.
С укором взирают на угол мой
Очи старых гравюр...

У них озорной и привычный взгляд...
На плечике лютня... Что ж! –
Их вырвал из книги два дня назад
Мой безжалостный нож.

Я вызов бросаю и говорю
Соратникам на стене:
«Вы только коллеги мне по перу,
По убеждениям – нет!

Как некогда всё это волновало!..
Май
Минувший мой, ты не придёшь обратно.
Твои пути мне не в ущерб... И даль
Июль мне открывает видный, статный.
С улыбкой тихую смотрю в своё начало...
И всё ж, и всё ж!
«Einmal fër allemal»².

БЛИЗКОМУ

Мне сквозь шум и гомоны столицы,
За широкой далью полевой,
Снова, снова наяву приснится
Так неожиданно близкий образ твой.

Там, вдали, где шорохи и ветры,
Где октябрь ольшаник оголил,
Может, пишешь городским поэтам
Ты письмо, что полно светлых сил.

Жизнь свою рассказываешь вкратце:
«Был пастух... Теперь колхозник, да...
Стих в журнал ваш досылаю, братцы, –
Результат упорного труда».

За моим окном шумит столица.
Друг ты мой! За далью полевой
Много неизвестных вас таится, –
Потому и близок образ твой.

² «Раз и навсегда» – начало шиллеровой трагедии «Коварство и любовь» (примеч. авт.).

Верю, это сбудется, послушай:
Поле песни труд большой пахать...
Но затронешь не одну ты душу,
Дорогой последователь, брат.

Ты услышишь голос мой приветный?
Где-то там, вдали, среди сжатых нив
Октября гуляют, ходят ветры,
По пути ольшаник оголив.

ПИСЬМО

Я.П. Мстиславль, 25.XII.1928.

Морозный вечер палит щёки
У пешеходов молодых...
Простор ночной, простор широкий,
Все краски вычерпав, затих.

Ряд тополиный – блеск ли, мгла ли –
Стоит на страже вековой...
Колокола из дальней дали
Доносят тихий голос свой.

Ещё снуют повсюду люди,
Ещё фонарь ночной не гас,
Но уже скоро, скоро будет
Владеть землёй полночный час.

На перекрёстках слышу разных
Слабеющий далёкий звон,
И шалый ветер неотвязный
Дурит, и снег бросает он.

Навстречу некто – вот приятно! –
И церемонии все вновь:
Он что-то мне мычит невнятно,
А, видно, выругать готов.

И вот такой дохнуло прозой,
Что мрут от этой кутерьмы
И чары пьяного мороза,
И хмель прелестнейшей зимы.

И вот ещё свершилась песня.
Я одного б сейчас хотел:
Чтобы в далёкое Полесье
Мой зов приветный долетел.

ТЫ ПОМНИШЬ

Дм. Астапенко

Ты помнишь, помнишь, друг мой милый,
Былую ночь и тот настрой,
Что властвовал с единой силой
И над тобой, и надо мной...

Дрожали провода и пели,
И месяц грезил в полусне,
И линии собора млели,
Так чётко млели в вышине.

Чуть слышно шелестели листья,
Сребрились звёзды, ткали нить...
В ту ночь с тобою поклялись мы
Жить и любить...

Любить и жить.

И жили мы... И мы любили...
Несли мы жажду и любовь...
Мгновенья детских снов-идиллий
В сердца не возвратятся вновь...

Судьба вести нас дальше станет,
Надарит новых песен-дум,
И крепкой зрелости желанья
Уже печать на нас кладут.

Но не вернётся то, что было, –
Ни наша ночь, ни тот настрой,
Что властвовал с единой силой
И над тобой, и надо мной.

МАКСИМ ТАНК

(1912 – 1995)

ПРИТЧА О ХЛЕБЕ

На ярмарку издалека
Шёл Странник, шёл полями
И тяжесть проклинал мешка,
Набитого ломтями.

Аж Хлеб не выдержал и так
Ответил: «Что бедуешь?
Совсем не ты меня, чужак,
Но сам тебя несущий я...»

«Ну, что ж, увидим: кто кого!» –
Тот заперечил строго,
И из мешка он своего
Хлеб вытряс на дорогу.

Пошёл он дальше по земле.
Ничто не давит плечи.
И минул день. И, весь во мгле,
Стал приближаться вечер.

И час перекусить настал.
Припомнил Хлеб свой Странник,
Что где-то, кинутый, лежал –
Душистый, сытный праздник.

На дёрн прилёг он в стороне,
Чтоб отдохнуть немножко, –
Но, зная, голодному во сне
Явились Хлеба крошки.

Теперь и сам себе не рад;
Не спится, не ложится:
А не вернуться ли назад
И с Хлебом помириться?

Встал глупый Странник – и в беде
Бредёт под звёздным небом
На место памятное, где
Поссорился он с Хлебом.

Как был он рад, когда в пыли
Нашёл свою утрату! –
И Хлебу низкий, до земли,
Поклон принёс, как брату.

КАБЫ ВЕДАЛИ

Растёт на высоком кургане сосна,
Кабы ведали;
Дол оплела корнями до дна,
Кабы ведали;
Вершиною зóри качает она,
Кабы ведали,
Под ветром звенит, как тугая струна,
Кабы ведали:
Мамки –
Где спят дети соколы сном;
Ветры –
Где петь голосистым смычком;
Звёзды –
Где им осыпаться дождём;
Птицы пролётные –
Милый свой дом...

* * *

Заблуждаются те,
Кто всё ещё верит,
Будто
Протяжённость дня и ночи
Подчиняется
Астрономическим числам.
И я так думал,
Пока не услышал однажды,
Как, возвращаясь с поля,
Пели наши девчата:
«А я день укорочу
И к ночи приторочу...»

Боже!
Какие это были девчата!
Каждая
Не только могла
И день укоротить,
И ночь продолжить,
Но и осчастливить
На всю жизнь.

ПИГМАЛИОН

Да, счастлив ты, что можешь Галатею
Из мрамора создать, Пигмалион!
Я пред её красотами немею,
И мне сдаётся, что всё это – сон...

Не сон!
Ты жди!
Ещё резцом пройду я,
Струю волос расправлю и взовью,
И ты увидишь наяву – живую...
Смотри! Тунику сбросила свою.

ПИМЕН ПАНЧЕНКО

(1917 – 1995)

НА ПОЛЕСЬЕ ОСЕНЬ...

На Полесье осень...
Гуси белые
Выщипали сладкую траву.
И ветра, от стужи ошалелые,
То печально свищут,
То ревут.

Смех с цветами,
Вы куда же делися?
Поглядишь – стога, стога, стога.
Чем же ты теперь со мной поделишься,
Припять, погрустневшая река?

Лист пожухлый ты к плащу приколешь?
Иль на миг вернёшь из прежних дней
Ленточку зари,
Рассветный колер
Аистов, туманов, тополей?

А сама замкнёшься в стынь сурово,
Лето уложив стогами спать.
Будет конь во сне луга медовые
Видеть и, как человек, вздыхать.

ТОЛЬКО ГОЛОС

Небо журавлиное, холодное,
Тёмная и влажная земля.
Птица ты болотная, отлётная!
Видели вы близко журавля?

Может, славно, что не видели, намокшего
И смешного... Тяжек быт и хмур...
Только небо да курлыканье немолчное,
Только очи, только голос да лазурь.

СТОЯЛА ТУЧА

Стояла туча в долгой дрёме
Над житом спелым.
От первого удара грома
Аж почернела.

Гром покачнул её, и стронул,
И двинул жито.
Повеяло тяжёлым, сонным
И пережитым.

С тобой бродил, рассвет встречая...
Теперь из сосен
Смотрю, как молния чужая
Дождь белый косит.

ЛЕОНИД ГАВРИЛОВ

(1918 – 1941)

* * *

Лишь румяное солнце всплывёт меж ветвей,
Разливая по саду туман-молочай,
Я пройду по росистой, холодной траве
Прямо к лесу, где липы в раздумье молчат.

Я пройду поутру по росистой траве
Там, где липы в раздумье и ждут, и молчат;
Ветер песню поднимет звучней и живей,
И подхватит, поддержит её соловей, –
И все всплески воскресного дня зазвучат,
Лишь румяное солнце всплывёт меж ветвей.

* * *

Я назвал сегодня вишню милой
И её листок поцеловал,
Ведь под ней с такой лиричной силой
Посидеть зовёт меня трава;
Ведь она меня, как песнь, носила
В вышину – аж кругом голова;
Меня песней чуткой напоила,
Что любимый голос распевал;
Ведь под ней уста подружки милой
Я открыто вдруг поцеловал.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Не скажу: заря мерцала, тлела,
Забияка-месяц мне грозил,
Звёзды искрами кололи моё тело,
Изо всех его кололи сил;

Не скажу: над речкой стлался млечно
Светлокудрый, ласковый туман, –
То меня дурманила, конечно,
Ты, моя любимая, сама.

ЖУРАВЛИ

Нет минуты тихой и пустынной
Средь хлопот и вьедливых тревог.
Лишь напев услышу журавлиный,
Вспоминаю всё, что не сберёг.

Встречи были – часты, многозвонны,
Сколько чувств напрасно я сгубил!
Но так глубоко и умилённо
Никогда ещё я не любил.

Прошное по свету разметалось,
Потонуло в омутах тоски.
Но сегодня ясно показалось –
Те веселья вежи высоки.

И на миг бывшее с приговором
Из последних отшатнулось сил,
Когда журавлиный клин с укором
Душу обнажённую пронзил.

АЛЕКСЕЙ КОРШАК
(1920 – 1945)

РАССТРЕЛ

Под росой изобильной
Лес дубовый продрог.
Золотой звёздной пылью
Неба устлан чертог.

Верб седых полукружье...
Путь мне не поменять.
Молчаливые ружья
Провожают меня.

Ветви дрогнули странно,
Шепчет лист о своём.
Ноют чёрные раны
На всём теле моём.

Ласка их не коснулась,
Не омыла роса.
Три холодных, три дула
Не отводят глаза.

Звёзды тонут на взлесье.
Ночь уходит, и вот
Небо, полное песен,
Надо мною встаёт.

Мне в него не взглядеться
Наяву и во сне,
Ведь пятнадцать пуль в сердце
Наготовлено мне.

Ой вы, вербы, сосёнки,
Звёзд попевших семья!..
С вами нынче на зорьке
Распрощаюся я.

Утро выстрелы ранят,
Брызнет кровью заря,
Я свалюсь, рухну в яму,
Словно дуб, рухну я.

И курган мощно встанет.
И тогда надо мной
Закрасуется станом
Крепкий дуб молодой.

Дни настанут иные,
Соберётся семья.
Поздоровуюсь с ними,
Этот дуб-то ведь я.

Кто-то в песне бескрайней
Назовёт меня там...
Вот земля, вот родная...
Так стреляйте! Я знаю –
Не убить меня вам.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Кленовое посланье из далі...
И вот, пыланья полон золотого,
У ног моих коснулся он земли –
Осенний лист, последний лист кленовый.

Кленовый лист, последний этот лист,
Помятый лист на память лёг в ладони.

И пусть звучит безумный ветра свист –
Я сохранию тот лист в душе и в доме.

И голос песни будет свеж и чист,
Такому следу в сердце не стереться.
Живи, осенний лист, кленовый лист,
Живи же в песне, в памяти и в сердце!

Весна промоет высь до синевы,
И всё здесь засмеётся, расцветая,
И с ветки памяти, из той листвы
Ты упадёшь, как грусть моя былая.

Из сердца ты исчезнешь без следа,
Убранством жизнь украсится зелёным,
И только в песне будешь ты всегда
Вершиться золотым осенним звоном.

ИЗ ЧЕРНОГОРСКОЙ ПОЭЗИИ

ПЁТР II ПЕТРОВИЧ НЕГОШ *(1813 – 1851)*

* * *

Для любимого народа
Серб трудился год из года.
В Сербии поля родные
Семена бросал живые.
Дали цвет все многоплодный –
И в венец вплелись народный.

ИЗ СЕРБСКОЙ ПОЭЗИИ

ЙОВАН СУБОТИЧ

(1817 – 1886)

СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ

Что горит-сияет,
Старый сад тревожа –
Или ясный месяц,
Или солнце ясно?
То не ясен месяц,
То не солнце ясно, –
Дикие то очи,
Дикое лицо то!
Дико блещут очи,
Месяц отражая,
Дикое лицо же –
От сиянья солнца.

БРАНКО РАДИЧЕВИЧ

(1824 – 1853)

СОЛНЦА

Солнышко садится,
Травка серебрится,
Под его лучами
Исходя слезами.

Я лицо не прячу,
Но и всё ж не плачу,
Улыбаюсь знаю,
Знаю напеваю:

Солнышко родное,
Быть хочу с тобою,
А любовь мне, да,
Дарит солнца – два!

ЙОВАН ЙОВАНОВИЧ-ЗМАЙ
(1833 – 1904)

КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ СВЕТ

Как прекрасен
Этот свет:
Где-то ключик,
Где-то цвет,
Где-то нива,
Где-то сад;
Сколько солнца
И прохлад!
Волн Дуная
Блеск и бег,
Разнотравье,
Ветра смех;
Соловейко
Нежит луг.
Я внимаю
И мой друг.

ДЕВЧОНКА

Мне девчонка милый
поцелуй дарила,
а как подарила,
тут же укорила;
за тот миг единый
песню запросила.

Коли захотела,
бери песню смело;
в сердце столько горя,
но пою не споря
для зореньки милой.

ВОИСЛАВ ИЛИЧ

(1862 – 1894)

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Слышу, как ветер, стеля, пустыми полями носит
Густые слои тумана, как влажное полотно...
Закаркав, взлетает ворон и кружит над головою,
Небо мутным-мутно.

Мокрая лошаде́нка в село поспешает наше,
И вот перед глазами бедный и старый дом:
Старушка стоит на пороге, мокрую птицу кличет,
Тут же и пёс огромный помахивает хвостом.

А ветер уныло свищет, нося полями пустыми
Густые слои тумана, как влажное полотно...
Закаркав, взлетает ворон и кружит над головою,
Небо мутным-мутно.

СТАРИК

Старый, слабый и усталый,
Я бреду – студён мой путь;
Борьбе отдано немало,
Отдышаться жаждет грудь.

Разговоры все напрасны,
Зря и памятью пронзён:
Меня мучит, валит властно
Всеподебный некий сон –

Свершено всё... Цепенея,
Взгляд бросаю в мир пустой:
Знать, не надобен нигде я,
Никому, – и мне никто.

Старый, слабый и усталый,
Я бреду – студён мой путь;
Борьбе отдано немало,
Отдышаться жаждет грудь –

А в краях неисходимых
Радость есть ещё одна:
Много ждёт меня родимых
В царстве сладостного сна...

АЛЕКСА ШАНТИЧ

(1868 – 1924)

В АЛЬБОМ

Полно, не множь заблуждений счёт,
Сердце один только раз живёт.

После того ничей уже глас
Из праха, нет, не поднимет нас.

Веруй в единой истины мощь –
В вечную смерть и вечную ночь.

В гробе когда-то, знаю о том,
Вместе нам тлеть с Небесным Отцом.

Лишь на земле и пекло, и рай:
Здесь наш исток и здесь же наш край.

МОЯ НОЧЬ

- Моя ночь, когда, лихая, канешь?
- Никогда!
- Мой рассвет, когда ко мне заглянешь?
- Никогда!
- Моя доля, когда обогреешь?
- Никогда!
- Моё небо, когда засинеешь?
- Никогда!
- Моя милая, когда же свадьба?
- Никогда!
- Мои слёзы, когда край вам, знать бы?
- Никогда!

ИВО АНДРИЧ

(1892 – 1975)

КОГДА СЕРДЦЕ ПЛАКАЛО

Когда сердце плакало,
Вас нигде и не было,
Ни гóлоса, ни слова на бумаге,
В нужде утешающих.

Ныне, когда плачете,
Я смеюсь и мне больно,
Всё так неряшливо, назойливо, приторно,
Словно на глупой сцене.

Вот и выяснилось всё,
Что люди друг другу
Могут дать и дают в этой короткой жизни:
Полное непонимание.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Никогда не было
По всему свету огромному,
Нет, нигде не было,
Чтобы лопнули плиты надгробные
Когда-нибудь, где-нибудь;
По всему свету огромному
Века пролетают,
Мёртвые спят и землёй становятся,
А мы-то живы
По всему свету огромному,
А мы-то грустим,
Мы утешаемся жаждой вечности.
По всему свету огромному

Грёзы летают:
Вот, лопнули плиты надгробные
И вечность царит,
По всему свету огромному
Простёрла крыла.
О, вечер опять глаголет истину:
Не посещают нас звёзды
И гробы не отзываются,
Крепко спят мёртвые;
Живые – лишь тень облака;
Вечен только наш сон о вечности.

ИЗ РУСИНСКОЙ ПОЭЗИИ

АЛЕКСАНДР ДУХНОВИЧ

(1803 – 1865)

ОБЛИК ЖИЗНИ

Я под тенью векового
Дуба погрузился в сон,
Изнурён когтями страха,
Дикой дрожью поражён;
Как бездушный труп, без чувства
Я лежал – и всё ж горел:
Ужас смертного предела
Я над жизнью рассмотрел;
И узрел, что свет любезный
Сердцу и душе лишь плен,
Кратковременная радость –
И ничтожество, и тлен;
И как солнышко заходит,
Сгинет так мгновенный век:
Словно вешний цвет румяный,
Исчезает человек.
Облик мой живой погаснет,
Пламень сердца, жар утех,
Стукнут челюсти уныло
И покажут гнусный смех.

ПОСЛЕДНЯЯ МОЯ ПЕСНЬ

Ой, ребята-соколята,
На крыло вставать вам надо!
Поднимусь, старик, едва ли,
Крылья соколу сломали.

Горы, доли облетая,
Своих деток окормляя,
Изнемог, теряю силы –
Обветшали кости, жилы.

Ах, летал и я высоко,
Опускался я глубоко,
Среди ветров, в быстрине
Кормщик не был нужен мне.

Меж стихий в меня немало
Молний, стрел шальных летало,
Сколько вынес от врагов я
И чужих, и близких кровью!

<...>

За чужим пером не гнался,
Добрым духом укреплялся,
Жизнь не променял на страсти,
Терпя беды и напасти.

Били вороги, когтили,
Осрамить всё норовили,
Словно колокол, кололи,
Но остался я на воле.

Нёс для родины единой
Звуки песни соколиной,
Песне вас учил широкой
И летать учил высоко.

Так, ребята-соколята,
На крыло вставать вам надо!

Старый сокол уж не может,
Он вам больше не поможет.

Цвет ваш белый, как свет белый,
Нет греха в нём, верьте смело,
Помните: чужие перья –
Это ваших лишь потеря.

С думой о небесной жизни
Пойте только для отчизны,
На чужбине всё не ваше,
Пусть не коренится вражье.

Завершая жизнь земную,
Песнь последнюю дарю я
Вам, родные соколята,
Здравы будьте вы, ребята!

На Бескидах, в милом крае,
В том исконно руском³ рае,
Где узрел страну родную,
Упокоиться хочу я.

Шаг к скале седой направа,
Положите спать в дубраве,
Здравы будьте и летайте,
Батько славно поминайте!

³ Первые «будители» Галиции называли свой язык «русским» (т. е. русинским). При этом они также именовали «русским» (с двумя буквами «с») собственно русский язык.

МАРКИАН ШАШКЕВИЧ

(1811 – 1843)

РАЗДУМЬЕ

Нёсся месяц ясным небом
К звёздочке единой;
Летел хлопец чистым полем,
Где краса-дивчина.

Скоро месяц повстречался
С непроглядной тучей;
Не раз хлопец посражался
С мыслью неминучей:

«Мысль тоскливая, лихая,
Что меня терзаешь?
Что ты в жизнь кидаешь горечь,
В сердце боль ввергаешь?»

Злая мать, в леса и горы
Отступи, не споря,
Пусть твои погибнут чары,
Как следы на море.

Пусть на сердце радость будет,
Пусть мечта играет,
Пусть мне ласковая доля
Птичкой напевает».

НИКОЛАЙ УСТИЯНОВИЧ
(1811 – 1885)

СУДЬБА

Все века – сердца рыдали,
Все века – струилась кровь,
Все века – костры пылали
И на плахи шла любовь.

Все столетья – снова, снова
Горький, жаркий стон звучал,
Все столетья – тёрн суровый
Чувства лучшие венчал.

Так горюю отчего же
И живу, судьбу кляня?
Я страдаю, нет, не больше
Тех, что были до меня.

Мне одно лишь только горе,
Злей отыщется едва ль:
Я не сам страданий море
Пью – не сам несущу печаль!

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ
(1819 – 1900)

ДУМА КАРПАТОБОРЦА

Русь, родительница, свете
Милый, драгоценный,
Научи своей душевной
Думе сокровенной!
Умоли Отца Вселенной
Дать мне вдохновенье,
Чтобы удостоен был я
Вышнего прозренья;
Чтобы вещей Руси лира
Верою дышала,
Истиной святой, певучей
Сердца проничала;
Чтоб Руси родные чада
От сна пробудились,
О любви, надежде, вере
Горячо молились.
Русь, о мать, семьёй единой
Помолись с сынами,
Чтоб мы истину вещали
Сердцем и устами.
Пусть услышат Руси голос
Разные народы,
Пусть для всех племён сияет
Свет святой свободы,
Согревает непрестанно
Племена земные,
Чтоб Творцу они явили
Плоды дорогие.

Освяти же, Боже, струны
Нашей лиры славной,
Чтоб свет западу открылся
Веры православной!

ПЕСНЬ КАРПАТОРУСКАЯ

Русь напевами святыми
Своих деток поздравляет,
Милых с чувствами живыми
Обнимая, лобызает.

Из прадедовских гробов –
Гром заветных русских слов;
Русская кипит здесь кровь.

Русская кровь согревает
Жизнь до самых до глубин,
Совесть русская взывает:
«Помни, что ты славянин!»

Крепко рускую чтить кровь
Моих прадедов готов,
Посвящаю им любовь.

Русские мои все предки,
Вековечный я русин,
Русь, объятая нежны, крепки,
Я твой благодарный сын.

Если кто любовью свят,
Кто Русь любит, тот мой брат,
А изменник вечно клят!

Кто народ свой презирает,
Тот природы грешный враг,
Не найдёт то, что желает,
Век останется в цепях.

Всеми он навечно клят,
Гнусен каждому, как гад,
Всяк изменник проклят, кат!

ИВАН ГУШАЛЕВИЧ

(1823 – 1903)

ПОХОРОНЫ

Тихий ветер налетает,
Колокольный звон, уныл,
О покойнике рыдает.
Он ещё недавно жил.

Бедный путник шлёт моленья
О покойника душе,
Думая: «Через мгновенье
Зазвонят по мне уже».

Скорбный звон, как морок некий,
По ветру несётся вдаль;
Узы мёртвый сверг навеки,
Друг, к чему твоя печаль?

Верный друг, ты в милой хате
С ним простился насовсем;
Не рыдай же, Бога ради,
Ведь такой конец нам всем!

ТОСКА ПО РОДИНЕ

На чужбине погибаю,
Жизнь пуста, темна!
Сторона моя родная...
Где же, где она?

О мой милостивый Боже,
Возврати мне кров!
Да услышу в день погожий
Песнь родимых соловьёв!

Ветерок оттуда веет,
Где родимый край,
Там иначе вечереет,
Там-то счастье, рай!

Там!.. Туда мысль тянет, вяжет,
И уснуть невмочь;
Пока сердце там не ляжет,
Слёз не превозмочь!

ЮЛИЙ СТАВРОВСКИЙ-ПОПРАДОВ

(1850 – 1899)

ВЫ ПОКОЛЕНЬЕ ЕХИДНЫ

Вы поколение ехидны,
Низкий всепагубный род,
Самоубийцы, безбожно
Губящие свой народ!

Вы обольстители черни,
Вы душегубцы своих,
Вы обольстители милых,
Вы злые демоны их!

Что вам сказать, послы ада? –
Нет, не найти нужных слов,
Чтоб обесславить достойно
Вашу зловонную кровь.

Руской семьи сыновья вы,
Мать ваша – руская мать,
И неужели вы в силах
Душу родную предать?

Русская мать вас растила,
Брали вы рускую грудь,
И вы желаете в бездну
Смерти холодной толкнуть?

Первый раз руское слово
Молвил невинный ваш рот,
Что ж вам оно гнусным стало
И вам милей чуждый род?

Питаны руским вы потом,
Руский кормил вас отец,
И ваши руки нам, руским,
Дарят смертельный свинец?

Вы презираете русских –
Льстите народам другим,
Бедные, ведь кому льстите,
Знайте, противны вы им!

Всякий смеётся над вами,
Что низки вы, знает он,
Льстит вам в нужде, но почтить вас –
Гордый претит ему тон!

Вы стыд народа родного,
Вы иль слепые глупцы,
Иль подхалимы, измены
Жаждающие подлецы!

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

ИВАН ВАЗОВ

(1850 – 1921)

НИВА

Нива моя, нива,
славно ты возрастаешь.
Зреешь ты на солнце,
колос наливаешь.

Ветер ли подует
из иного края,
ты играешь чудно,
как волна морская.

Птичка-невеличка
с песней вьётся, млеет,
но и туча злая
в вышине чернеет.

Зреешь ты беспечно,
с ветрами играешь,
тяготы людские,
нива, ты не знаешь.

Буря ли, помилуй,
град ли оголтелый!
Боже, сделай, чтобы
нивушка созрела!

ПЕЙЧО СЛАВЕЙКОВ

(1866 – 1912)

КРУЖАТСЯ ЧЁРНЫЕ ТУЧИ

Кружатся чёрные тучи,
молнии ринутся скоро;
словно от думы горючей,
хмурятся тёмные горы.

Голову вскружат ли грозы,
бури нагрянут – не струшу!..
Грозы те высушат слёзы,
бури порадуют душу.

ВРЕМЯ ПРОЛЕТЕЛО НЕЗАМЕТНО...

Время пролетело незаметно.
Музыка замолкла на пределе.
Глохнет вечер. Тёмные аллеи
городского парка опустели.

У буфета господ без цели
спорят о политике с надсадой –
а в сторонке жалкие окурки
робко собирают цыганята.

ПЕЙО ЯВОРОВ

(1878 – 1914)

МОЯ ИСПОВЕДЬ

От ранней утренней зари
пытался поучать,
когда и как любить и петь –
как полно жить уметь.

И вот – последняя заря, –
не научился, знать!
Любил я много, много пел,
Как мало я успел!

ГЛУХАЯ НОЧЬ...

Глухая ночь и адский мрак,
и замер звук, и свет зачах:
но пред воротами ночью чёрной
я два часа стою упорно.

Мой дух страдает, притеснён,
мой ум блуждает, ослеплён –
бух в череп камень без оглядки,
и прочь гони во все лопатки.

ДА, БЛИЗОК КРАЙ

Да, близок край – не будет рабского страдания,
да, близок край – изыдет рабская судьба, –
нет, не напрасно было доброе старание,
нет, не напрасно длилась добрая борьба!

НИКОЛАЙ ЛИЛИЕВ
(1885 – 1960)

ТЫ СЛЫШИШЬ, БОЖЕ?..

Ты слышишь, Боже? Горестной мольбой
к Тебе лечу, Господь непостижимый:
над грудью длань протянет пусть незримо
мятежный дух, низвергнутый тобой!

Я не разбил железные врата,
ведущие в святые кущи рая,
душа рыдает без конца и края,
как изгнанная прочь мечта.

Покорно жду властительный Твой зов,
о, пусть он мне откроет тайны ада:
ещё, быть может, изопью услады,
ещё, быть может, изопью любовь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Небесные читал я письмамена...»	5
«И мхи, и бабочки, и звёзды...»	5
Лёг я в травы... ..	5
«Осенний день янтарный...»	6
«Руси великой и живой...»	7
«Ты вся – от схимы до разгула...»	8
«Тишина баюкает тропинку...»	8
Родичи	9
«На гору тучка прилегла...»	9
«Я слышу переключку именную...»	10
«На коре сосновой и берёзовой...»	10
«Сны забыты, и спутаны даты...»	11
«Долгий дождь на сухие леса...»	12
«Железные горы сошлись...»	12
Доживи до весны... ..	13
«Милый друг, пожалуйста, не куксись...»	14
«За окнами проклюнется рассвет...»	14
«Навестив заветные места...»	14
«...А может, надо затеряться...»	15
«...И в ночь ушёл я от дозора...»	15
Поэт	16
«На музыку небесную слова...»	16
«Настоян полдень на меду...»	17
Терновничек	17
Нежданная встреча	18
Блаженный	19
«На левой ладони – безмолвствует лес...»	19
«Детство само улетело...»	20
«Раздумьями день мой вышит...»	21

«Кладу Писанья в изголовье...»	21
«В год из года шагаю, вкушая...»	22
Переложение псалма 12	23
Переложение псалма 114	23
«Мне поклонился богомол...»	24
«Сошлись деревья в круг – и вот, над ними...»	25
«Птицы, звери алчут гнёзд и нор...»	25
Не погинет вовек...	26
«Эти сосны держат берег...»	27
«Хожу за тридевять земель...»	27
Лесное половодье	28
«Я говорю, но голос мой не слышен...»	28
«Отчего, не опасаясь злого...»	29
В мой дом вошли воспоминанья...	29
«Туман до полудня, и росы в избытке...»	30
Летели журавли	30
«Освежился ежевикой...»	31
«Путей не проклиная пыль...»	31
Русская песня	32
Лики осени	32
«Ветер озябший и хмурый...»	32
«Железное горе моё...»	33
У ночного зеркала	34
Береги меня, Берёза...	35
Возведение	35
«Я не переводчик – перевозчик...»	36
Лакримарий	37
«Иду...»	38
Моя поляна	38
«Не забывайте: власть конечна...»	39
«Мёрзлая корка хрустит под ногами...»	40
Рамки безумия	41
Интернет и Книга	42
Ласка и Пила	44

Сосна и Терновник	45
Орешник у дороги рос	45
Поругались две Секунды	46
«Отведав крови, тяжело...»	47
Болезнь века	48
Когда ничтожество в чести	49
«Замахнулся – аж шапка слетела...»	50
«Переулоч паршивых собак...»	50
«Мне бы вольной дороге отдаться всерьёз...»	51
«Чужие, злые небылицы...»	51
«Я не ваш, и от меня отстаньте...»	52
«Над скосившимся мостком...»	52
Рыжики	53
«Брожу дорогами простыми...»	54
На рубеже	55
«Последний снег, мне жаль тебя...»	55
Моему городу	56
Облачко-младенец	57
«Года сверяю по кукушке...»	58
«Дождь закончился. Свежо...»	58
Ожидание	59
Улей	59
«На перекаате бродит жерех...»	60
Октябрьский собор	61
«Храни вас Господь от порубки...»	61
«Глаза площадей застиляет туман...»	62
«Всё затихает к ноябрю...»	63
«Ноябрь угрюмо грабит лес...»	63
Зимушка	64
«Пробует голос кукушка...»	65
«Овсы. Вечерняя роса...»	65
«Родич тех незапамятных пущ...»	66
«Есть обрывок бумаги...»	66
Вдаль идти...	67

Зёрна. Миниатюры разных лет	67
Дубу новорождённому	74
«Довольствуюсь малым...»	74
«К Саулу, к Ашшурбаналу...»	74
Железная лестница	75
«Падает сердце в проклятые бездны...»	76
«Полю повилику – а небо на страже...»	77
«Прости меня, горельник брат...»	78
«Душа болит как на погосте...»	78
«Потреплет небо за вихор...»	79
«Всё трудней выходить из запоя...»	79
«Несовершенство – двигатель всего...»	80
«Я за Россию молился в ночи...»	81
«Заблудшего века печальник...»	82
«Ночь – до скончания земли...»	83
Художнику	83
«Летучий росчерк молнии могучей...»	84
«Ложатся реки на ладонь...»	84
«Правлю строчки...»	85
«Свет былинный струится в окно...»	86
По следам Индрика	87
«Неверный сумеречный свет...»	87
«То звёздно, то черно, то грозно-ало...»	87
Свет наш – победит!	88
«Снеговые тучи с севера...»	89
«А до весны – рукой подать...»	90
«Вечерний лес, играя в прятки...»	91
«...И потерялась дорога...»	92
«Я снова отдаюсь устало...»	92
«Огни обмирают и тонут в тумане...»	93
«Рощи, зябко вздрагивающие...»	93
«Горше дыма-нелюдима...»	94
«Дороги трудные, размокшие...»	94
«В годину горестей и бед...»	94

Сны старой яблони	95
«Судьбой знобимы и палимы...»	96
«По тебе моё сердце запылало...»	96
«А если вдруг наискосок проходит...»	97
«Свинцовые сосцы не имут молока...»	97
«Колокольня болит, как разрушенный зуб...»	98
«Когда прибавится на треть...»	98
«Лес очнулся в тихой дрожи...»	99
«Птицы, пчёлы и кузнечики...»	99
Гольш	100
Оберег золотой	100
Листья из сказки	101
«В дни юности я пас коров...»	101
«По капле входила отравы...»	102
«Стихи младенческие живы...»	102
«Начинаю с чистого листа...»	103
Новолетие	104
«Одну родную душу отыскать...»	104
«Когда зардеет в сердце страсть...»	105
«Влачится ветхий день...»	105
Фет	106
«Нет прошлого, и будущего нет...»	106
«Художник! Ты склоняешь знамя!...»	106
«Светает – в час по чайной ложке...»	107
Вольному – воля	107
Морская болезнь	108
Луна	108
Луна. Палинодия	109
«Блажит, похоже, кровоток...»	110
Расправа	110
«С поэтами надо поостороже!...»	111
«Я набрёл на куст калины...»	112
«Устав от мелочных стараний...»	112
Журавлиные гусли	113

«Отчий край дождями полон...»	113
«Слышишь, ветер, карманник, изменник...»	114
«Я значусь не в списках – в описках...»	114
«Прогнать все злые были, небылицы...»	115
«Те, кто были боги для меня...»	115
«Подарили перо мне чудесное лебедь и ворон...»	115
«И Божий глас, и тихий мой ответ...»	116
«Учусь у цветов и травы...»	116

ПОЭМЫ

Святогор	119
Азов	153
О Петре и о Февронии	166
Стоящие во тьме	179
Август в Каталонии	186
Данте	198

ПЕРЕВОДЫ

<i>Из Елизаветы Кульман</i>	209
-----------------------------------	-----

СЛАВЯНСКАЯ ГРОЗДЬ. Часть II

Из белорусской поэзии

Янка Лучина	232
Цётка	234
Янка Купала	237
Якуб Колас	239
Михась Чарот	244
Кондрат Крапива	246
Петрусь Бровка	250
Юлий Таубин	251
Максим Танк	262
Пимен Панченко.....	265

Леонид Гаврилов	267
Алексей Коршак	269

Из черногорской поэзии

Пётр II Петрович Негош	272
------------------------------	-----

Из сербской поэзии

Йован Суботич	273
Бранко Радичевич	274
Йован Йованович Змай	275
Воислав Илич	276
Алекса Шантич	278
Иво Андрич	279

Из русинской поэзии

Александр Духнович	281
Маркиан Шашкевич	284
Николай Устиянович	285
Александр Павлович	286
Иван Гушалевич	289
Юлий Ставровский-Попрадов	291

Из болгарской поэзии

Иван Вазов	293
Пейчо Славейков	294
Пейо Яворов	295
Николай Лилиев	296

Литературно-художественное издание

Сергей Евгеньевич Луценко

Письмена и зёрна

Стихотворения, поэмы, переводы

Верстка О.И. Сотникова
Корректор Н.А. Белявцева

Подписано в печать 20.05.2025 г.
Формат набора 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Заказ № 474. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900